

символ СТАЛИНСКИЕ ОТЕЛИ:
ДОГНАТЬ
/ 78 И ПЕРЕГНАТЬ

МОСКОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ № 6 (42) 2015

МОСКВА ГОСТЕПРИИМНАЯ

ГОРОДСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА СТАСОВСКИЕ ГОСТИНИЦЫ / 20

POSTGENITUS ПАРИЖАНЕ В МОСКВЕ / 30

зодчий ВЫСОКИЙ ТАЛАНТ / 86

/ 113 АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГУЛКА ПО МОСКВЕ-РЕКЕ

с. 4

4/ АРХОБЗОР

«Кто не слышал о московском хлебосольстве, гостеприимстве и радушии?»

И кто не восхищался архитектурными формами, в которых они воплощены?

17/ МОСКВА ГОСТЕПРИИМНАЯ

На карте города

20/ ГОРОДСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА

Стасовские гостиницы

В конце XVIII века на Бульварном кольце Москвы было построено 11 типовых гостиниц

с. 20

24/ ПАМЯТЬ МЕСТА

«Усердно посещавшиеся немецкой публикой...»

Старинные московские гостиницы с «германскими» названиями

30/ POSTGENITUS

Парижане в Москве

«Интимная дружба между этими двумя городами является залогом дружбы двух великих наций – России и Франции»

34/ КОНКУРСУ «МОСКОВСКАЯ РЕСТАВРАЦИЯ – 5 ЛЕТ»

Турнир-наводка

Реставраторы иногда находят совершенно неожиданные подтверждения правильности своих проектных решений

с. 34

42/ АРХИТЕКТУРА С ИСТОРИЕЙ

«В подобном заведении Москва давно нуждалась»

«Кокоревское подворье» появилось «ранее, чем начали возникать за границей так называемые Grand Hotely»

48/ ШЕДЕВР

«Боярский двор»: энциклопедия стиля

Создавая ее, Федор Шехтель использовал многое из арсенала модерна, но ничего не оставил в чистом виде

с. 48

54/ МОСКОВСКИЙ ПОРЯДОК**Гостеприимство по-"САВОЙ"ски**

Вот уже больше ста лет оказывает один из трех старейших отелей столицы

62/ ДЕТАЛЬ**Магическая двойка**

Две майоликовые надписи на фасадах, два художника, две «Прищессы Грёзы», два гения - творческий и коммерческий

72/ АРХИВ**«Открыта новая грандиозная гостиница...»**

Регулярно сообщали дореволюционные газеты и архитектурные журналы

78/ СИМВОЛ**Догнать и перегнать**

Строительство московских высоток — крупнейшая пр-акция сталинского времени

86/ ЗОДЧИЙ**Высокий талант**

В истории отечественной архитектуры фигура Вячеслава Константиновича Олтаржевского — одна из самых таинственных и загадочных

96/ ЯВЛЕНИЕ**«Интурист»: 33 года модернистского вызова**

Дерзкого или неуместного?

102/ ОТРАЖЕНИЕ**«Кофе подано»**

Комплимент от заведения: свежая пресса и «умное, остроловное» общество

108/ ОТРАЖЕНИЕ**«Поскутной гостиницы старое зданье»**

Сохранилось лишь в мемуарах и литературных произведениях

**113/ ПУТЕВОДИТЕЛЬ МН
ПО БЕРЕГАМ МОСКВЫ-РЕКИ****Археологическая экскурсия**

с главным археологом города Леонидом Кондрашевым

с. 54

с. 62

с. 86

с. 113

Адреса распространения**Книжные магазины**

«Фаланстер»
М. Гнездиковский пер., д. 12/27,
стр. 2-3
«Циолковский»
Пятницкий пер., д. 8
«Гиперион»
Хохловский пер., д. 7-9, стр. 3
«Центральный фотопрокат»
Колпачный пер., д. 3, стр. 3
«Читалка»
Жуковского ул., д. 4

Кафе, рестораны, клубы

«Квартира 44»
М. Ордынка ул., д. 24
«Братья Третьяковы»
Лаврушинский пер., д. 10, стр. 1
«Джао Да»
Лубянский пр-д, д. 25
«FAQ-кафе»
Б. Полянка ул., д. 65/74
Upsidedown Cafe
Б. Грузинская ул., д. 76
Montalto
Садовая-Кудринская ул., д. 20
Black Market
Усачева ул., д. 2, стр. 1
БЦ «Бородино Плаза»
Русаковская ул., д. 13
Star Lounge cafe
Бахрушина ул., д. 25
кафе-пекарня «Райский пирожок»
Мира пр-т, д. 26, стр. 1

**Музеи, АРТ-площадки —
10 адресов**

«Винзавод»
4-й Сыромятнинский пер.,
д. 1, стр. 6
«Флакон»
Б. Новодмитровская ул., д. 36
Центр современного искусства
«Гараж»
Крымский вал ул., д. 9
Музей архитектуры
им. А. В. Щусева
Воздвиженка ул., д. 5
Центральный дом художника
Крымский Вал ул., д. 10/14
Государственный музей
А.С. Пушкина
Пречистенка ул., д. 12/2
Музей русской усадебной
культуры «Усадьба князей
Голицыных «Влахерское-
Кузьминки»
Тополевая аллея, д. 8/10
Музей Москвы
Зубовский б-р, д. 2
Императорское
Православное Палестинское
общество
Зубовский б-р, д. 2
Галерейный центр «Артефакт»
Пречистенка ул., д. 30/2

Библиотеки, научно-исследова-
тельские и учебные заведения
Московский архитектурный
институт
Рождественка ул., д. 11

Московский государственный
строительный университет
Ярославское ш., д. 26
Российская академия архитектуры
и строительных наук
Большая Дмитровка ул., д. 24
Строительный колледж № 26
Трофимова ул., д. 27, корп. 2
Строительный техникум № 30
Ак. Петровского ул., д. 10
Московский городской педагогический
университет
Сельскохозяйственная ул., д. 4, корп. 1

Высшая школа экономики
Покровский б-р, д. 8
ГБУК Центральная городская
юношеская библиотека
им. М.А. Светлова
Садовая-Кудринская ул., д. 23
Политехнический техникум № 2
Тимура Фрунзе ул., д. 28
Политехнический техникум № 2
1-й пер. Тружеников, д. 12, стр. 4
Центральная универсальная научная
библиотека им. Н.А. Некрасова
Бауманская ул., д. 58/25, стр. 14
Российская государственная
библиотека для молодежи
Б. Черкизовская ул., д. 4, корпус 1
Московский финансово-юридический
университет МФЮА
3-я Кабельная ул., д. 1
Московский финансово-юридический
университет МФЮА
Введенского ул., д. 1
РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина
Ленинский пр-т, д. 65, корп. 1

Органы государственной власти

Правительство Москвы
Тверская ул., д. 13, (5 подъезд)
Тверская ул. д. 13, (2 подъезд)
Департамент культурного наследия
города Москвы
Пятницкая ул., д. 19 (приемная)
Пятницкая ул., д. 19 (служба
«одного окна»)
Пречистенка ул., д. 3
Управление Министерства культуры
Российской Федерации по
Центральному федеральному округу
Академика Королева ул., д. 21, стр. 1
Комитет по архитектуре
и строительству города Москвы
(Москомархитектура)
Триумфальная пл., д. 1
Департамент культуры города
Москвы
Неглинная ул., д. 8/10
Петровка ул., д. 17, стр. 11/13
Департамент социальной защиты
населения города Москвы
Новая Басманная ул., д. 10, стр. 1

Телефон горячей линии
Департамента +7 (916) 146-53-27
Горячая линия Департамента
открыта для сбора информации
о случаях, угрожающих историческому
облику Москвы
© Департамент культурного
наследия города Москвы, 2015
Перепечатка материалов
журнала невозможна без письменного
разрешения редакции

ЖУРНАЛ «МОСКОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ» № 6 (42) 2015**Учредитель**

Департамент культурного наследия города Москвы

Руководитель проекта
Куратор проекта
Координатор проекта

Алексей Емельянов
Марина Ляпина
Наталья Калинкина

**Объединенная редакция изданий Мэра
и Правительства Москвы**

Руководитель
Объединенной редакции
Генеральный директор
Объединенной редакции

Евгения Ефимова
Эдуард Жигайлов

Редакция журнала «Московское Наследие»

Главный редактор

Татьяна Садковская
(stn@mospress.com)

Заместитель главного редактора
Заместитель главного редактора
Главный художник
Верстка
Фотограф
Цветокорректор
Корректор

Александра Шапиро
Ирина Пугачева
Алексей Раснюк
Ольга Кудряшова
Олег Паршин
Ольга Царькова
Ирина Кондратьева

Научный руководитель номера

Архитектор высшей категории,
эксперт по проведению государственной
историко-культурной экспертизы

Лариса Лазарева

Адрес редакции:

123995, Москва, ул. 1905 года, д. 7,
Объединенная редакция изданий Мэра
и Правительства Москвы

Телефон редакции: (495) 357-20-10

Отпечатано:

ООО «Первый полиграфический комбинат»
Адрес: 143405, Московская обл., Красногорский район,
п/о Красногорск-5, Ильинское ш., 4-й км.

Электронная версия журнала:

<http://dkn.mos.ru/popularization/the-magazine-moscow-heritage/>

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связей,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-50269 от 14 июня 2012 года
Тираж 30 тыс. экз.

Все номера журнала «Московское наследие» в 2015 году:
«Москва посольская», «Москва «на рельсах чугунных»,
«Московский некрополь: от курганов до мавзолея»,
«Москва промышленная», «Москва торговая»,
«Москва гостеприимная».
Журнал распространяется бесплатно по указанным
адресам.

Текст: «Московское Наследие»
 Консультант: Лариса Лазарева, архитектор высшей категории,
 эксперт по проведению государственной
 историко-культурной экспертизы

Гостиница «Националь». 1903 г.
 Арх. А.И. Иванов. Ул. Моховая, д. 15/1
 Фото: Э. Жигайлов. 2015 г.

«КТО НЕ СЛЫШАЛ О МОСКОВСКОМ ХЛЕБОСОЛЬСТВЕ, ГОСТЕПРИИМСТВЕ И РАДУШИИ?»

Всем качествам, которые перечислены в цитате из Виссариона Белинского, Москва истари старалась соответствовать, визуализируя их в репрезентативной архитектуре объектов индустрии гостеприимства. Предназначенные для удовлетворения общественных потребностей, эти объекты всегда отражали уровень социального, культурного и технического развития той эпохи, в которую были созданы, и это определяло их образную выразительность, особую историческую значимость. Запоминающийся архитектурный облик был и остается тем зримым фактором, который производит первое и сильное впечатление на клиента, это главная составляющая имиджа отеля и самая выразительная его реклама. Практически все архитектурные направления и течения нашли свое отражение в многообразии московских отелей. Являясь сложным и комплексным по функциям объектом, гостиница позволяет архитектору воплотить самые смелые новаторские идеи, создавать яркий облик, самобытный, запоминающийся интерьер – все то, что востребовано современниками, а через десятилетия и века превращает утилитарную постройку в объект культурного наследия.

И КТО НЕ ВОСХИЩАЛСЯ АРХИТЕКТУРНЫМИ ФОРМАМИ,
 В КОТОРЫХ ОНИ ВОПЛОЩЕНЫ?

**ДОПЕТРОВСКАЯ СТОЛИЦА:
ПОСОЛЬСКИЕ ДВОРЫ,
МОНАСТЫРСКИЕ ПОДВОРЬЯ,
«ПОСТОЙНЫЕ» ИЗБЫ**

О зарождении первых форм индустрии московского гостеприимства можно говорить, начиная века с XVI. Постоянно прибывавшие в «город Московию, главу и столицу Руссии» послы разных стран, купцы, паломники должны были «ставиться на местное жилье». Их обустройством занимался за казенный счет созданный в 1549 году Посольский приказ. Бернгард Леопольд Франциск Таннер, чешский путешественник, бывший в Москве с 1678 по 1682 год, так описывал, например, Посольский двор на Ильинке: «...Это прекрасное здание... в три жилья, по четырем углам украшено четырьмя башенками, или, как их называют куполами, возвышающимися над столькими же ступенями. Оно включает внутри четырехугольный двор, середину которого занимает большой колодец. Главная краса здания – высокая и изящная башня, служит великолепным в него входом и своими тремя балконами... приятными для прогулки, придает немалое украшение этому городу». В 1889–1890 годах архитектор Б.В. Фрейденберг выстроил на этом месте Дом Московского купеческого общества (Ильинка, д. 8). Однако название «Посольский двор» сохранялось за участком вплоть до 1917 года. У наиболее часто посещавших Москву посольств и торговых представительств имелись собственные постоянные дворы. Почти все они остались только в городской топонимике: Крымский двор «за Москвою-рекою» «стал» улицей Крымский вал, Шведское подворье – Шведским тупиком. Маросейка получила название по Малороссийскому подворью, где, согласно царскому указу от 12 января 1670 года, должны были «ставиться» «малороссийских городов казаки и мещане», прибывавшие «к Москве для всяких своих дел и с товарами». По адресу ул. Маросейка, д. 11/4, стр. 1 сегодня находится памятник истории и культуры федерального значения «Малороссийское подворье XVII–XVIII веков». Сохранился

«Малороссийское подворье». XVII–XVIII вв. Фрагмент фасада. Ул. Маросейка, д. 11/4, стр. 1

Старый Английский двор. XV–XVII вв. Ул. Варварка, д. 4А

и Старый Английский двор (ул. Варварка, д. 4) – резиденция английский купцов в Москве, известная со времен Ивана Грозного. Монахи, паломники, а со временем и богатые бояре, купцы останавливались на монастырских подворьях. В XVI–XVII столетиях большинство из них располагалось в Китай-городе – Новгородское, Троицкое (Троице-Сергиева монастыря), Иосифовское (Иосифо-Волоколамского монастыря) и др. В Белом городе подворья обустраивались на Мясницкой улице – Рязанское, Вятское, Псковское, Коломен-

ское. Подворье Голутвинского монастыря в Замоскворечье дало название 1–4-му Голутвинским переулкам. Пожалуй, наиболее известное из сохранившихся – подворье Пафнутьево-Боровского монастыря (Ипатьевский переулок, д. 12; перемещено в 1968 году из Никольского переулка). Его каменные жилые палаты, перекрытые сводами с распалубками, были выстроены в середине XVII века. Подворье состояло из одного корпуса, разделенного на пять помещений, с отдельным входом каждое.

«Посольские дворы в Москве XVII века». Гравюра из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно»

«Царь Иоанн Грозный показывает свои сокровища английскому послу Горсею». Худ. А.И. Литовченко. 1875 г.

Слова «ям» («почтовый двор», «станция») и, соответственно, «ямщик» появились в русском языке еще в XIII веке. В 1570–1579 годах был создан Ямской приказ. К этому времени уже сформировались ямские поселения, где занятие гоньбой (доставкой лошадей для почтовых перевозок и собственно перевозками) передавалось по наследству. В городских ямских слободах, как правило, обустраивался «приезжий» двор с «постоянными» избами для путешествующих. Интересно, что площадь «приезжих» и «ямских» дворов в Москве по регла-

менту была больше, чем в других городах. В XVI–XVII веках в Москве на главных выездах из города сложилось несколько ямских слобод, что не могло не отразиться в ее топонимике: Тверские-Ямские улицы, улицы Ямского поля, Николоямская улица, Переяславские улицы (слобода была названа по городу Переяславу-Залескому, куда осуществлялась «гоньба»), Дорогомиловская улица (по одноименной слободе). Иверская-Ямская слобода располагалась в районе современной Суцеской улицы, Коломенская-Ямская – сначала в окрестностях

современной Большой Полянки, а затем площади Павелецкого вокзала. Рогожская слобода была на месте современных улиц Сергея Радонежского и Школьной. Со временем Школьная (до революции 1-я Рогожская) застроилась каменными двухэтажными домами с постоянными дворами и лавками по продаже телег, экипажей и шорного товара. Сегодня эта улица стала зоной с исторической застройкой: восстановлены фасады домов, деревянные ворота постоянных дворов. «Постой» в допетровской Москве представляли также в слободах стрельцов, торговцев и ремесленников.

**ОТ ПЕТРА I ДО ПАВЛА I:
«ГЕРБЕРГИ» И «БУЛЬВАРНЫЕ»
ГОСТИНИЦЫ**

При Петре I «трактирное» и «постоянное» дело вышло на новый этап. Появились так называемые «герберги» (от немецкого слова, обозначающего постоянный двор), которые должны были обеспечить «иноземным» гостям «пристанище, постель и стол». 15 мая 1764 года уже при Екатерине II был издан указ о создании в городах «гербергов» «ради приезжающих из иностранных государств иноземцев и всякого звания персон... и для Российского всякого звания людей, кроме подлых и солдатства, быть гербергам и трактирам... в которых содержать, кто пожелает, ковры с постелями, столы с кушаньями, кофе, чай, шоколад, бильярд, табак, виноградные вина и французскую водку». Именно от этого указа можно вести отсчет становления гостиничного дела в стране. Все заведения, обеспечивающие одновременно «постой и стол», классифицировались как «трактиры» (слово появилось в русском обиходе также в петровские времена). В 1779 году «герберги» разделили на четыре категории: гостиница с рестораном; трактир с «кушаньем в номерах»; трактир с номерами; постоянный двор. При почтовых станциях начали появляться путевые дома. Для царских особ и знати возводились путевые дворцы.

По сохранившимся сведениям, в 1785 году в Москве функционировали

56 каменных гербергов, 26 каменных и 340 деревянных постоянных дворов. Власти следили за тем, чтобы они размещались по городу равномерно. Об архитектуре этих строений сейчас судить довольно сложно, в отличие от тех гостиниц, которые распорядился выстроить в первопрестольной император Павел I. Во время своей коронации в 1797 году Павел остался недоволен состоянием московских бульваров. Согласно письменному распоряжению императора, их должны были озеленить, а «у семи главных входов бульвара» выстроить за государственный счет двухэтажные парные здания гостиниц, парадная архитектура которых «оформляла» бы въезды в Москву. «Фасад оных представляет портик с колоннами ионического ордера. Задняя сторона имеет полукруглые ниши». Проектированием гостиниц занимался петербургский архитектор В.П. Стасов. Из запланированных гостиниц выстроили не все, до нашего времени дошли здания двух (Петровский бульвар, д. 7/30, ул. Покровка, д. 17, стр. 1 и д. 16).

В начале 1800-х годов были выстроены здания гостиниц и постоянных дворов в торцах современных Садово-Триумфальной, Калужской, Серпуховской, Смоленской, Садово-Кудринской площадей.

ОТ ПОЖАРА-1812 ДО РЕФОРМЫ-1861: «АНГЛИЯ» И «ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ» ПУШКИНА

Когда послепожарная Москва начала активно отстраиваться, в центре города, на престижных центральных улицах, в арендованных предпринимчивыми деловыми людьми зданиях открывались и новые гостиницы – для дворян и иностранцев. В 1820–1850-е годы появились такие известные отели эпохи, как «Венеция» (современный адрес ее месторасположения в то время – одно из зданий во владении 13 на Мясницкой ул.), гостиница Шевалдышева (на углу Тверской улицы и Козицкого переулка, нынешний ориентир – Тверская ул., д. 12, стр. 2), «Шевалье» с владельцами-французами, где обедали «московские львы, столичные франты, и рус-

«В монастырской гостинице». Худ. А.И. Корзухин. 1882 г.

Тверская улица. Литография по рисунку О. Кадоля. 1825 г.

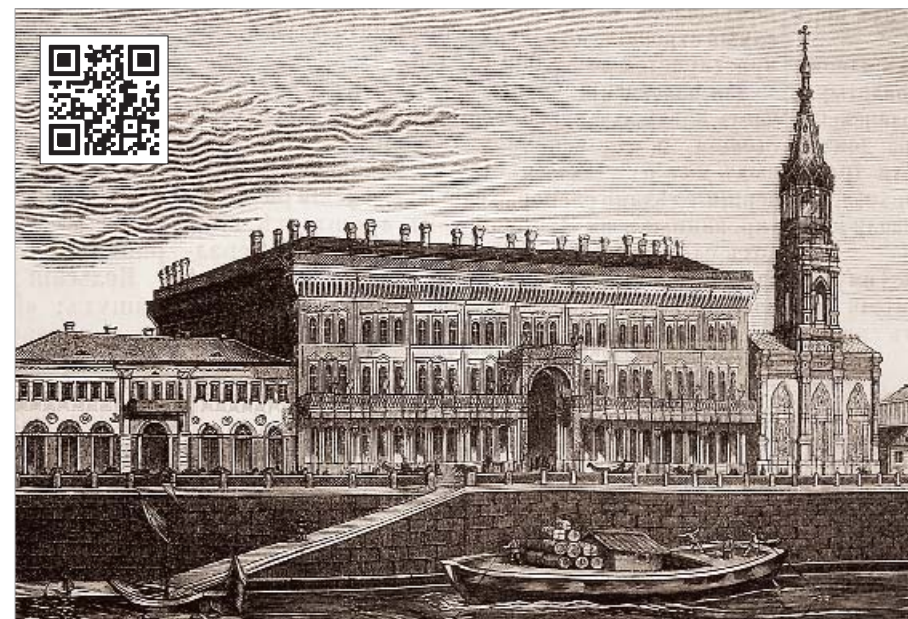
ские парижане» и где «карты обеда, ужина и вин предлагались только на одном французском языке» (Камергерский переулок, д. 4, стр. 1), «Лейпциг» (Кузнецкий мост, д. № 7/6/9), гостиница Челышева (на ее месте теперь отель «Метрополь»), гостиница Торлецкого или «Петербург» (Каланчевская ул., д. 11, стр. 1). В доме № 6 в Глинищевском переулке, возведенном М.Ф. Казаковым, с начала XIX века функционировала гостиница «Север», затем – «Англия». Здесь Пушкин написал стихотворения «Монастырь на Казбеке», «Кавказ», «К бюсту завоевателя», «Дорожная жалоба», встречался с поэтом Адамом Мицкевичем. Журналист и критик Н.А. Полевой так описывает пребывание Пушкина в 1826 году в гостинице: «...Занимал он довольно грязный номер в две

комнаты, и я застал его, как обыкновенно заставал его утром в Москве и Петербурге, в татарском серебристом халате, с голой грудью, не окруженно ни малейшим комфортом».

В одном из путеводителей пушкинской эпохи указывалось, что «гостиниц в Москве положено быть числом сорок». В каждой – от 10 до 30 «номеров». Внутреннее пространство организовывалось по коридорному принципу, отсюда и одно из названий обслуживающего персонала – «коридорный».

При заведениях имелись «ресторации», курительные комнаты, бильярдные, собственные сады. Очень славился, к примеру, сад гостиницы «Венеция».

В это же время подворья иногородних обитателей в Москве стали сдавать

«Кокоревское подворье». Иллюстрированная газета. Спб., 1865 г. Софийская наб., д. 34

«Шереметьевское подворье». Ул. Никольская, д. 10/2. Фото 1905 г.

площади в аренду купцам, в том числе и под гостиницы. Такой вид городского пространства сочетал торговую площадку в духе гостиного двора с «трактирным» заведением. У въездов же в московские монастыри строились двухэтажные гостиницы.

ПОСЛЕ 1861 ГОДА: «MAISON MEUBLE» И «АННА КАРЕНИНА»

После отмены крепостного права в Москву начали переезжать дворяне, продавшие свои имения. Кто-то из них не мог приобрести собственное жилье в Первопрестольной, кто-то намеренно не хотел. Помимо собственно гостиниц актуальным стало такое явление городской инфраструктуры, как меблированные комнаты. Чаще всего их обустраивали после перепланировки, а зачастую – и

реконструкции в старинных жилых домах и дворянских усадьбах. Реконструкция проводилась в соответствии со вкусами эпохи разными архитекторами. Жилые (верхние) этажи имели коридорную систему, выстроенную параллельно главному фасаду. «Номер» мог состоять из анфилады комнат. Меблированные номера допускалось оплачивать помесечно, что предполагало длительное проживание постояльца. В обязательную услугу входила организация питания для гостя. Как писал В.А. Гиляровский, «в те годы население меблирашек являлось не чем иным, как умирающей в городской обстановке помещицкой усадьбой». Некоторые меблированные номера незначительно уступали по уровню комфорта гостиницам высшего класса. Среди «приличных»

путеводитель тех лет, в частности, отмечал меблированные комнаты купца В.В. Варгина, где некогда жили В.Г. Белинский, декабрист В.М. Голицын, останавливался Ф.И. Тютчев (сегодня на месте здания с «варгинскими» комнатами стоит дом 8 на Тверской ул.); номера Шевалдышева на «нижнем конце Тверской», почти примыкавшие к лавкам Охотного ряда (здание не сохранилось); упоминаемые А.П. Чеховым комнаты, принадлежавшие семье известного с 1820-х годов ямщика Ечкина, державшей фирму «каретного извоза» (здание на Неглинной, против «Эрмитажа», не сохранилось). К более поздним меблированным комнатам относятся «Гуниб», позже превратившиеся в гостиницу «Столица» (ул. Арбат, д. 4); «Компания» (ул. Покровка, д. 3); «Трубчевск» (ул. Садовая-Триумфальная, д. 13), дома, принадлежавшие купцу Малошину (ул. Сретенка, д. 9). Стоит упомянуть также «Мадрид» и «Лувр», находившиеся в Леонтьевском переулке, д. 26, в здании, перестроенном в 1876 году в духе эклектики архитектором Н. Тальманом. Шикарный «Лувр» (со временем в нем появились телефон и ванны) размещался в той части здания, что «смотрела» на дом генерал-губернатора на Тверской, окна скромного «Мадрида» выходили в переулок. Именно «Мадрид» и сохранился после того, как в 1940-х при расширении Тверской снесли часть стоявших на ней зданий. Дополняет список «архитектурных» меблированных комнат «Княжий двор», располагавшийся в бывшей усадьбе князя С.М. Голицына (ул. Волхонка, д. 14/1). В 1892 году здание одного из флигелей владения по заказу купца Беклемишева перестроил архитектор В.П. Загорский, будущий автор проекта здания Московской консерватории.

В конце XIX – начале XX века в «Maison meuble» стала селиться публика среднего достатка – учителя, врачи, инженеры, студенты, художники, из-за чего меблированные комнаты класса люкс практически исчезли. И если в 1866 году в Москве насчитывалось 66 домов с меблированными

комнатами, то к началу XX столетия такие заведения имелись уже в 200 зданиях. География их постепенно сдвигалась от аристократической Тверской и ее окрестностей к более демократическим улицам.

Однако лучшие гостиницы, равно как и трактиры и рестораны, традиционно сосредотачивались на Тверской. Как, например, гостиница «Париж» (д. 3; по этому адресу в советское время три десятилетия стоял отель «Интурист», который затем сменил «Ритц-Карлтон»), которая славилась «весьма хорошей французской кухней». В 1883 году в ее апартаментах разместились высокие сановники, прибывшие на коронацию императора Александра III. Далее вверх по улице шли «Флоренция», «Пти-Отель Модерн», «Кавказ», «Либава» и «Принц», выделявшийся очень дорогой мебелировкой. В части дома № 19, принадлежавшего Салтыковым, размещалась гостиница «Бристоль». На пересечении Тверской и Георгиевского переулка (ныне Георгиевский пер, д. 1), в собственном доме лесоторговца Н.О. Сушкина функционировал «Мир». На месте современного дома № 6 стояла дорогая гостиница «Дрезден».

В окрестностях Тверской по-прежнему модной считалась уже упоминавшаяся нами гостиница «Шевалье» в Камергерском переулке, сменившая название на «Шеврие». Заведением «с традицией» был отель «Дюссо» (Театральный проезд, д. 3), где Л.Н. Толстой бывал сам и «поселил» героев «Анны Карениной». В начале 1890-х четырехэтажное здание в стиле эклектики, с балкончиками и лепным декором, архитектор С.С. Эйбушитц надстроил двумя этажами. На Театральной площади (здание не сохранилось) в «Континентале» останавливались купцы, промышленники, известные художники и литераторы.

ОТЕЛИ НОВОЙ ЭПОХИ: ОТ «РУССКОГО СТИЛЯ» ДО МОДЕРНА

Конец XIX – начало XX столетия ознаменовало активное развитие городской гостиничной «сети». Патриархальная Москва превращалась в крупный мегаполис, промышленный,

Отель «Националь». Фрагмент фасада

Гостинично-ресторанный комплекс «Славянский базар». 1873 г. Арх. Р.А. Гедике, А.Е. Вебер. Ул. Никольская, д. 17, стр. 1,2

Гостиница «Континенталь» на Театральной площади (здание не сохранилось)

Доходный дом Страхового общества «Россия» с меблированными комнатами «Империал». 1898 г. Арх. А.И. Иванов. Ул. Большая Лубянка, д. 2

культурный и духовный центр империи, что требовало соответствующего уровня развития индустрии гостеприимства.

В гостиничный бизнес начали приходиться богатые предприниматели-новаторы, крупные страховые общества и другие коммерческие организации, ориентирующиеся на возросшие потребности общества. Оборудованные по последнему слову техники комфортабельные «номера», количество которых порой переходило не за одну сотню, зачастую включались в состав торгово-деловых центров с магазинами, конторами, складами. Дорогие проекты заказывались лучшим зодчим, строившим согласно актуальным архитектурным веяниям.

Так, в «русском стиле», с элементами московского барокко, было возведено «Кокоревское подворье» (Софийская наб., д. 36/10, стр. 1), визуально соотносившееся с башнями Кремля на противоположном берегу Москвы-реки. Здание первого в России многофункционального, невиданного по масштабам торгово-гостиничного центра обошлось заказчику В.А. Кокореву в более чем два миллиона. Проект был создан петербургским архитектором И.Д. Черником, а руководил строительством архитектор А.В. Булгарин. В этом же стиле выдержан и роскошный гостинично-ресторанный комплекс «Славянский базар» (Никольская ул., д. 17, стр. 1, 2), принадлежавший предпринимателю и меценату А.А. Пороховщикову. Его реконструкцией и строительством последовательно занимались Р.А. Гедике и А.Е. Вебер. Ориентируясь на формы национального зодчества, А.С. Каминский выстроил для И.Ф. Мамонтова гостиницу «Лоскутную» (здание на Тверской улице не сохранилось) и новое пятиэтажное здание Иосифо-Волоколамского подворья с гостиничными номерами (ул. Ильинка, д. 7/3). Архитектор А.И. Иванов по заказу Страхового общества «Россия», перестроив под доходное здание с меблированными комнатами «Империал» (Большая Лубянка, д. 2), придал его фасадам черты строгого классицизма с элементами фламандского барокко.

Фрагмент фасада гостиницы «Метрополь». 1899–1903 гг. Арх. В.Ф. Валькотт и др. Театральный пр-д, д. 2

Некоторое время спустя он же создаст для «Варваринского акционерного общества» гостиницу «Национальную» (современный «Националь», ул. Моховая, д. 15/1) в духе неоклассицизма с декором в стиле французского модерна. Только меблировка великолепного, инновационно оснащенного отеля обошлась в 300 тысяч рублей. Мрамор, напольная мозаика, лепнина, дубовые резные панели, художественная ковка, стекло наполняли уникальные интерьеры. Некоторые номера были оформлены в дворцовом стиле эпох французского Ренессанса и рококо. Живописная архитектурная композиция здания стала одной из доминант начала Тверской улицы (отметим, что самым первым «гостиничным» проектом Иванова стало здание гостиницы «Новомосковской», на месте которой сейчас выстроен отель «Балчуг-Кемпински»; ул. Балчуг, д. 1).

Интерьерами, в которых классицизм переплетался с барокко, славилась гостиница «Эрмитаж» (Петровский бульвар, д.14), выстроенная вместе с рестораном еще по заказу знаменитого кулинару Оливье и купца Пегова. Проект отделки выполнил М.Н. Чичагов.

Образец зрелой эклектики – здание доходного дома Свято-Троицкой Сергиевой лавры (ул. Ильинка, № 5/2, стр. 1) с гостиницей «Новотроицкая». Архитектор П.П. Скоморошенко соединил в архитектурном декоре здания с угловой классической ротондой, стрельчатые «венетские» аркатуры, элементы русского и византийского стиля. Р.И. Клейн, реконструируя здание «Варваринского подворья» с гостиницей «Староварваринской» (ул. Варварка, д. 7) «смешал» мотивы нескольких западно-европейских стилей. Когда стиль модерн уже утратил свою актуальность, Н.А.Эйхенвальд и М.А. Арсеньев решили фасады «Люкс-Отеля» (Тверская ул., д. 10) в эклектичном духе, интерпретируя формы французского Ренессанса.

Для Российского общества страхования капиталов и доходов петербургский архитектор В.В. Штауб спроектировал пятиэтажное здание гостиницы «Петергоф» (ул. Воздвиженка,

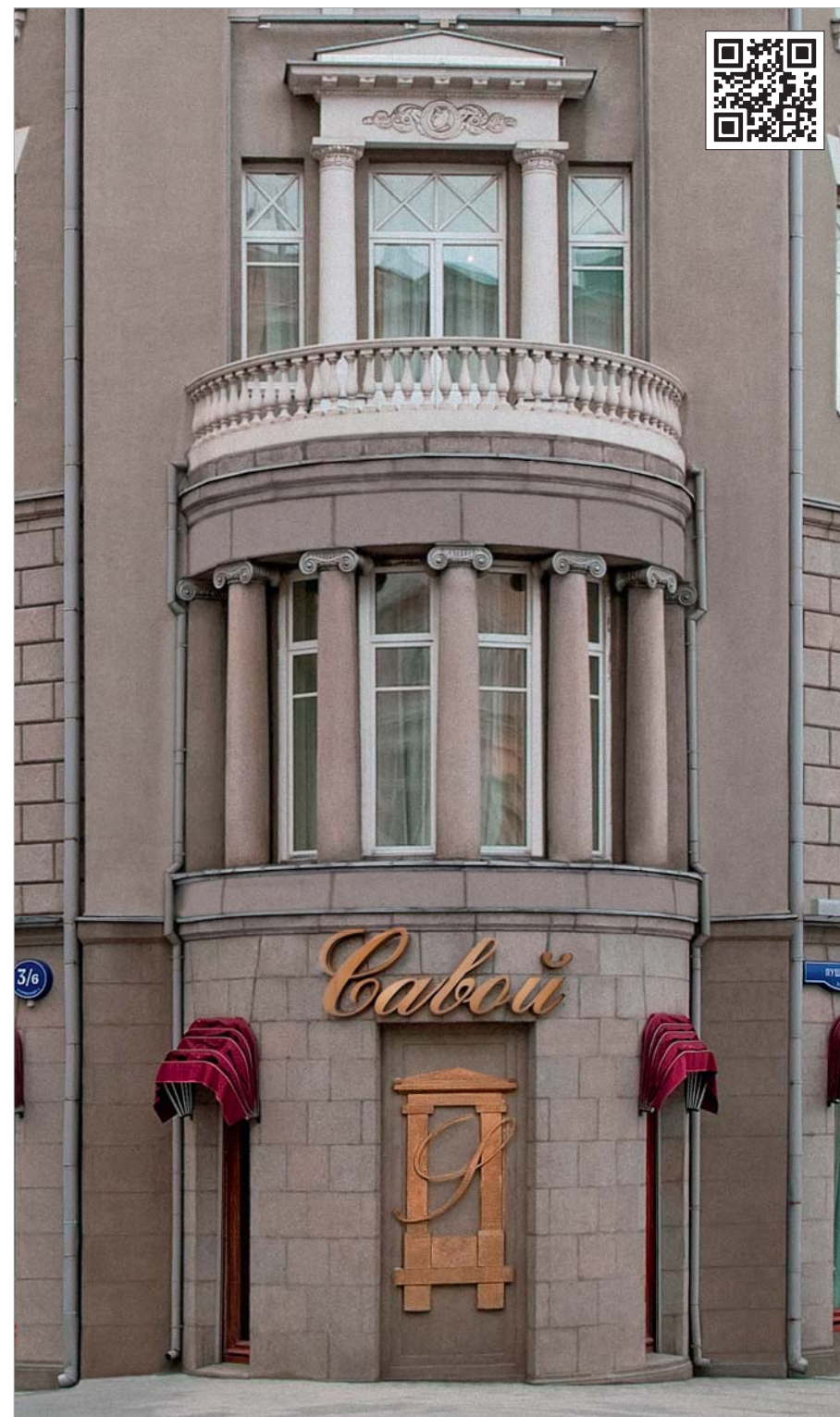

д. 4) с фасадами, завершающимися скругленными аттиками-щипцами, с полем, заполненным растительным декором. Угловая часть дома выделена небольшим куполом.

Архитектурное решение здания гостиницы «Альпийская роза» (ул. Пущечная, д. 4) по проекту А.А. Остроградского тяготело к варианту модерна, связанному с ар-деко. А в возведенном позже рядом неоклассическом по моде того времени «Савое» (ул. Рожде-

ственка, дом 3/6) архитектор В.А. Величкин ориентировался на традиции русского ампира. Незадолго до начала Первой мировой войны И.С. Кузнецов выстроил в духе неоампира для миллионера Н.А. Второва «Деловой двор» (Славянская площадь, д. 2).

Модерн в разных его ипостасях отражен в архитектуре зданий гостинично-делового комплекса «Боярский двор» Ф.О. Шехтеля, (Старая пл., д. 8), гостиницы Калязинского подворья

Фрагмент фасада отеля «Савой». 1911–1913 гг. Арх. В.А. Величкин. Ул. Рождественка, д. 3/6

М.М. Перетяткович, И.А. Герман, П. Вульский, А. Эрихсон, В.А. Веснин, И.В. Жолтовский, С.В. Чехонин, А.Я. Головин, М.А. Врубель, К.А. Коровин, В.Д. Поленов и др.

Социалистические «гранд-отели»: от гостиниц-дворцов до модернистских гигантов

После отмены большевиками частной собственности, в том числе на недвижимость, весь жилой фонд Москвы перешел под контроль Моссовета. «Уплотненные» «бывшие» домовладельцы заселяли гостиницы. Самые известные отели – «Метрополь», «Националь», «Савой», «Петергоф», «Лоскутная», «Люкс», «Париж» и так далее – заняли центральные государственные учреждения и многочисленные организации, освободив их лишь к началу 1930-х годов.

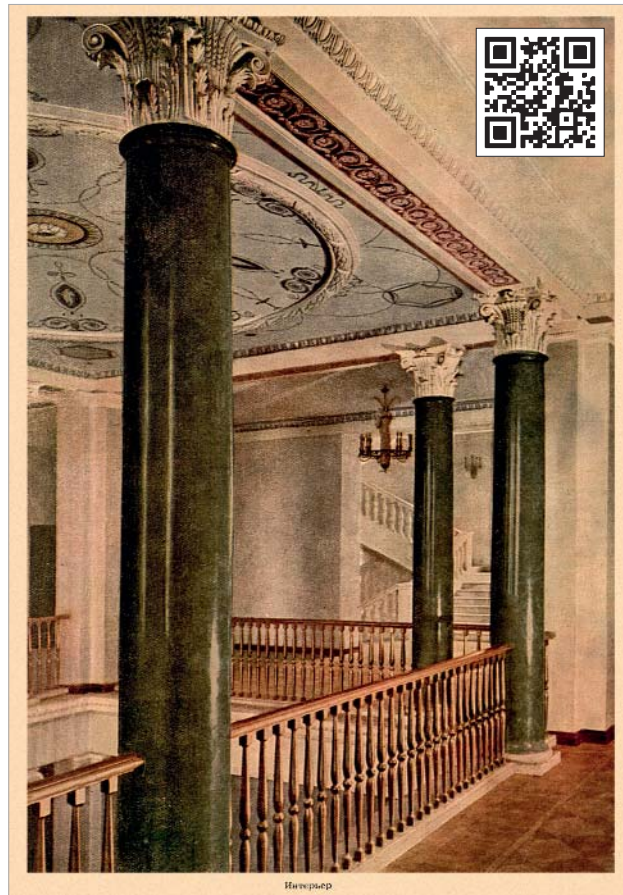
К 1923 году из 112 московских гостиниц 86 нуждались в капитальном ремонте, мебель сохранилась только в 45 из них, а ее изношенность доходила до 70–90 процентов. Практически целое послереволюционное десятилетие городское руководство реорганизовывало гостиничную инфраструктуру, пытаясь создать экономически эффективную систему ее управления. Но «квартирный вопрос» в силу то одних, то других причин возникал постоянно, так что в 1933 году постоянные жильцы занимали более половины гостиничного фонда. А между тем количество прибывающих в столицу туристов увеличивалось. В 1931 году «Националь», «Метрополь», «Савой» и «Новомосковская» были отданы для обслуживания иностранных гостей.

В 1934 году открылась первая построенная после революции гостиница «Киевская» около Брянского (Киевского) вокзала (здание не сохранилось), которая могла принять до 210 человек. Но ее простое здание с рациональными интерьерами не могло претендовать на роль символа достижений социализма. Эту роль возложили на гостиницу Моссовета «Москва» (ул. Охотный ряд, д. 2), которая сооружалась «со всеми техническими усовершенствованиями... в соответствии с происходящим огромным ростом

Г.И. Макаева (Новая площадь, д. 4), отеля «Марсель» в доходном доме А.С. Грачевой (ул. Петровка, д. 15/13), которую выстроил зодчий из Харькова Э.М. Розен, гостиницы А.К. Ечкина (о его семье мы упоминали выше, в главе о меблированных комнатах) в д. № 23 на ул. Арбат по проекту Н.Г. Лазарева; гостиницы в доходном доме Я.М. Толстого (ул. Арбат, д. 29) того же Н.Г. Лазарева.

И, конечно, манифестом модерна стало здание гостиницы «Метрополь» (Театральный проезд, д. 2), занявшее исключительное место среди архитектурных памятников столицы. Над ее возведением и отделкой фасадов и интерьеров трудилась большая группа архитекторов, художников, скульпторов, среди которых – В.Ф. Валькот, Л.В. Кекушев, Н.Л. Шевяков, П.П. Висневский, С.С. Шуцман, В.В. Воейков, С.П. Галензовский, В.И. Рубанов,

Гостиница «Советская». 1952 г. Арх. П.П. Штеллер, И.И. Ловейко и В.В. Лебедев. Ленинградский пр-т, д. 32/2

Интерьеры гостиницы «Советская». Фото из журнала «Архитектура СССР», № 2, 1952 г.

новой, совершенной техники во всем народном хозяйстве и формами социалистического города, где происходила и будет в дальнейшем прогрессировать реконструкция быта и культурных запросов трудящихся Союза и Красной столицы». Согласно Плану генеральной реконструкции Москвы, это гостиничное здание должно было формировать новый центр столицы первого в мире социалистического государства. В основу проекта легла конкурсная работа молодых архитекторов Л.И. Савельева и О.А. Стапрана, затем к проектированию был привлечен академик А.В. Щусев, добавивший к конструктивистской основе лаконичный декор в духе неоклассицизма. Два архитектурных объема разной этажности, один симметричный, второй ассиметричный, располагались под прямым углом друг к другу. В ходе строительства правого крыла гостиницы был снесен дореволюционный «Гранд-Отель» (он же – «Большая Московская гостиница»), любимый Гиляровским и Чеховым.

Первых посетителей величественная «Москва» – с интерьерами, похо-

жими на музей, скульптурами, картинами, панно, выполненными известными художниками той эпохи, – приняла 20 декабря 1935 года. Первая очередь гостиницы состояла из 438 номеров, вторая, завершенная в 1937 году, – из еще 197 номеров.

В годы Великой Отечественной войны все предприятия гостиничной индустрии перевели на военное положение. Во многих из них размещали госпитали, и количество действующих гостиниц в Москве сократилось до 8.

К началу 1950-х в ведение гостиничного треста осталось всего 10 гостиниц, причем большинство из них размещалось в зданиях еще дореволюционной постройки. Первой возведенной после войны гостиницей стала в 1952 году «Советская» (Ленинградский проспект, д. 32/2).

Прежде на ее месте находился легендарный московский ресторан «Яр» со столетней историей. В 1910 году здание «Яра» А.Э. Эрихсон заново выстроил в духе модерна – с большими гранеными куполами, арочными окнами, массивными металлическими светильниками по фасаду. В 1939 году

здание было перестроено под клуб архитекторами П.Н. Рагулиным и Н.И. Механиковым, потолок расписывал художник П.Д. Корин. Как писал журнал «Архитектура СССР» (№ 2, 1951 г.), «архитекторы П.П. Штеллер, И.И. Ловейко и В.В. Лебедев оставили почти в прежнем виде фасад корпуса, выходящего на Ленинградское шоссе». И далее: «В общей композиции здания именно этот фасад здания продолжает оставаться главным, тем более что в старом корпусе расположены все общественные помещения гостиницы. При реконструкции этого фасада архитекторы сумели усилить его архитектурную выразительность...». Новый корпус с основными помещениями гостиницы, расположенный вдоль улицы Расковой, был «непосредственно слит» с реконструированным корпусом по Ленинградскому шоссе. Вход в него был решен «в виде лоджии, перекрытой мощным архитравом, покоящимся на двух колоннах и угловых пилястрах». В гостиничный комплекс кроме жилых номеров вошли помещения ресторана с буфетом, банкетного зала, концертного

Гостиница «Космос». 1980 г. Группа советско-французских архитекторов. Пр-т Мира, д. 150

зала на 850 мест с фойе. Для роскошных, в духе сталинского ампира, репрезентативных помещений по проекту архитектора М.Ф. Оленева были выполнены большие люстры по образцам русского художественного стекла эпохи Екатерины II.

Со дня открытия и до 1989 года «Советская» считалась официальной представительской резиденцией, а ее ресторан «Советский» – не менее официальным правительственным рестораном.

А вскоре московская индустрия гостеприимства получила еще две гостиницы – «Ленинградскую» (Каланчевская улица, д. 21/40) архитекторов Л.М. Полякова и А.Б. Борецкого и «Украину» (Кутузовский проспект, д. 2/1) архитекторов А.Г. Мордвинова, В.К. Олтаржевского и др. Величественные здания, великолепные художественные интерьеры, выполненные по особому «госзаказу», поражают воображение до сих пор, являясь символами торжества так называемого сталинского ампира.

Еще одна гостиница, прославившая классицизм советской эпохи, –

15-этажный «Пекин» (ул. Большая Садовая, д. 5), возведенный архитектором Д.Н. Чечулиным. В ее дорогих по качеству отделке интерьерах органично сочетаются элементы неоклассицизма и ориентальной экзотики.

В 1960-е годы сталинские гостиницы-дворцы стали сменять универсальные гостиничные комплексы с лаконичными интерьерами, – все согласно известному постановлению «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», резко критиковавшему «украшательство» фасадов, применение дорогостоящих материалов для декора и так далее.

В 1959–1961 годах такой отвечающей веяниям нового времени гостиницей стала «Юность» (ул. Хамовнический Вал, д. 34). Периодика тех лет с восторгом рецензировала работу архитекторов Ю.В. Арндта, Т.Ф. Баушевой, В.К. Буровина. «Мы долго ждали этого в нашей архитектуре. Мечтали о произведении, в котором средства современного художественно-декоративного синтеза воплотились бы, наконец, достаточно развито и определенно... Бесспорно, эксперименталь-

ная гостиница «Юность» – значительное произведение современной советской архитектуры».

В 1964 году по проекту Д.Н. Чечулина в Зарядье началось строительство самого большого гостиничного комплекса не только СССР, но и Европы – «России» (здание не сохранилось). Архитектор специально ездил в Париж и Лондон, чтобы перенять опыт последних достижений мировой гостиничной индустрии.

Масштабы действительно были грандиозными: 3182 номера на 5300 человек. Гостиница представляла собой четыре 12-этажных корпуса, поставленных замкнутым прямоугольником, который образовывал внутренний двор. Из-за перепада рельефа между улицей Варваркой и Московской набережной более чем на 10 метров три корпуса стояли на высоком стилобате. Облик фасадов формировали четкий ритм окон, отделанных алюминием, и светлая облицовка. Стилобат был облицован коричневым полированным гранитом. Северный фасад, выходящий на улицу Варварка, увенчивала

Гостиница «Пекин». 1956 г.
Арх. Д.Н. Чечулин. Ул. Б. Садовая, д. 5

23-этажная башня (Северная башня), южный фасад, выходящий на Москворецкую набережную, по горизонтали разделяла прогулочная галерея. В южном корпусе находился центральный концертный зал на 2500 мест (открытый позже, в 1971 году), а в стилобате под ним – двухзальный кинотеатр «Зарядье» на 1500 мест. Открылась «Россия» в 1967-м – в год празднования 50-летия образования СССР.

В 1965 году началось и в 1970-м завершилось возведение 22-этажной, из стекла и бетона, гостиницы «Интурист» (ул. Тверская, д. 3; здание не сохранилось). Авторы модернистского проекта – Ю.Н. Швердяев, В.Л. Воскресенский, А.С. Болтинов. Со второй половины 1970-х годов, когда началась подготовка к встрече гостей XXII летних Олимпийских игр, произошел самый, пожалуй, значительный в советское время скачок в развитии городской инфраструктуры гостеприимства.

Архитекторы А.Б. Самсонов, А.Б. Бергельсон, В.В. Россохин и др. спроектировали 22-этажный гостиничный комплекс «Салют» (Ленинский проспект, д. 158), который мог принять 2020 человек. Это первая в СССР высотная гостиница, возведенная из крупных панелей.

Необычная архитектура полукруглого 25-этажного, на 1777 номеров, здания гостиницы «Космос» (проспект Мира, д. 150) – результат творческого сотрудничества советских и французских зодчих (В.С. Андреев, Т.Г. Заикин, О.К. Какуб, П. Жуглэ, С. Эпштейн и др.).

Поистине олимпийским рекордсменом стал гостиничный комплекс «Измайлово» (Измайловское шоссе, д. 71): пять 25-этажных корпусов общей вместимостью 10 000 мест, с несколькими ресторанами на 8500 мест, киноконцертным залом на 1000 мест, с системой синхронного перевода (архитекторы В.А. Климов, Е.В. Путятин; монументальный скульптурный фриз выполнен З.К. Церетели). Проектирование и авторский надзор за строительством гиганта шли сначала под руководством архитектора Д.И. Бурдина, а после его смерти – Ю.Р. Рабаева.

К Олимпиаде открылся также Центр международной торговли и научно-технических связей с зарубежными странами (Краснопресненская наб., д. 12) с двумя отелями – международного на 600 мест и квартирного типа на 627 номеров, конгресс-залом, концертным залом, фешенебельными ресторанами. Построен по проекту коллектива архитекторов – М.В. Посохина (руководитель), В.С. Кубасова и П.И. Скокана.

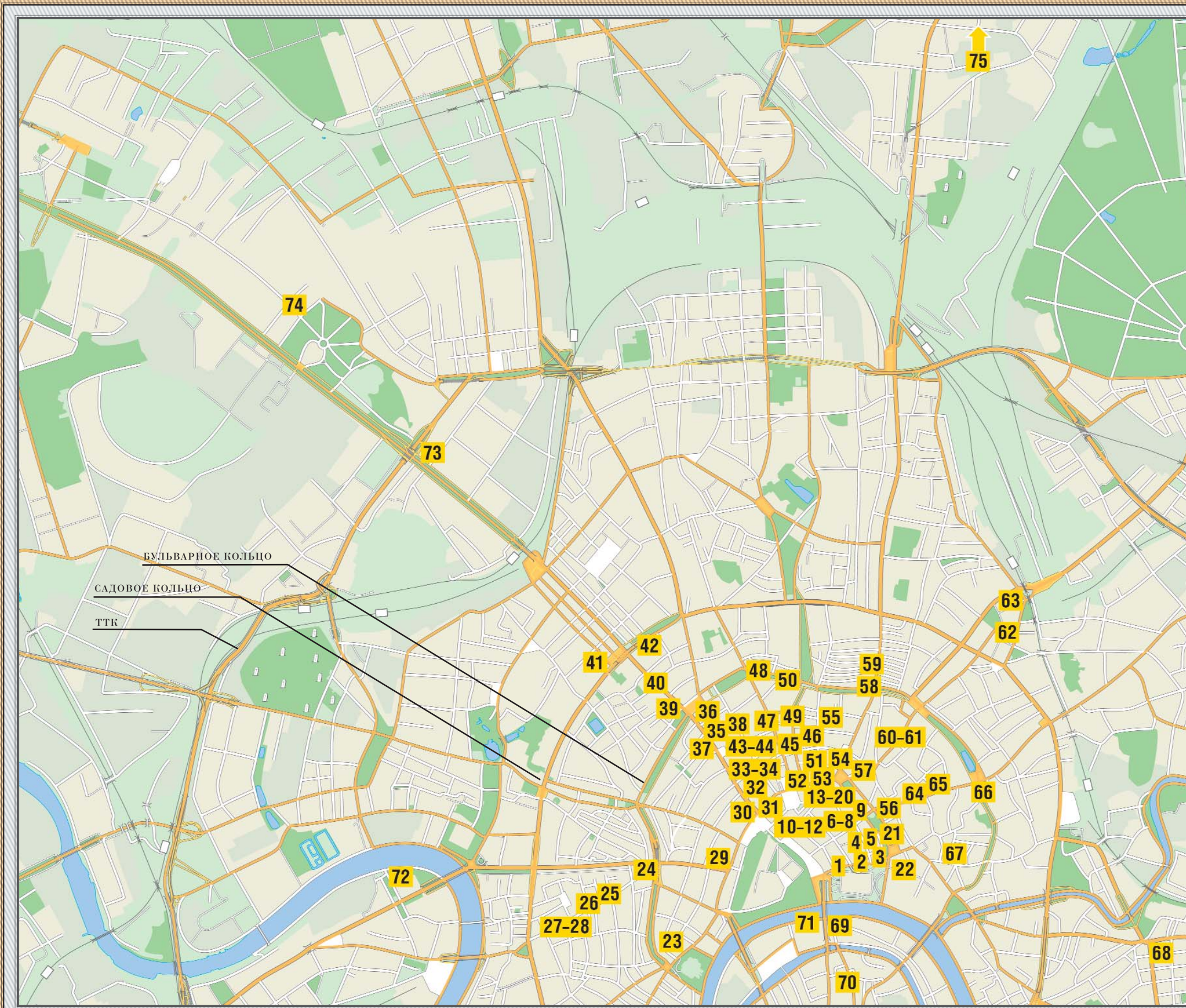
Глобальные перемены, начавшиеся в России в 90-х годах прошлого столетия, коснулись и городской индустрии гостеприимства. Гостиницы, много лет бывшие частью планового социалистического хозяйства, снова превратились в доходный бизнес. На рынке Москвы появились зарубежные гостиничные сети – Radisson, Marriott, Swissotel и другие. Вскоре им составили

конкуренцию российские гостиничные бренды. Новые пятизвездочные гостиницы Москвы – «Балчуг Kempinski», «Арагат Парк Хаят», «Президент-Отель» – стали современными символами комфорта и роскоши, уверенно соседствуя с отелями с историей – «Националем», «Метрополем», «Савоем». Сегодня в Москве более 370 гостиниц. А в 1910 году в городе, где проживало около миллиона человек, работало 228 гостиниц, не считая 77 постоянных дворов. На расширение возможностей московской индустрии гостеприимства направлено подписанием Сергеем Собяниным постановление Правительства Москвы «Об отраслевой схеме размещения гостиниц в городе Москве». Согласно этому документу, до 2025 года планирует увеличить существующий номерной фонд города практически в два раза, доведя количество отелей до семиста.

1. Старый Английский двор, XV–XVII вв. Варварка ул., д. 4А
2. Доходный дом Варваринского акционерного общества домовладельцев / Гостиница «Староварваринская» и меблированные комнаты «Варваринское подворье», 1891 г., арх. Р.И. Клейн. Варварка ул., д. 7
3. Доходный дом Товарищества Тверской мануфактуры семьи Морозовых, 1896–1898 гг., арх. А.В. Иванов, надстроен. Варварка ул., д. 9
4. Доходный дом с торговыми помещениями товарищества «Петр Митрофанов», 1912–1913 гг., арх. А.В. Иванов. Никольский пер., д. 9, стр. 1
5. Нововарваринское подворье / Гостиница «Новая Бавария», 1898 г., арх. А.В. Иванов. Никитников пер., д. 4
6. Доходный дом подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры / «Троицкое подворье», 2-я пол. XVIII в., 1874–1879 гг., арх. П.П. Скоморошенко. Ильинка ул., д. 5/2, стр. 1
7. Иосифо-Волоколамское подворье, 1882 г., арх. А.С. Каминский. Ильинка ул., д. 7/3
8. Дом Московского купеческого общества «Посольское подворье», 1889–1890 гг., арх. Б.В. Фрейденберг. Ильинка ул., д. 8, стр. 2
9. Доходный дом Иосифо-Волоколамского монастыря, 1875 г., арх. А.С. Каминский, 1909 г. Ильинка ул., д. 15
10. «Шевальдывское подворье», 1873 г., арх. Н.И. Финисов. Ветошный пер., д. 5/4
11. «Пантелеевское подворье», 1873 г., арх. А.Н. Стратилатов / 1878 г., арх. Н.Н. Васильев. Ветошный пер., д. 7, 9
12. «Мещаниново подворье» / Торговое подворье Мещаниновых – И.Е. Гаврилова – Бубновых, кон. XVIII в. – 2-я пол. XIX в., 1871–1884 гг., арх. А.Н. Стратилатов. Ветошный пер., д. 13/15
13. Доходный дом «Ново-Чижовского подворья», 1850-е гг., арх. Л.Н. Львов, 1890-е гг. Богоявленский пер., д. 3, стр. 4
14. «Мещеринское подворье», 1878 г., арх. М.П. Степанов. Богоявленский пер., д. 5/1
15. «Носовское подворье», 1860-е гг., 1887 г., 1891 г., арх. Н.В. Никитин, Б.Г. Залесский, М.И. Никифоров. Старопанский пер., д. 3, стр. 1, 4
16. Гостиница «Старо-Ивановская» / Доходный дом Н.Я. Лопатина, 1874 г., арх. Н.В. Никитин. Старопанский пер., д. 6/8
17. «Чижовское подворье»: Доходный дом (в основе – усадьба Салтыковых), 1760-е гг., 1849 г., 1860-е гг., 1947 г. / Доходный дом, 1849 г., к. XIX в. / Доходный дом, 1870 г., 1881 г., арх. А.В. Петров, Д.А. Гуцин, В.А. Гамбурцев, нач. XX в. / Доходный дом, XIX в., арх. Н.А. Тютонов. Никольская ул., д. 8, стр. 1А, стр. 3В, 3Г, 3Д, стр. 4
18. «Шереметьевское подворье», кон. XIX – нач. XX вв.: Торговое здание с гостиницей, 1862 г., арх. А.С. Никитин / Торговое здание с гостиницей, 1890–1900-е гг., 1906–1907 гг., арх. А.Ф. Мейснер, 1912 г. / Торговое здание с гостиницей, 1902 г., 1906–1907 гг., арх. А.Ф. Мейснер, 1912 г. Никольская ул., д. 10, стр. 1, стр. 2А, 2Б, стр. 3А
19. Гостиница и ресторан «Славянский базар», 1873 г., арх. Р.А. Гедике, А.Е. Вебер. Никольская ул., дом 17, стр. 1
20. Доходный дом Калязинского подворья, 1904–1905 гг., арх. Г.И. Макаева. Новая пл., д. 4
21. Дом Московского страхового общества «Боярский двор», 1901 г., архитектор Ф.О. Шехтель. Старая пл., д. 8/5, стр. 1
22. «Деловой двор», 1911–1912 гг., арх. И.С. Кузнецов. Славянская пл., д. 2
23. Меблированные комнаты «Княжий двор» (левый флигель усадьбы С.М. Голицына), 1756–1761 гг., 1774 г., 1890–1892 г., арх. В.П. Загорский. Волхонка ул., д. 14/1
24. Доходный дом А.А. Лазарика – А.Л. Шаняевского / Меблированные комнаты «Гуниб» / Гостиница «Столица», сер. XVIII в., сер. XIX в. Арбат ул., д. 4
25. Доходный дом и гостиница А.К. Ечкина, 1902–1903 гг., арх. Н.Г. Лазарев. Арбат ул., д. 23
26. Доходный дом и гостиница Я.М. Толстого, 1904–1906 гг., арх. Н.Г. Лазарев. Арбат ул., д. 29
27. Доходный дом и гостиница М.И. Хромовой, М.А. Обухова (в основе главный дом городской усадьбы конца XVIII в.), 1876–1877 гг., арх. М.А. Арсеньева, 1930-е гг. – надстроен. Арбат ул., д. 55/32
28. Гостиница «Общества пролетарского туризма и экскурсий» 1934 г., арх. Д.Д. Булгаков и И.А. Голосов, 1953 г. – вошла в состав здания Министерства иностранных дел СССР. Арбат ул., д. 57/32/23
29. Гостиница «Петергоф», 1877 г., арх. В.В. Шауб, 1902 г. – надстройка. Моховая ул., д. 7/4
30. Гостиница «Националь», 1903 г., арх. А.В. Иванов. Моховая ул., д. 15/1, стр. 1
31. Гостиница «Москва» / Four Seasons Hotel Moscow, 1935 г., арх. А.В. Щусев, Л.И. Савельев, О.А. Стапан. Разобрана в 2004 г. В наст. время воспроизведена в первоначальных внешних формах. Охотный Ряд ул., д. 2
32. Доходный дом / Гостиница «Мир», 1880-е гг. Георгиевский пер., д. 1
33. Гостиница «Дрезден» (часть его объема встроена в здание 1930-х гг.) / здание с рестораном «Араги», XVII в., XVIII в., нач. XIX в., 1820-е гг. – надстроено, 1890-е – надстроено, 1930-е – объем встроено в новое здание. Тверская ул., д. 6
34. Савинское подворье, 1904–1905 гг., арх. И.С. Кузнецов. Тверская ул., д. 6, стр. 6
35. Гостиница «Люкс» / Гостиница «Центральная» (торговый дом Д.И. Филиппова), нач. XIX в., 1837 г., 1891–1897 гг., арх. М.А. Арсеньев, 1900 г., арх. М.А. Арсеньев, 1907 г., арх. Н.А. Эйхенвальд – надстройка; 1911 г., арх. Н.А. Эйхенвальд – перестройка гостиничного вестибюля; 1905–1907 гг., оформление интерьеров кофейной, арх. Н.А. Эйхенвальд, совместно с П.П. Кончаловским, С.Т. Коненковым, В.М. Маятом; 1934 г. – надстройка. Тверская ул., д. 10
36. Гостиница Шевальдывшева, 1830–1860-е гг., 1933 г. – надстроена. Тверская ул., д. 12, стр. 2
37. Гостиница «Мадрид» (в основе – служебный корпус усадьбы Шаховских), нач. XIX в., 1876 г., арх. Н. Тальман. Леонтьевский пер., д. 26
38. Гостиница «Север» / Гостиница «Англия», кон. XVIII в., арх. М.Ф. Казаков. Глинцевский пер., д. 6
39. Гостиница «Бристоль», встроена в объем позднего здания. Тверская ул., д. 19
40. Доходный дом / кинотеатр «Арьс» с меблированными комнатами, 1874 г., арх. М.И. Никифоров; 1915–1916 гг., арх. П. Заболоцкий, 1939 г. – передвинут вглубь квартала. Тверская ул., д. 23
41. Гостиница «Пекин», 1956 г., арх. Д.Н. Чечулин. Садовая Б. ул., д. 5
42. Меблированные комнаты. Садовая-Триумфальная ул., д. 13
43. Гостиница «Шевалье», 1830-е гг., 1879 г. Камергерский пер., д. 4, стр. 1
44. Городская усадьба Кожиных. Главный дом / Гостиница «Германия», нач. XIX в., 1873 г. Столешников пер., д. 6
45. Доходное владение И.И. Воронцовой – И.Г. Евдокимова – З.И. Шориной / Гостиница «Лейпциг» / Гостиница Шора / Гостиница «Россия» / Гостиница «Франция» (в основе городская усадьба, кон. XVIII в.), нач. XIX в., 1881 г., арх. А.Е. Вебер, 1893 г., арх. С.В. Дмитриев, В.П. Гаврилов, 1914–1916 гг., арх. Л.А. Веснин, С.И. Титов. Кузнецкий Мост ул., д. 7
46. Здание гостиницы и ресторана «Яр» / Гостиница Будье / Доходный дом братьев Третьяковых, нач. XIX в., 1823 г., II пол. XIX в., 1873 г., 1875 г. – перестройка, арх. А.С. Каминский. Кузнецкий Мост ул., д. 9/10
47. Здание страхового общества «Якорь» / Гостиница «Марсель», 1902 г., арх. Э.М. Розен, О.В. фон Дессин. Петровка ул., д. 15
48. Здание гостиницы с магазинами / Дом Трындиных, 1805 г., арх. В.П. Стасов, 1840 г., 1874 г., арх. М. К. Геппнер, 1900 г., арх. А. Е. Вебер, надстроено. Петровка ул., д. 30
49. Доходный дом с гостиницей «Россия» и рестораном / Гостиница «Будапешт», 1876 г., арх. Б.В. Фрейденберг, 1897 г., арх. К.К. Гилпиус, 1911 г., инж. А.Н. Кардо-Сысов. Петровские линии ул., д. 2/18/19

50. **Гостиница и ресторан «Эрмитаж»**, 1864 г., арх. Д.Н. Чичагов, нач. XX в., арх. И.И. Бони, 1911 г., арх. Ф.Н. Кольбе. Неглинная ул., д. 29, стр. 1
51. **Гостиница «Альпийская роза» / Доходный дом княгини О.А. Туркестановой**, кон. XVIII в., 1901–1902 гг., арх. А.А. Остроградский, П.П. Висневский / **Ресторан «Альпийская роза»**, 1911–1912 гг., арх. П.П. Висневский, при участии А.А. Веснина, 1924 г. Пушечная ул., д. 4, стр. 1, 2
52. **Гостиница «Метрополь»**, 1899–1903 гг., арх. В.Ф. Валькотт, худ. М.А. Врубель, А. Головин и скульптор Н.А. Андреев. Театральный пр-д, д. 2
53. **Бывшая гостиница «Дюссо»**. Театральный пр-д, д. 3/2
54. **Дом страхового общества «Саламандра» / Гостиница «Савой»**, XIX в., 1911–1913 гг., арх. В.А. Величин. Рождественка ул., д. 3/6
55. **Городская усадьба Я.А. Маслова – А.П. Оболенского / Гостиница «Берлин»**, к. XVIII в., 1895 г., арх. И.А. Иванов-Шиц. Рождественка ул., д. 12
56. **Доходный дом купцов Еремеевых с номерами и гостиницей** (в основе флигель усадьбы В.П. Разумовской), 1852–1854 гг. Лубянский пр., д. 15, стр. 2, 4
57. **Меблированные комнаты «Империал»** (позднее вошли в комплекс зданий ВЧК в качестве внутренней тюрьмы), кон. XIX в., 1920-е гг. Лубянка Б. ул., д. 2
58. **Гостиница / Доходный дом**, 1797 г., 1816 г., арх. В.П. Стасов, 1892–1898 гг. – перестроена, арх. П.А. Ушаков. Сретенка ул., д. 1/4, стр. 1А
59. **Меблированные комнаты купца Малешина / «Большие Московские» меблированные комнаты**, кон. XVIII в. Сретенка ул., д. 9
60. **Доходный дом с магазинами С.В. Давыдовой – Х.Д. Спиридонова / Гостиница «Рояль»** (середина XIX в.; 1863–1865 гг., 1872 г., арх. В.И. Соколов, 1896 г., арх. С.С. Эйбушитц, 1913 г., арх. Б.М. Великовский. Мясницкая ул., д. 13, стр. 3
61. **Главный дом доходного владения А.П. Нилуса – Х.Д. Спиридонова – С.В. Давыдовой / Гостиница «Венеция»** (в основе усадьба Салтыковых), XVIII в.; 1810-е гг., 1891 г., арх. К.В. Трейман. Мясницкая ул., д. 13, стр. 4
62. **Гостиница «Петербург»**, 1852 г. Каланчевская ул., д. 11, стр. 1
63. **Гостиница «Ленинградская»**, 1949–1953 гг., арх. Л.М. Поляков, А.Б. Борецкий. Каланчевская ул., д. 21/40
64. **Малороссийское подворье**, XVII–XVIII вв., нач. XIX в. – надстройка. Маросейка ул., д. 11/4, стр. 1
65. **Меблированные комнаты «Компания»**, 1878 г. Покровка ул., д. 3
66. **Гостиница у Покровских ворот**, нач. XIX в., арх. В.П. Стасов. Покровка ул., д. 16, д. 17, стр. 1; д. 18/18, стр. 1
67. **Ночлежный дом Е.П. Ярошенко с трактиром «Каторга»** на площади Хитрова рынка (в основе главный дом городской усадьбы Боборыкиных с палатами, кон. XVII – нач. XVIII вв.), 1830 г., 1860 г. Подкопаевский пер., д. 11/11/1, стр. 2
68. **Ансамбль Рогожской ямской слободы**. Школьная ул., д. 12–48
69. **Гостиница «Новомосковская» / Гостиница «Бухарест» / Отель «Балчуг Kempinski»**, 1897–1898 гг., арх. А.В. Иванов, 1911 г., арх. В.Д. Глазов, 1932 г., 1989–1992 гг. – перестроена. Балчуг ул., д. 1
70. **Доходный дом Григорьева / Меблированные комнаты «Пятницкое подворье»**, кон. XIX в., арх. А.М. Калмыков. Пятницкая ул., д. 10
71. **Гостиница В.А. Кокорева («Кокоревское подворье»)**, 1860–1864 гг., арх. И.Д. Черник, 1880-е гг., 1912 г. Софийская наб., д. 34
72. **Гостиница «Украина»**, 1950–1956 гг., арх. А.Г. Мордвинов, инж. П. Красильников. Кутузовский пр-т, д. 2/1, к. 1Б
73. **Гостиница «Советская» (бывший ресторан «Яр»)**, XIX в., 1910-е гг., 1930-е гг., 1949 г., арх. А.Э. Эрихсон, П.Н. Рагулин, И.И. Ловейко, В.В. Лебедев. Ленинградский пр-т, д. 32/2
74. **Гостиница и ресторан И.А. Скалкина «Эльдорадо»**, 1907 г., 1908–1910 гг., арх. Л.Н. Кекушев при участии Н.Д. Поликарпова. Красноармейская ул., д. 1
75. **Гостиница «Космос»**, 1979 г., арх. В. Андреев, Т. Заикин, В. Стейскал (Россия, Моспроект-1); О. Какуб, П. Жуглэ, С. Эпштейн (Франция). Мира пр-т, д. 150

Текст: Екатерина Святицкая

Здание гостиницы Стасова в торце Петровского бульвара.
Фото 1900-х гг. – после перестройки здания в 1900 г. арх. А.Е. Вебером

«...Гостиница была ... известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах... Она была очень длинна, в два этажа... Верхний был выкрашен вечною желтою краскою...»

Н.В. Гоголь, «Мертвые души»

Стасовские гостиницы

Когда современный горожанин слышит слова «типовое строительство», перед его мысленным взором всплывают унылые ряды «хрущевок», разбавленные одноподъездными двенадцатиэтажками, невеселые панельные дома системы «небоскреб на боку» эпохи позднего застоя. Однако идея возведения типовых строений в российских городах появилась значительно раньше советской эпохи и ставила своей целью благое дело улучшения внешнего облика как обеих столиц, так и провинциальных центров. На Бульварном кольце Москвы, к примеру, по одному проекту были построены 11 двухэтажных гостиниц. Из них до наших дней дошли только две – на Петровском и Покровском бульварах.

«Собрание фасадов»

В 1809–1812 годах в Санкт-Петербурге были изданы пять гравированных альбомов под названием «Собрание фасадов Его Императорским Величеством высочайше апробированных для частных строений в городах Российской Империи». Типовые проекты, в разработке которых участвовали лучшие архитекторы страны – Карло Росси, Василий Стасов, Андрей Захаров и их сподвижники, представляли 224 фасада жилых, хозяйственных, торговых, общественных зданий, 60 вариантов малых архитектурных форм – домовых оград и ворот. Были созданы чертежи строений, разнообразных не только по своему назначению, но и по масштабам – от больших 3–4-этажных домов, особняков и городских усадеб с флигелями и подсобными постройками до маленьких домиков простонародья. Своеобразное «пособие» для архитекторов и

строителей, «Собрание фасадов» разнообразием выбора, с одной стороны, могло удовлетворить самые взыскательные вкусы заказчиков и предложить вариант на любой кошелек. А с другой – предлагаемые архитектурные идеи и строительные решения были лишены дурновкусия и способствовали «много к украшенью» русского города. Типовые проекты городской застройки значительно облегчили работы архитекторов и строителей, восстанавливавших послепожарную Москву.

«Образцовая проектная деятельность» Василия Стасова

Одним из апологетов типового подхода к застройке российских городов был Василий Петрович Стасов (1769–1848). Москвич по рождению, он много проектиро-

Современный вид бывшей гостиницы на Петровском бульваре (д. 7/30)

вал для обеих столиц. Еще 14-летним юношей начал свою профессиональную деятельность в качестве «архитектуры капрала» в Экспедиции архитектурных дел Московской управы благочиния. Подчиненные возглавлявшего экспедицию Семена Антоновича Карина, опытного зодчего и ценителя русской архитектурной традиции, занимались составлением планов частных строений, обмерами и отведением участков под застройку, утверждением проектов зданий. Хорошая школа работы в качестве проектировщика (помощником архитектора он стал уже в 21 год) дала Стасову огромный практический багаж. К этому времени уже начал складываться его собственный архитектурный «почерк», которому была свойственна монументальная выразительность стилистически унифицированных архитектурных форм, лаконичные и сдержанные скульптурно-орнаментальные акценты.

По возвращении в родной город из Петербурга, где он проходил воинскую службу, Стасов выполняет не только частные заказы, но и «госзадание», вплотную подведшее его к теме «образцовой проектной деятельности». В 1797 году Стасову (уже получившему к тому моменту чин губернского секретаря) было поручено разработать проекты 14 парных двухэтажных гостиниц. Из них было построено только 11, до наших дней дошли две – на Петровском и Покровском бульварах.

Там, где стоял Белый город

После того, как по приказу Екатерины I были разобраны стены Белого города, на их месте была запланирована прокладка бульваров. Но после этого еще более 20 лет белокаменные фундаменты крепостной стены разбирались

Современный вид гостиницы у Покровских ворот.
Ул. Покровка, д. 17

Архитектор В.П. Стасов
1769 – 1848 г.г.

москвичами для своих нужд, а проезд перегораживали штабели кирпичей. Лишь в начале царствования императора Павла по распоряжению московского главнокомандующего графа И.П. Салтыкова был разбит Петровский бульвар, а у Петровских проездных ворот на площади появилась двухэтажная гостиница с обязательным портиком над колоннами центральной части фасада (вот оно, еще одно воплощение в здании, вполне утилитарном по своему назначению, типического явления в русской архитектуре того периода, которое И. Грабарь метко назвал «триумфом колонн»!).

Сильно пострадавшая во время пожара 1812 года гостиница на Петровском бульваре (дом 7/30) была восстановлена купцом Ивановым и впоследствии подвергалась неоднократной перестройке. Главный фасад стасовского строения завершил аттик с разорванным дугообразным фронтоном, над центром здания появился купол, а окна на первом этаже несколько раз меняли свое расположение и размеры. Связано это было с размещением в нем магазинов (к середине XIX века этот уголок Москвы засе-

лялся в основном купечеством). Последний раз перестройка проходила уже в XX веке под руководством архитектора А.Е. Вебера, после которой во внешнем облике здания мало что осталось от «образцового проекта» конца XVIII века. Но подвалы здания до сих пор хранят немало тайн: есть версия, что в их стенах и фундаментах строения могли сохраниться остатки крепостных укреплений Белого города.

Вторая из сохранившихся гостиниц, построенных по проекту В.П. Стасова, находится у Покровских ворот. Место, на котором она была возведена в 1805–1825 годах, ранее занимал постоялый двор и харчевня купчихи Андроновой. Двухэтажные корпуса гостиницы были поставлены в каре: внутренний двор аккумулировал свету московского гостиничного быта. Там, по описанию исследователя столичной старины Алексея Митрофанова, «устраивали на постой коляски приезжих, там располагались конюшни, а расторопные кухонные мальчишки раздували с утра самовар». Фасад первоначально имел типовой шестиколонный портик, придававший скромной постройке

строгость и торжественность. Первый этаж строения занимали лавки и магазины, а на втором размещались гостиничные номера и квартиры, также сдававшиеся в наем. «Образцовая» гостиница Стасова подвергалась перестройкам и в 50-е, и в 70-е годы XIX века. Но ее фасад, выходящий на бульвар и украшенный строгими тосканскими пилястрами, все еще сохраняет отблеск ампирического изящества.

В 1913 году в гостиничном доме работал весьма популярный среди горожан театр немого кино («французский электрический театр») «Волшебные грезы» (переименованный позже в «Аврору»), о котором впоследствии вспоминали юные киномены – писатели Валентин Катаев и Юрий Нагибин. Вход в него располагался на углу здания. Вряд ли Василий Петрович Стасов мог предположить, что в построенном по его типовому проекту гостиничном здании, говоря современным языком, для «среднего класса», появится «электрический театр». Да и возведение скромных гостиниц на московских бульварах нельзя назвать выдающимся событием в сравнении с созданием Царско-

сельского лицея или Павловских казарм в Петербурге, Преображенского и Троицкого соборов, восстановления императорских дворцов в Кремле и на Неве...

«Простота архитектурного решения здесь не знает себе равной. Немногочисленные детали убранства прорисованы с исключительным совершенством... Можно смело сказать, что эта группа сооружений чисто утилитарного порядка – одна из лучших в архитектуре Москвы. По совершенству своих форм она стоит рядом с лучшими произведениями русской архитектуры», – так писал А.В. Щусев про другой комплекс зданий, построенный по образцовому проекту Стасова, – Провиантские магазины на Зубовском бульваре (ныне – здание Музея Москвы). Но большую часть этой лестной характеристики творения В.П. Стасова с полным правом можно отнести и к скромному проекту московских типовых гостиниц, который он осуществлял с той же тщательностью, что и более престижные заказы.

«УСЕРДНО ПОСЕЩАВШИЕСЯ
НЕМЕЦКОЙ ПУБЛИКОЙ...»

СТАРИННЫЕ МОСКОВСКИЕ ГОСТИНИЦЫ С «ГЕРМАНСКИМИ» НАЗВАНИЯМИ

«Париж», «Париж малый», «Европа», «Неаполь», «Франция», «Флоренция» – дореволюционные гостиницы именовались с претензией. Среди этих «географических» названий встречаются также «Лейпциг», «Баден», «Берлин», «Дрезден». Одни из них вторили моде на «шикарные» вывески; в других и администрация, и гости были немцами. Надо сказать, что «немецкие» отели в инфраструктуре города выполняли некий социальный заказ – немцы были самой большой национальной группой Москвы после «великороссов», составляли значительный процент в финансово-промышленном мире.

«Берлин»: «столица» землячества

С 1876 по 1918 год на углу улицы Рождественка и Варсонофьевского переулка находилась гостиница «Берлин». «Содержателями» или «арендаторами» ее все годы были Клаузены – сначала в документах упоминается Антуан Клаузен, затем Ксаверий Игнатьевич Клаузен (видимо, русифицированный вариант немецкого имени). Размещалась гостиница на территории классической дворянской городской усадьбы XVIII века – главный дом

Слева: современный вид здания (ул. Рождественка, д. 12), где располагалась гостиница «Берлин»

и два флигеля. Заказчиком построек был Яков Андреевич Маслов, действительный статский советник, «директор» Главной дворцовой канцелярии елизаветинских времен, в 1773 году купивший владение у князей Львовых. Внучка Якова Андреевича, Марфа Андреевна, в качестве приданого передала усадьбу мужу – князю Андрею Петровичу Оболенскому, тайному советнику, одно время попечителю Московского учебного округа. При нем впервые части усадьбы начали сдавать в аренду. Так, в 1840-х – 1850-х здесь работала мастерская известного московского переплетчика Николая Петровича Хитрова. После реформы 1861 года усадьба, как и многие другие дворянские, попала в купеческие руки. С 1876 года здешним хозяином стал Александр Никифорович Прибылов, первогильдейный купец, крупный московский владелец коммерческой недвижимости. В 1896 году по его заказу архитектор Илларион Александрович Иванов-Шиц достроил до высоты главного усадебного дома флигели, в которых организовали меблированные квартиры.

«Берлин» обустроили в трехэтажном с антресолями здании П-образного плана. Помимо номеров здесь были ресторан, пивной бар, бильярдная, кегельбан, читальня, зимний сад, кабинеты для переговоров, курильня, небольшой зал, где устраивались выставки немецких художников. Благодаря персоналу из подданных Германии, исправно поставляемой свежей немецкой прессе, немецкой же кухне, близости Немецкого клуба и кирхи, гостиница была не только любимым местом пребывания деловых людей

из Германии, но и центром жизни московской немецкой общины. Здесь узнавали новости с «фатерланда» и общались с земляками.

«В середине буквы «П» был небольшой садик, весь засаженный сиренью. Летом там стояли столики, и немцы, пришедшие в ресторан, распивали в нем пиво», – читаем в мемуарах одного из современников «Берлина». В центре сада, войти в который можно было со стороны улицы, бил фонтанчик, бонны на площадке гуляли с детьми постояльцев и гостей заведения.

Своего рода «достопримечательностью» гостиницы считался метродотель-лилипут, обрусевший немец Василий Павлович Поёёл. Сохранилась фотография-открытка, запечатлевшая его в интерьере ресторана и подписанная: «Самый маленький человечек в мире Василий Павлович». Со временем наличие «русской прислуги» в «Берлине» позиционировалось в рекламе как одно из достоинств заведения.

В 1883 году в «Берлине» жил художник Василий Васильевич Верещагин, приехавший в Москву, чтобы устроить свою выставку, посвященную русско-турецкой войне и путешествиям по Индии. Картины выставлялись в залах Немецкого клуба.

В 1914 году, с началом Первой мировой войны, положение московских немцев резко изменилось: погромы и переход в руки новых владельцев принадлежавших им заведений, высылка. Согласно решению Совета министров от 3 декабря 1914 года, депортации не подлежали, в частности, германские и австрийские подданные, родившиеся в России и прожившие в ней свыше 25 лет, столько же лет занимавшиеся педагогической деятельностью или «иным личным трудом». Хозяева некоторых объектов московской недвижимости срочно меняли свои «немецкие» вывески. «Швейцарский гражданин» Ксаверий Игнатьевич Клаузен поспешил заявить, что он, «владелец ресторана-гостиницы «Берлин», проживая в Москве и владея фирмой 35 лет», в настоящее время «считает своим долгом переименовать вышеозначенную фирму» в ресторан и гостиницу «Париж-Англия». Видимо, название должно было напоминать о союзе России с Англией и Францией в составе военно-политического блока «Антанта». Под таким названием гостиница просуществовала до революции.

Сейчас здание бывшего «Берлина» по адресу: улица Рождественка, дом 12 – занимает Институт востоковедения РАН.

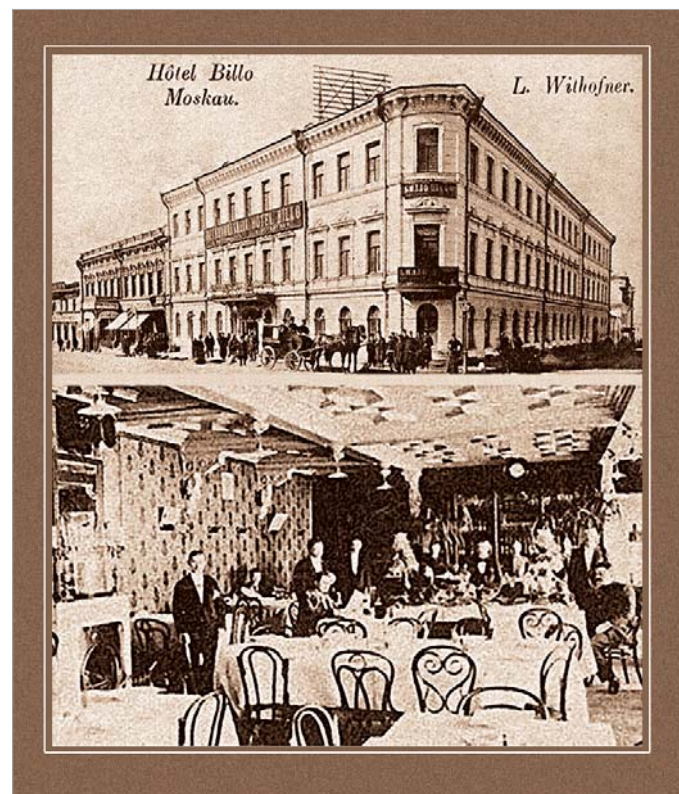
«Билло»: кегельбан и Вагнеровское общество

С середины 1850-х старинные дома, расположенные на участке между Большой Лубянской и Варсонофьевским переулком, начали переходить в собственность Глафиры Александровны Поповой, жены чаеоторговца Константина Абрамовича Попова, соучредителя фирмы «К. и С. Братья Поповы». Одно из владений, угловое (Большая Лубянка, дом 9), было перестроено, и в трехэтажном доходном здании открылись меблированные комнаты.

Название «Билло» произошло от фамилии первого арендатора меблированных комнат под гостиницу и ресторан Эдуарда Фридриха (Эдуарда Федоровича) Билло де Васи. В конце XIX столетия арендатором стал, как гласит справочник «Вся Москва», Лазарь Витгофнер (в других источниках – Людвиг), название заведения не изменивший. «Витгофнер, арендатор гостиницы «Билло», за несколько лет аренды нажил себе состояние более 200 000 рублей, а гостиница эта была небольшая, правда, с бойко торговавшим рестораном, усердно посещавшимся немецкой публикой. Умел Витгофнер привлечь немцев выписанными франкфуртскими сосисками и пильзенским пивом. И он сам, и жена целый день были на деле, высшая админист-

Гостиница «Билло». Открытка 1900г. Ресторан гостиницы «Билло»

рация ему ничего не стоила», – так характеризовал стиль управления гостиницей один из мемуаристов. Ресторан размещался на первом этаже здания, его кухня и винные погреба с большим выбором рейнских и французских вин, а также пива – в подвале. Владимир Алексеевич Гиляровский, рассказывая о московском «общепите», ресторан при «Билло» также упомянул: «Были еще немецкие рестораны, вроде «Альпийской розы» на Софийке, «Билло» на Большой Лубянке, «Берлин» на Рождественке... но они не типичны для Москвы, хотя кормили в них хорошо и подавалось кружками настоящее пильзенское пиво».

Также на первом этаже гостиницы были оборудованы читальня, гостиная, контора администрации, парикмахерская. Все 38 номеров (стоимостью от 1,5 до 10 рублей в сутки) распределялись по второму, третьему этажу и антресоли. «Билло» принадлежал также нежилой дворовый корпус – здание так называемых палат Хованских последней четверти XVII века, к которым сделали пристройку в «русском» стиле. В этом корпусе размещался считавшийся одним из лучших в городе кегельбанов, и небольшой ресторан, где блюда называли по терминам игры. В 1901 году к проведению соревнований на приз «Билло» даже выпустили специальную открытку.

Останавливались в «Билло» практически только немцы, приезжавшие в Москву по делам, а также австрийцы и французы. Hotel Billo Moscau – с персоналом, говорящим на немецком и французском, свежими зарубежными газетами, интерьером, оформленным портретами европей-

ских монархов и видами немецких городов – пользовался у иностранцев большим успехом.

Так же, как и «Берлин», «Билло» выступала в роли «клуба по интересам». Здесь собиралось Московское общество собирателей почтовых марок, члены которого были московские немцы, состоящие в Дрезденском международном обществе филателистов. Проходили собрания благотворительного «Женского немецкого совета»; «Кружка любителей культуры аквариума и террариума», куда входил, например, известный фармацевт Владимир Карлович Феррейн. Свое помещение имело у Клуба циклистов: его председателем был арендатор «Билло» Витгофнер. В ресторане кегельбана общались московские пивовары.

Самым известным гостем гостиницы москвоведы, ссылаясь на материалы Бориса Сергеевича Земенкова, историка культуры нашего города, называют немецкого композитора Рихарда Вагнера. В 1863 году Вагнер приехал по приглашению Русского филармонического общества на ряд гастрольных концертов в Санкт-Петербург и Москву. В первопрестольной он давал концерты 13, 15 и 17 марта. Потом в стенах гостиницы начало собираться музыкальное Вагнеровское общество Москвы. Константин Сергеевич Станиславский в своей книге «Моя жизнь в искусстве» называет «Билло» гостиницей, «где обыкновенно останавливались все приезжие музыканты».

Следующими арендаторами «Билло» стали германские подданные Вильгельм (Василий) Вельдеман и Пауль (Павел) Бухгольц, владельцы торгового дома «Вельдеман

Панорама Тверской улицы с домом № 6. Современное фото

Дореволюционная открытка.
На заднем плане – гостиница «Дрезден»

В. и Бухгольц». После начала Первой мировой войны в 1916 году в справочнике «Вся Москва» гостиница уже не фигурирует. С 1925 года здание занимало ОГПУ. В 1970-х его снесли. Палаты же Хованских (Большая Лубянка, дом 7, строение 1) сохранились до наших дней.

«Дрезден»: немецкое название, русский обиход

В «Путеводителе по Москве и ее окрестностям» 1872 года гостиница «Дрезден» характеризовалась так: «Одна из самых дорогих, хотя и хороших гостиниц. Цена обеда: 1 р. 50 к., из 4-х блюд – 2 р. Цена № в сутки – от 1 р. до 15 р.».

Пока вопрос о том, дано ли было название «Дрезден» основателями гостиницы, обрусевшими выходцами из Саксонии (согласно некоторой литературе по москвоведению), или же оно стало данью моде на иностранные «для важности» вывески, остается открытым. Во всяком случае, согласно справочнику «Вся Москва», в 1895 году гостиница принадлежала некоему «Товариществу М.А. Королева», затем дом числится в собственности купца Гавриила Павловича Немчинова, а арендатором значится француз Маврикий Варфоломеевич Дюкан. После «содержателем» гостиницы назван Александр Гаврилович Немчинов.

«Дрезден», входящий в число старейших первоклассных гостиниц, выстроенный на Тверской напротив дома генерал-губернатора, был любим русским дворянством. Так, в 1848 году в отеле останавливается Александра Осиповна Смирнова-Россет, фрейлина императорского двора, дружившая с Николаем Васильевичем Гоголем, который здесь ее и навещал. В том же году, в ожидании задержавшегося по делам мужа, в «Дрездене» целый месяц живет прибывшая из-за границы графиня Анна Григорьевна (Георгиевна) Толстая – еще один важный человек в жизни Гоголя. Бытописатель «дворянских гнезд» Иван Сергеевич Тургенев по дороге из Санкт-Петербурга в свое имение Спасское-Лутовиново часто делал здесь остановку на несколько дней. «23 ноября 1859. Москва. Я сейчас приехал сюда, любезный Афанасий Афанасьич, и остановился в гостинице «Дрезден», в 10-м Но-е. Прошу Вас пожаловать...» (Из письма Тургенева Фету).

Нравился «Дрезден» и высокопоставленным чиновникам. Скажем, президент Академии наук и министр народного просвещения граф Дмитрий Андреевич Толстой занимал «люкс» с кабинетом, приемной и спальней. Что касается иностранных гостей, то до начала XX века здесь нередко останавливалось много организованных туристических групп из Германии.

На долгий срок, как правило, снимали номера москвичи, для которых по тем или иным причинам гостиница становилась домом. Как, например, для драматурга Александра Николаевича Островского. В 1886 году он был назначен начальником репертуара московских театров, в

Москва. Памятникъ Генер. Скобелеву.
MOSCOU. Monument au général Skobeleff.

связи с чем получал казенную квартиру. Пока ее приводили в порядок, 15 мая Островский переехал в «Дрезден». «...Мы оставляем нашу квартиру, – Марья Васильевна с детьми уезжает в деревню, – мебель и все вещи переносим в склад, а я до отъезда переезжаю в гостиницу «Дрезден». «Я сбился с ног...», – читаем в одном из его писем. Для художника Василия Ивановича Сурикова, много лет жившего в Москве в арендованном жилье и гостиницах, «Дрезден» стал последней квартирой: 6 марта 1916 года он скончался здесь от заболевания сердца на руках дочерей.

В «Дрездене» не было какой-то специфики, как у «Берлина» или «Билло», заведение содержалось в солидных традициях дорогой московской гостиницы. Судя по рассказу Лескова «Штопальщик» (1882 год), чтобы устроиться работать в «гостиницу напротив главного командующего дома», нужна была «протекция». Один из героев рассказа, «подбуетчик», говорит нанимаемому о будущем месте его работы: «Здесь нажать можно». А в обязанности «штопальщика» входило «разутюживать приезжающим всякое платье, которое приедет в чемоданах замявшись, и всякую починку делать, где какая потребуется».

Первый этаж здания гостиницы был занят старинной модной парикмахерской с французскими мастерами, где постоянному клиенту – генерал-губернатору Москвы кня-

Вверху: панорама Тверской улицы 1910-х гг. с памятником Скобелеву, гостиницей «Дрезден», домом генерал-губернатора.
Внизу слева: Тверская улица с рестораном «Арагви». 1960-е гг.

зю Владимиру Андреевичу Долгорукому между делом рассказывали все городские сплетни; дорогим цветочным магазином, известной «лавкой колониальных товаров» Алексеем Васильевича Андреева.

Среди многочисленных известных гостей «Дрездена» принято упоминать Николая Ивановича Пирогова. В мае 1881 года он прибыл на торжества, устраиваемые в честь 50-летия его врачебной и научной деятельности в Московском университете. На Курском вокзале юбиляра встречал Илья Ефимович Репин, в свою очередь тоже специально приехавший в первопрестольную: Павел Михайлович Третьяков заказал ему портрет Пирогова. В течение четырех дней Пирогов позировал Репину в номере «Дрездена». Результатом стали портрет маслом и серия рисунков для будущего гипсового бюста.

Антон Павлович Чехов, бывший гостем и «Лоскутной», и «Славянского базара», несколько раз выбирал и «Дрезден».

В Первую мировую войну русской гостинице с немецким названием удалось сохранить и собственность, и вывеску. 9 июня 1917 года газета «Русские ведомости» в разделе «Московские вести» поместила заметку, где говорилось о попытке «реквизиции» «Дрездена». «Комиссар гор. Москвы Н.М. Кишкин получил от министра внутренних дел следующую телеграмму относительно реквизиции «Дрездена»: «В виду поступившего в министерство заяв-

ления владельцев гостиницы «Дрезден» Немчиновых о том, что постановление исполнительного комитета московских общественных организаций о реквизиции гостиницы приводится с исполнением комиссаром градоначальства Никитиным, подтверждаю, что постановление комитета о реквизиции незаконно и не может быть приводимо в исполнение органом правительственной власти. Прошу сделать незамедлительно соответствующие распоряжения. Замминистра внутренних дел кн. Урусов».

В 1937–1940 годах архитектор Аркадий Григорьевич Мордвинов возводил на Тверской (тогда – улице Горького) жилые дома № 2, 4, 6, 8 в стиле сталинского классицизма. Старые постройки при этом сносились. Однако «Дрездену» повезло: его объем был включен в левое, обращенное на Тверскую площадь, крыло дома № 6 по Тверской. В 1938 году в этом здании открылся ресторан «Арагви», хорошо известный москвичам нескольких поколений.

В настоящий момент здание по адресу: улица Тверская, дом 6, строение 2 – объект культурного наследия регионального значения «Гостиница «Дрезден». В ходе реставрации были найдены материалы, позволившие восстановить архитектурный облик гостиницы. В нескольких комнатах второго этажа уцелела отделка, в том числе фигуры атлантов, и потолочная лепнина начала XX века.

Текст: Алена Бецкая

ПАРИЖАНЕ В МОСКВЕ

«ИНТИМНАЯ ДРУЖБА МЕЖДУ ЭТИМИ ДВУМЯ ГОРОДАМИ ЯВЛЯЕТСЯ ЗАЛОГОМ ДРУЖБЫ ДВУХ ВЕЛИКИХ НАЦИЙ – РОССИИ И ФРАНЦИИ»

Ольга Игоревна Демушкина, в генеалогическом древе которой соединены две именитые отечественные фамилии – Гучковых и Боткиных, свой рассказ о традициях индустрии московского гостеприимства начала неожиданно – с заметки, которая была опубликована в газете «Раннее утро» от 9 декабря 1911 года:

«Н.И. Гучков и г. Руссель. Сегодня городской голова, Н.И. Гучков, отправляет президенту парижского муниципального совета г. Русселю письмо с выражением благодарности за оказанный ему в Париже прием и с приглашением от лица городской думы навестить Москву».

– **Приглашение было принято?**

– Да, оно было принято. А процитированную заметку хочу дополнить еще вот чем. Вопросом местного самоуправления в Европе начала XX века уделялось серьезное внимание, и в Париж, который основательно продвинулся в их решении, на мероприятия по обмену опытом приезжали делегации из многих столиц. В том числе и из Москвы. Принимали русскую делегацию достойно, пышно, о чем даже потом издали альбом. Это букинистическое издание спустя столетие мне подарили мои французские друзья и родственники. Что же касается визита французской делегации в наш город, то имеет смысл вновь обратиться к газетной публикации. «Русское слово» от 12 февраля 1912 года сообщает, что 30 января в Москву в гости к московскому городскому самоуправлению прибыла делегация парижского муниципалитета во главе с Ф. Русселем. «Во время сво-

его трехдневного пребывания в Москве, оказавшей им самый радушный прием, французские гости посетили, между прочим, братские могилы французских и русских воинов, павших в 1812 г., отслужили панихиды и возложили венки».

О том, как принимали французоз, в своих мемуарах написал московский губернатор Владимир Федорович Джунковский: «Французская колония во главе с французским генеральным консулом графом де ла Валикур устроила по этому случаю банкет в «Эрмитаже». Обед носил интимный характер, помимо французоз приглашено было очень немного гостей, среди них был городской голова Н.И. Гучков и я... Стол, накрытый на 80 приборов, утопал в цветах. Все было устроено красиво и изящно... Обед прошел очень оживленно. Первый тост за Государя императора провозгласил граф де ла Валикур, затем Гучков – за Президента Респуб-

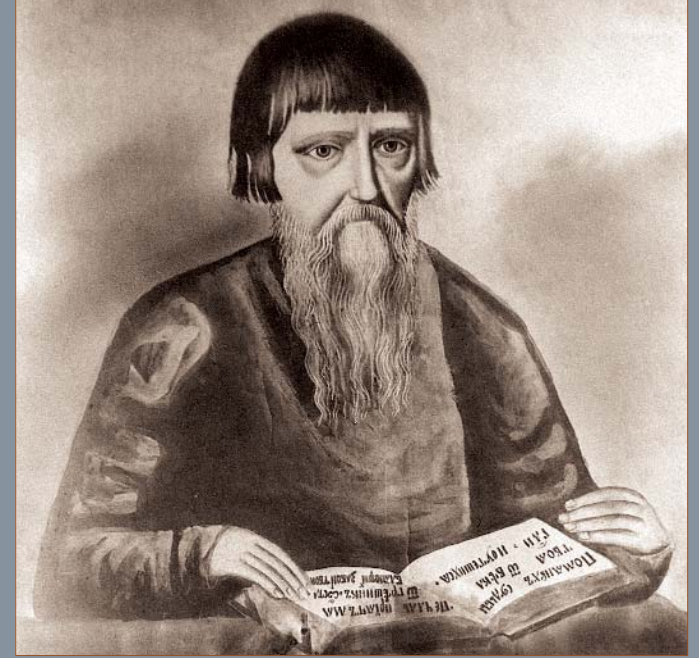
ки, а я – за французскую колонию. Последний тост был за дорогих гостей, провозглашенный председателем французской колонии, моим большим другом, П.К. Жиро.

С банкета все отправились в городскую думу, где городское управление устроило блестящий раут... Во время раута городской голова Н.И. Гучков, передавая Ф. Русселю подарок от города Москвы – художественный лагерь в древнерусском стиле, обратился к французским гостям со следующей речью на французском языке: «Городское общественное управление древней столицы России – Москвы, принимая у себя сегодня представителей муниципалитета Парижа, чудной столицы и гордости Франции, выражает им чувства самой глубокой симпатии... Да будет этот момент еще одним ярким доказательством этой неразрывной и прочной дружественной связи, которая существует между двумя великими народами – французами

Еженедельный журнал «Искры» № 7 при газете «Русское слово»

Федор Алексеевич Гучков, основатель династии

и русскими. Да будет эта связь между ними прочнейшим залогом не только их собственного благополучия, но и благополучия всего мира».

Ф. Руссель отвечал: «Я был чрезвычайно тронут простотой и сердечностью приема, который нам оказан с первого момента прибытия нашего в Москву. Здесь поднесен Парижу чудный дар, в котором выразилось искусство ваших художников. Я не знаю, чем мне более гордиться в данный момент – тем ли, что я являюсь представителем Парижа, или тем, что меня так сердечно принимают в Москве. Я должен отдать предпочтение, по-видимому, второму моменту. Муниципалитет Парижа уже хранит одну реликвию из России – от Кронштадта. Теперь мы получаем другую, с изображением Георгия Победоносца, поражающего дракона, и с двуглавым орлом, парящим над гербом Москвы. Ваза Кронштадта имеет политическое значение как эмблема

союза двух наций. Этот же новый дар знаменует интимный союз двух городов, имеющих первенствующее значение в обеих странах. Интимная дружба между этими двумя городами является залогом дружбы двух великих наций – России и Франции».

Гимн и «Марсельеза», чередовавшиеся между собой и повторенные несколько раз, были ответом на речь Русселя. Затем состоялся небольшой концерт при участии хоров Императорской русской оперы, а также и малороссийского и цыганского, кончившийся балетным отделением с характерными танцами. Все чувствовали себя очень непринужденно, в воздухе царил атмосфера искренности и горячей симпатии...

1 февраля в 5 часов дня у градоначальника в честь французоз состоялся чай, а затем у городского головы – прощальный обед. Прямо с обеда французские гости проехали на вокзал и отбыли из Москвы».

– **Упомянутый в мемуарах ресторан «Эрмитаж» был одним из символов московского хлебосольтва. А квартиры во французские гости, по логике, в Большой Московской гостинице?**

– Ресторан «Эрмитаж» был настоящим «культовым местом» для Москвы той эпохи. Это здесь знаменитый повар Люсьен Оливье впервые подал посетителям салат, который нынче во всем мире называют «русским», а мы его привыкли именовать по имени изобретателя – «оливье». А вот оставались все официальные именитые гости действительно обычно в Большой Московской гостинице, переименованной ко времени, о котором идет речь, в «Грандъ-отель». Публикуемая в газетах реклама гласила: «В самом центре города. Близ Кремля и Иверской часовни, Новых торговых рядов и театров. 100 заново отделанных номеров и семейных отделений. Суточно от 1 до 25 рублей, помесячно от 25 до 350 рублей. Отопление

Слева: Корали Петровна Гучкова. Семья Гучковых: Константин, Корали Петровна, Александр, Фёдор, Иван Ефимович, Николай, Виктор (сидит перед Фёдором). Царевич Алексей и Коля Гучков.
Справа: Н.И. Гучков в Москве. Н.И. Гучков, сын Петр, жена сына Николая и внучка Лена. Париж. 1930-е г.г.

исключительно голландскими печами... Хороший ресторан. Русская и французская кухни. Бильярды. Зал для чтения с русскими и иностранными газетами и журналами. Телефон. Ванны. Омнибусы на все вокзалы железных дорог. Комиссионеры и переводчики для иностранных языков».

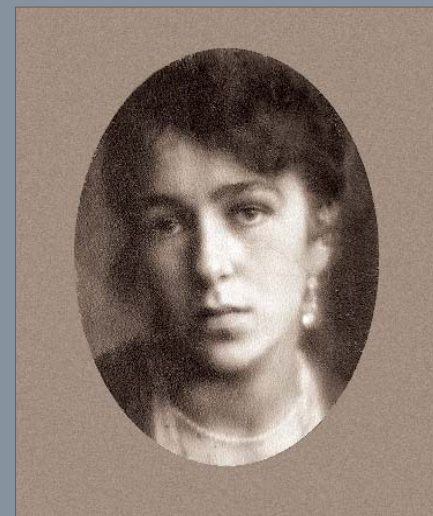
Ресторан гостиницы славился далеко за пределами нашего города, был притягательным местом для множества гурманов и «медийных лиц» той эпохи. Здесь бывали и композитор Чайковский, и писатель Чехов, а для московских именитых купцов не отме-

тить важные события в Большой Московской было просто немислимо. Как писал известный знаток московской старины Николай Васильевич Давыдов, председатель московского окружного суда, «таких поросят, отбивных телячьих котлет, суточных щей с кашей, рассольника, ухи, селянки, осетрины, расстегаев, подовых пирогов, пожарских котлет, блинов и гурьевской каши нельзя было нигде получить...». Потому неудивительно, что французские гости квартировали именно в Большой Московской. Тем более что все было рядом – от здания

Московской городской думы до Большой Московской рукой подать.

– *Расскажите подробнее об одном из главных героев этой истории – городском голове Николае Ивановиче Гучкове, вашем знаменитом предке.*

– Так получилось, что у меня в роду три городских головы Москвы. Родоначальник династии Гучковых, Федор Алексеевич, происходил из крепостных крестьян помещицы Белавиной из Калужской губернии. Он – прадед Николая Ивановича. Но уже его сын, Ефим Федорович, стал первым московским городским головой из рода Гуч-

Любовь Николаевна и Александр Иванович Гучковы

ковых. А Николай Иванович, правнук родоначальника и городской голова, женился на Вере Петровне Боткиной, мать которой была дочерью Кондратия Карповича Шапошникова, тоже городского головы.

О первом Гучкове, Федоре Алексеевиче, известно, что он был отправлен в Москву мальчиком – учиться текстильному делу. Он сумел стать мастером, открыть собственное предприятие и выкупить из крепостной зависимости свою семью. У нас сохранилась легенда, что выкупал Федор Алексеевич не только своих близких, но и

всю деревню, однако доказательств этому мы не нашли.

Уже в начале XIX века семья была причислена к купечеству. Федор Алексеевич был видным членом старообрядческой общины федосеевцев, говорят, что даже какие-то псалмы были посвящены лично ему. Я слышала об этом, когда посещала с родственниками Преображенское кладбище.

Интересная подробность: в 1812 году фабрику Федора Алексеевича, которая располагалась где-то в районе нынешней Электровской улицы, сожгли французы. Вот такой был первый контакт нашей династии с ними.

– *А спустя столетие его правнук принимал в Москве французскую делегацию, и они вместе возлагали венки павшим в Отечественную войну 1812 года русским и французским воинам...*

– Николай Иванович, кстати, свободно говорил по-французски. Он ведь был наполовину француз. Его отец, Иван Ефимович, женился на француженке Кароли Вакье. И это – очень романтическая история. Но лучше начать с предыстории. Дед Николай Ивановича, Ефим Федорович, хоть и родился крепостным, не получил системного образования, но много занимался самообразованием. Он говорил на нескольких языках, ездил за границу, выписывал оттуда мастеров. Был он человек на редкость хлебосольный, к тому же, стремился завести связи в обществе – устраивал приемы, обеды. Его отец ему говорил: «Зачем же ты тратишь такие деньги на приемы? Лучше бы отдал людям деньгами!» Но у Ефима Федоровича были уже другие взгляды на жизнь. А его сын вырос настоящим баринином и светским человеком. Так что случившаяся с ним история вполне в духе романтического времени.

Семья Вакье приехала из Франции. Отец Корали и ее два брата занимались виноторговлей в Одессе, потом переехали в Харьков. Сохранилась фотография, на которой Николай Иванович Гучков посещает могилу своего деда, Пьера Вакье, в Харькове. Но сначала Кароли Вакье вышла замуж за московского купца Куманина, родила

в этом браке дочь Лидию. Так что Иван Ефимович познакомился уже с замужней дамой. Есть семейная легенда, что он проник в дом своей возлюбленной под видом кучера и ее оттуда увез. Я не знаю, как им удалось уладить дела с законом – тогда разводы были очень сложным делом, но они официально поженились, и их дети были рождены в законном браке.

– *Получается, что и в Вас есть капелька французской крови?*

– Капелька. Но моя любимая еда – еда французского крестьянина: хлеб, сыр и сухое вино.

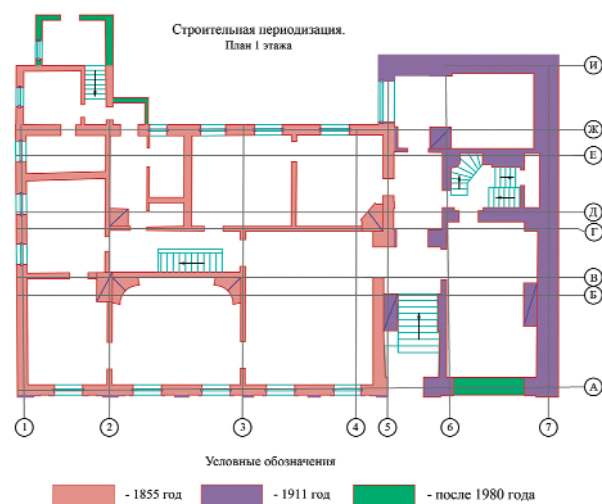
– *Николай Иванович эмигрировал после революции в Париж к французским родственникам?*

– Нет, просто в Париж, как и многие тогда. В моем архиве есть, например, фотография 1920-х годов – Николай Иванович в Париже. Но потомки Вакье много лет спустя нашли тех Гучковых, которые там сейчас живут. Я с представителями семьи Вакье встречалась. Семья очень большая, но, представьте, они помнят, что у них были родственники в России – Гучковы. Один из Вакье, когда вышел на пенсию, решил заняться историей семьи, включив в родословное дерево нашу ветвь. Для меня это был необыкновенный подарок.

– *Какое лично Вы занимаете место в родословном дереве Гучковых?*

– Если считать от Федора Алексеевича, то я – шестое поколение. У Николая Ивановича была дочь, Любовь Николаевна, моя бабушка. Она вышла замуж за офицера Юрия Николаевича Висковского. Моя мама – Висковская Любовь Юрьевна. Некоторые из живущих за рубежом Гучковых не только приезжают в Россию, ведут здесь дела, но и имеют российское гражданство. Например, внук брата моего прадеда, Иван Андреевич Гучков. Его дед, Александр Иванович, был председателем Государственной думы. И Николай Иванович, и Александр Иванович – оба эмигрировали во Францию, но всегда мечтали вернуться в Россию.

Историческая периодизация. 1 этаж
Правее: Главный фасад.
Проектное предложение после раскрытий

ACTA DIURNA

«ВЫИГРЫВАЮТ МОСКВА И МОСКВИЧИ»

Открывая заседание Конкурсной комиссии конкурса Правительства Москвы «Московская реставрация – 2015», руководитель Департамента культурного наследия города и председатель комиссии Алексей Емельянов поздравил всех с пятилетним юбилеем конкурса «Московская реставрация». «В 2011 году мы ставили перед собой простую цель – показать, что отрасль есть, есть реставраторы и памятники, которые реставрируются. Нам важно было поддержать московскую школу реставраторов. За пять лет конкурс стал серьезным событием, это площадка, где реставраторы чувствуют себя единым сообществом, обмениваются опытом. А выигрывают от этого Москва и москвичи», – подчеркнул Алексей Емельянов. За пять лет проведения конкурса в городе отреставрировано 541 здание, а вместе с монументальными сооружениями и объектами исторического некрополя – более 750 объектов. За предыдущих четыре года в конкурсе рассматривалось 240 заявок, 90 из которых было награждено. В этом году на участие в «Московской реставрации» подано 69 заявок по 40 объектам. Алексей Емельянов назвал выбор лауреатов

непростым, так как качество представленных работ очень высокое, а реставрируемые объекты крайне интересны для специалистов отрасли. Увеличивающееся из года в год количество заявок на участие в конкурсе является, по его мнению, свидетельством роста популярности этого профессионального состязания.

К реставрационной работе активно подключились частные инвесторы. Из 300 объектов, на которых реставрационные работы проходят в текущем году, более половины находятся в частной собственности и реставрируются с привлечением инвестиций.

Среди объектов конкурса – Екатерининская больница на Страстном бульваре, усадьба Шибяевых на Новой Басманной, усадьба Коробковой на Пятницкой и многие другие московские достопримечательности. О реставрации одной из них – «Дома авиатора Россинского» – рассказывает далее автор и научный руководитель проекта, Почетный реставратор города Москвы Лариса Лазарева и ее коллега – главный архитектор проекта Наталья Большакова.

ТУРНЮР-НАВОДКА

РЕСТАВРАТОРЫ ИНОГДА НАХОДЯТ СОВЕРШЕННО НЕОЖИДАННЫЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ПРАВИЛЬНОСТИ СВОИХ ПРОЕКТНЫХ РЕШЕНИЙ

Удивительно течение мыслей человека, увлеченного своим делом. Не раз замечали, что, когда углубляешься в изучение «своего» объекта, невозможно прерваться на воскресный отдых, нельзя, рассчитывая на спокойный вечер в кругу близких, изгнать из своего сознания и даже подсознания постоянный процесс поиска. Не хватает данных, чтобы убедиться в правильности цветового решения фасадов или интерьеров? Мозг непрерывно ищет ответ на вопрос, извлекая из всех имеющихся в нем «файлов» и опыт, и все твои художественно-архитектурные знания. В нашей творческой практике бывали случаи, когда правильность колористического решения и даже силу найденного цвета в интерьере, сочетание оттенков подсказывали не прямые аналоги, а, например, выставка исторического костюма в городе Павловске или в Музее моды Мадрида. Смотришь на турнюр, складочки и зашпы дамского платья, на кружева, его окаймлявшие, или на пуговицы мужского костюма XVIII века, а в мыслях рождается уверенность в правильности твоего решения по реставрации интерьера. А иногда приходят на помощь художественные полотна старых мастеров. Ты мысленно углубляешься в созерцание творений Питера Брейгеля, Антуана Ватто или Альфонса Мухи, виденных тобой в европейских художественных музеях, а после этого как по маслу решаются задачи на реставрируемом объекте. Вероятно, настоящее искусство поднимает в тебе какие-то тайные силы, о которых ты даже не помышляешь, но именно эти силы дают тебе право принять то или иное решение.

Плафон Голубого зала

От усадьбы Львова до дома Россинского

Когда наш коллектив начал работать над реставрацией объекта культурного наследия в Малом Власьевском переулке, дом 4, строение 1, ничто не предвещало особых интересных находок. Объект шел трудно, с долгими перерывами. Работы, начатые в 2003 году, неоднократно и надолго приостанавливались. И только в этом году, наконец, были завершены все виды проектных работ: комплексные научные исследования, реставрация и приспособление памятника архитектуры под функцию офиса с современным инженерным оборудованием.

Из истории домовладения мы знали немного. Историко-архивное исследование, на котором основывались наши первоначальные сведения, было очень кратким. Поэтому архитекторы-реставраторы проводили и собственное исследование дома – его планировки, типов кладки цокольного кирпичного этажа, типов применяемых конструкций, характера отделки. Все это пополняло сведения об истории дома и домовладения, помогало делать выводы.

Что в результате было известно из истории домовладения? Земельный участок, на котором он стоит, в XVIII веке входил в состав усадьбы князя Михаила Сергеевича Львова. В течение следующего столетия он постоянно дробился на части, меняя хозяев, которые каждый раз по-новому обустроили свои владения. Объем, о котором идет речь, входит в состав участка Екатерины Николаевны Бологовской, которая приобрела его в 1869 году.

В 1911 году владение отошло надворному советнику Ивану Ивановичу Сергееву. Именно в это время по проекту архитектора М.А. Фелькнера главный дом усадьбы расширили с южной стороны: появилась каменная двухэтажная пристройка с подвалом. На наших чертежах это стена по оси 6–7. Тогда же меняется декор интерьеров и фасадов, а

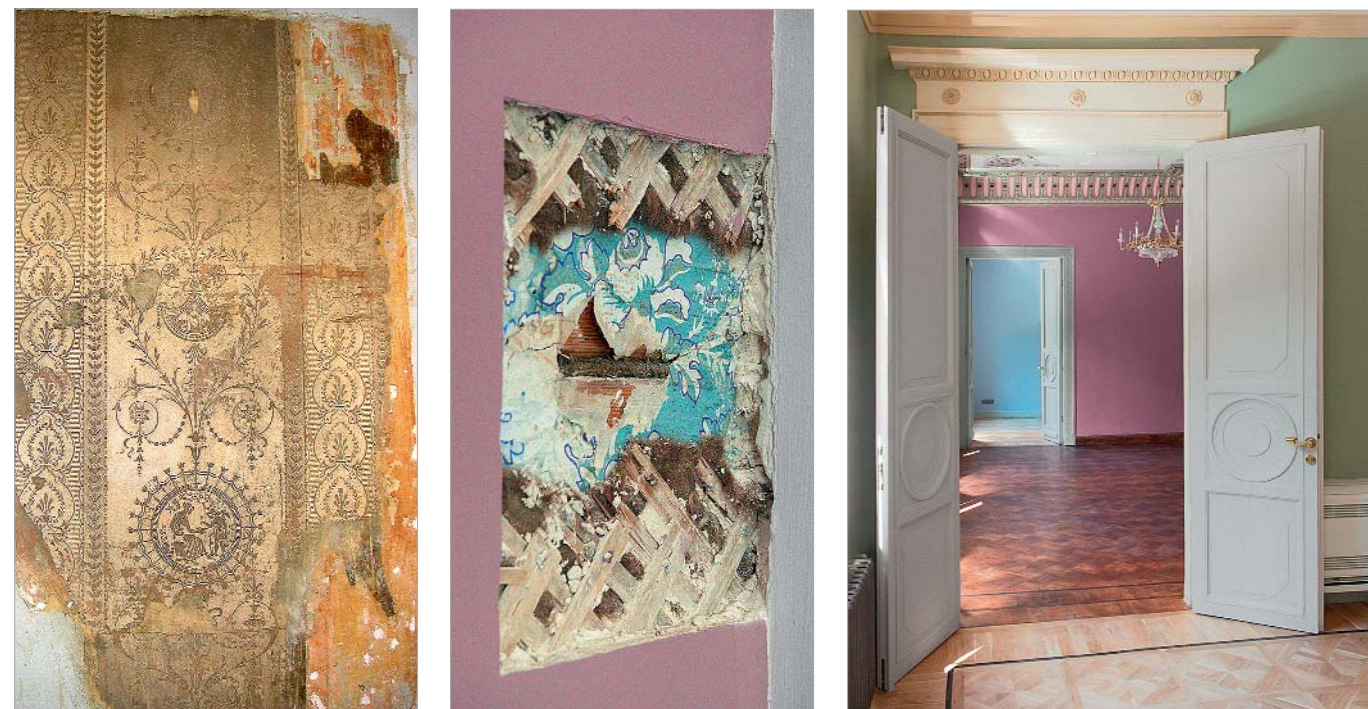
по фронту застройки Малого Власьевского переулка появляются кованые ворота. В 1925 году наш дом переходит в аренду летчику Борису Илиодоровичу Россинскому, совершившему первый в России полет на самолете с открытым верхом. Москвичи, собственно, и знают этот объект культурного наследия под названием «Дом Россинского».

За непритязательными фасадами

Как показали наши исследования памятника архитектуры, его планировочная структура с 1860 года и до пристройки 1911 года по проекту архитектора М.А. Фелькнера не менялась. Это скромная анфилада небольших по площади комнат со скромной же деревянной лестницей в коридоре при входе на низкий антресольный этаж. Главный вход в дом осуществлялся со двора через тамбур. А вот точный облик фасадов и интерьеров до 1911 года был практически не известен. Наши комплексные художественные и архитектурные исследования давали право предположить, что основные габариты и высотные отметки ныне существующих карнизов и фасадов сильно не изменены в основном объеме здания до пристройки 1911 года. Самым же интересным и необычным результатом нашего исследования оказался сильный контраст между сдержанным фасадом, выходящим на М. Власьевский переулок и малообъемными, но пышными и смелыми по своим колористическим решениям интерьерами.

Подчеркнутое скромное оформление и цветовая гамма серых оттенков на фасадах, несущих в себе черты раннего модерна и неоклассики, контрастируют с решениями интерьера, наполненного разными стилистическими акцентами, будь то неоготика, неоклассика, эклектика или модерн.

Два стиля – неоклассицизм и модерн – тесно соседствуют в интерьерах и фасадах этого здания. Эти два стиля

Вверху: фрагмент обоев в Неогреческом зале. Фрагмент обоев в Сиреновом зале. Анфилада, вид из Неогреческого зала
Нижне: проектное предложение по реставрации Неогреческого зала

развивались почти параллельно, и дом в Малом Власьевском – тому явное подтверждение. Неоклассицизм формировался внутри «модерна». Образы античности, свойственные классицизму, заполняют пространство модерна и получают новое прочтение в неоклассицизме. Зодчие, работавшие в этом стиле, проектировали не только особ-

няки для богатых, но и доходные дома, банки, торговые фирмы. Неоклассицизм как бы брал на себя миссию увековечить вечные художественные ценности в общественном пространстве для всех.

В нашем доме красноречиво пересекаются особенности этих двух стилей. Так, пляшущие «эвридики» легкой

Плафон и карниз Сириного зала после реставрации

Голубой комнаты резко контрастируют с насыщенной по цвету и художественному декору Сириновой гостиной, а она в свою очередь – с Неогреческой. И такое смешение соответствует особенностям социального и художественного восприятия мира обществом того времени.

Сириновая гостиная: сюрприз за сюрпризом

Принятию решений по восстановлению исторических интерьеров предшествовали, как мы уже писали, наши работы по раскрытиям и исследованиям штукатурных слоев на стенах, проведение художественно-реставрационных зондажей на сохранившемся лепном декоре стен и потолков. Настоящие подарки и сюрпризы преподнесла нам Сириновая гостиная с печами. Ее лепной декор дошел до нас почти полностью, но был обильно закраснен вкусовыми колерами хозяев. Исследования и расчистки выявили пышную, яркую гамму окраски самой лепки с небольшими акцентами позолоты – как будто графической прорисовкой основных выпуклостей на «ложечках» и выступающих плоскостях листьев цветочного орнамента угловых элементов декора потолка, включая розетку. Сделав первые цветные раскрытия, мы были поражены богатством и смелостью авторского замысла. Такое небольшое пространство и столь смелое по колористике решение, контрастирующее с нежно-голубым залом! Начались сомнения:

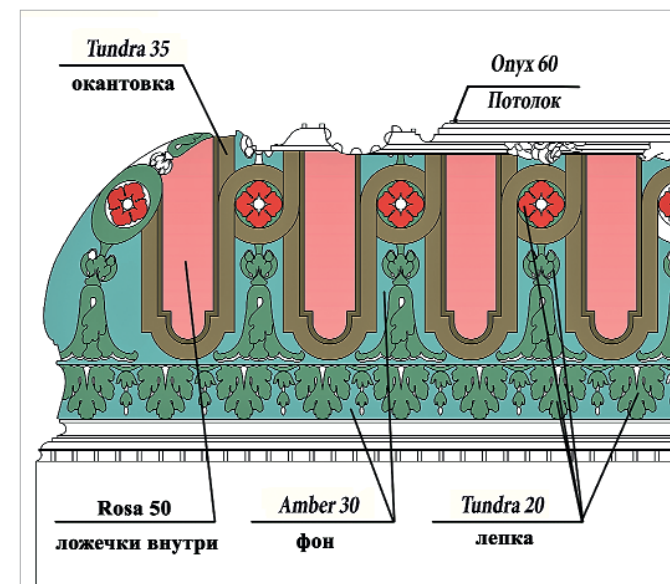
поймут ли нас, поверят ли?... Помогли длительные майские праздники 2015 года: в Мадриде, в Музее моды, увидели мужской камзол и дамское платье XVIII века, в которых использовались цвета (со скидкой на ткань) нашего карниза. Именно здесь пришло уверенное понимание – найденные нами на М. Власьевском сочетания цветов правдивы. Далее был просмотр классических особняков Парижа и Петербурга, утвердивший в правильности выбранных тонов.

На этом подарки истории не закончились. На поперечной капитальной стене, вблизи печи, сохранились фрагменты обоев середины XIX века с ручной обработкой – дорисовкой ярким синим цветом графических линий на цветочном орнаменте. Такие обои были типичны для середины XIX века. На примыкающей деревянной стене с анфиладной дверью еще одна находка – фрагменты обоев двух типов более позднего периода – начала XX века. Видимо, они появились после выполненных архитектурных работ по перестройке дома в 1911 году. Качество этих бумажных обоев с тонкой отделкой по серебрённому гильошированному фону близко к современной шелкографии.

Жаль, что не удалось убедить пользователя в необходимости оклеить обоями эту чудесное помещение. Тем более что их до сих пор производят фабрики в Италии. На-

Экспонаты Музея моды Мадрида. Правее: процесс раскрытий карниза. Эскиз авторского надзора

шим коллективом были найдены идентичные современные обои с точным повторением исторического рисунка – рапорта. Возможно, это когда-нибудь удастся сделать. В одной Сириновой комнате столько интересного и необычного, что нас не покидает надежда еще раз вернуться к ней и довести ее «до звона»: нанести легкую позолоту на лепку декора, оклеить стены обоями, как и было задумано автором.

Готический зал: а был ли витраж?

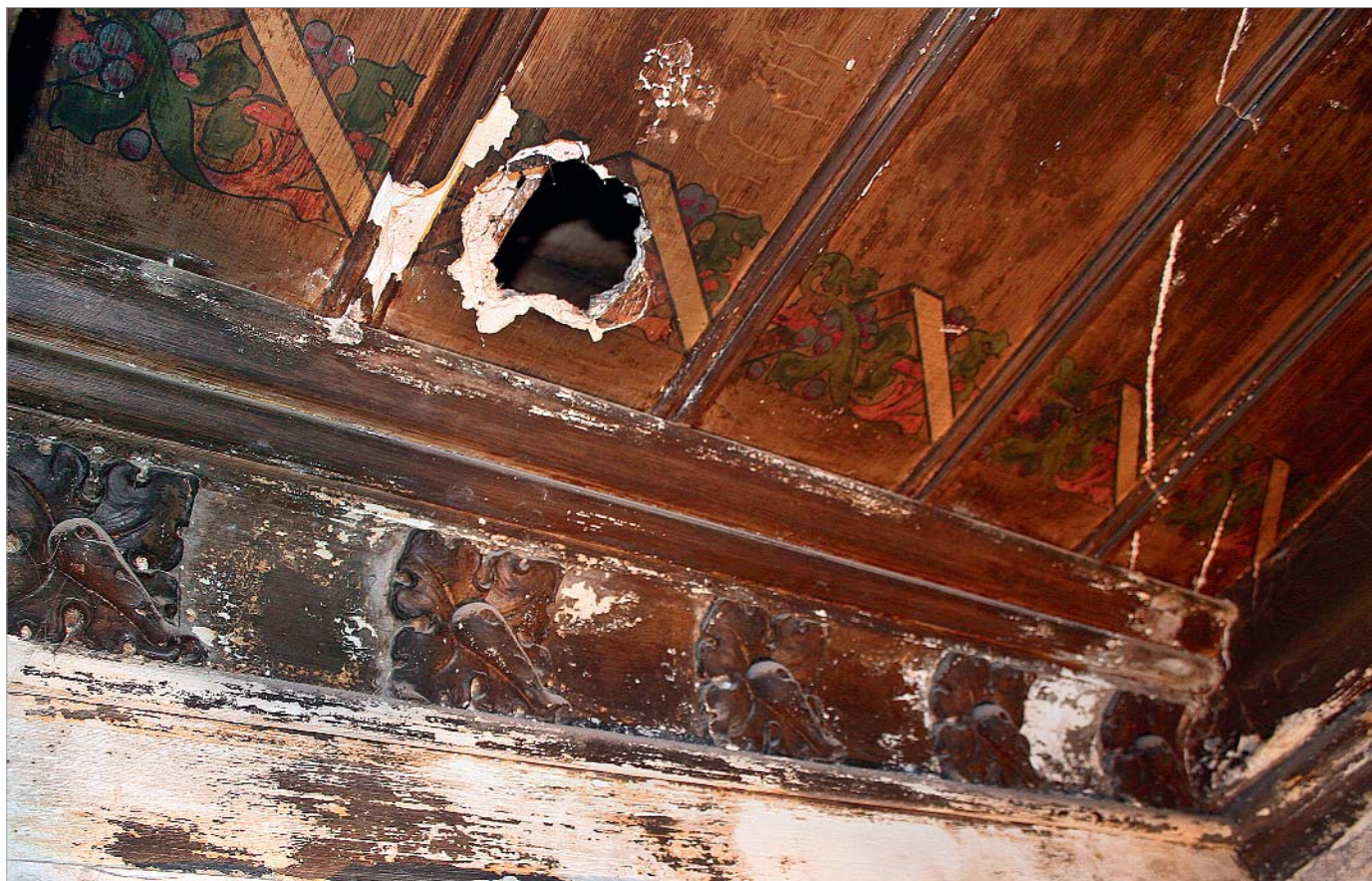
После изучения и обследования дома у реставраторов возникла четкая ассоциация со шкатулочкой, внутри которой прячутся чудесные украшения. Четыре парадные залы и вестибюль парадной лестницы можно сравнить с прекрасными ожерельями из драгоценных камней. Каждое – неповторимо, каждое имеет ярко выраженный стилизованный акцент.

Главным украшением в этой необычной «шкатулочке» является, несомненно, зал в готическом стиле, выполненный в 1911 году по проекту архитектора М.А. Фельнера для хозяина усадьбы – надворного советника И.И. Сергеева.

Первое посещение Готической залы навело на реставраторов грусть и печаль: темное, мрачное помещение

без какого-либо освещения. Единственное окно, почти во всю стену, было заложено кирпичом. Отделка зала – в катастрофическом состоянии: сводчатый гипсовый потолок наполовину обрушен вследствие протечек кровли; сильно загрязненные стены имели большие по площади утраты, восполненные вставками из цементного раствора; полностью отсутствовала отделка в нижней части помещения. И лишь светлый, сверкающий в лучах нашего фонарика камин выделялся во всей этой гнетущей тьме. Благодаря своей уникальной отделке он казался вытесанным из камня. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что камин отделан штукатурным раствором с добавлением кварцевого песка. Это и было причиной той сверкающей игры, что мы наблюдали при свете фонарика. Камин украшали изразцы сочного изумрудно-травяного цвета. При дальнейшем обследовании помещения выяснилось: от многих лепных гипсовых деталей, ранее украшавших зал, остались лишь следы; деревянные двери с остатками масляной краски сильно обожжены (видимо, результат ранее проводимой неудавшейся реставрации)... Ну и так далее. Однако даже такой унылый на тот момент интерьер вдохновил архитекторов-реставраторов, которые уже мысленно представляли всю красоту памятника при воссоздании его задуманного автором образа.

Фрагмент потолка и камин в Готическом зале до реставрации

После осмотра были срочно выполнены укрепление и защита сохранившихся элементов декора; произведены обследование и консервация отделки потолков, альфрейной росписи и декоративного фриза стен, лепных гипсовых деталей карниза, плафона, десюдепорта над дверным проемом. Началась работа по изучению художественных приемов оформления и материалов в отделке зала. Подробный отчет, составленный художником-реставратором А.С. Чепурным по итогам натурных исследований и расчисток, стал «путеводной звездой» для нас, архитекторов-реставраторов.

Расчистки выявили интереснейшую особенность, характерную для стиля неоготики: стены, покрашенные в темно-вишневый цвет, представляли собой имитацию шпалерной ткани с нанесением трафаретного рисунка с изображением геральдических щитов и лилий (так называемая альфрейная роспись). На сохранившемся фрагменте сводчатого потолка, выполненного из штукатурно-гипсового раствора и окрашенного в темный цвет, между поперечными нервюрами была расчищена дубовая текстура – имитация обшивки из дуба темного морения. Гипсовые и тянутые детали на стенах также имеют отделку под текстуру дерева.

Мы по крупицам собирали архивный материал для воссоздания готического зала в полном объеме. Так, с помощью найденных фотоматериалов и оставшихся следов лепных деталей удалось в точных габаритах вос-

создать из гипса угловые «химеры со щитом» и «малые химеры» на дверных наличниках. По аналогам воссоздавались деревянные дубовые панели на стенах и

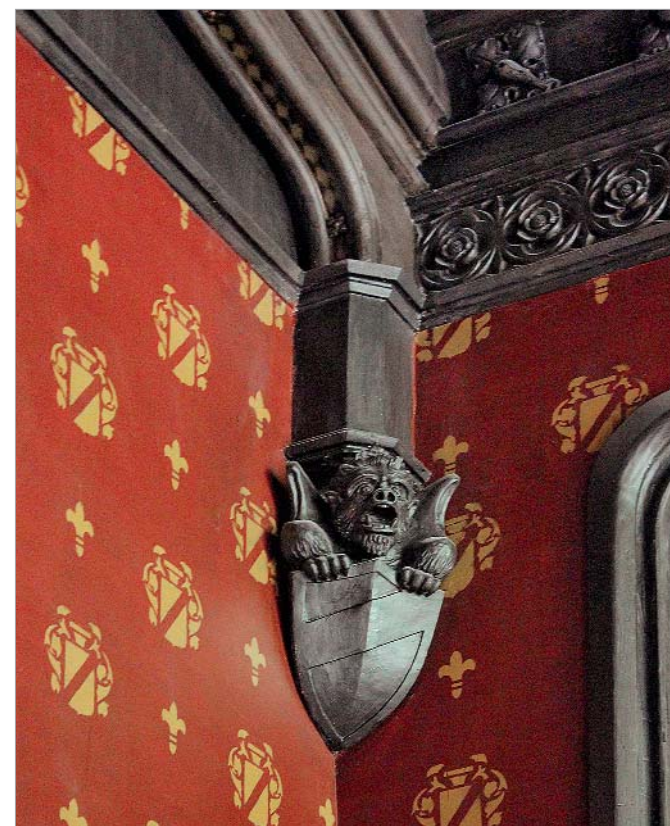

Готический зал. Общий вид и фрагмент после реставрации

Интуитивно архитекторы предполагали, что огромное окно в готическом зале должно иметь еще один смысл и ценность – витраж, но данные о характере изображения на нем слишком расплывчаты, а хорошая архивная фотография фасада отображала уже оконный блок с обычным стеклом.

Готов к жизни в XXI веке еще один фрагмент истории московской архитектуры. Как будет жить дальше наш дом в Малом Власьевском переулке? Нам, реставраторам, хотелось бы продолжить исследование его истории и довести его «до звона». Хотелось бы наполнить эту драгоценную «московскую шкатулочку» достойным содержанием: историческими драпировками на окнах, витражом в готическом зале, соответствующей мебелью. Мы, архитекторы-реставраторы, говорим спасибо этому дому за богатство знаний, полученных при его изучении, за бесценный опыт, за творчество и вдохновение.

Выражаем благодарность всем, кто работал вместе с нами: представителю заказчика – И.В. Сергею, заместителю генерального директора ФГБУК ГМВЦ «РОСИЗО» В.Д. Ткачеву, главному инженеру ФГБУК ГМВЦ «РОСИЗО»; коллективу генподрядной организации «Строймонтаж»; всем членам нашего коллектива, особенно художнику-реставратору С.В. Чередову.

керамическая топка камина. Нашим основным принципом было максимальное сохранение исторически ценных элементов конструктивной системы и отделки.

«В подобном заведении Москва давно нуждалась»

«КОКОРЕВСКОЕ ПОДВОРЬЕ» ПОЯВИЛОСЬ «РАНЕЕ, ЧЕМ НАЧАЛИ
ВОЗНИКАТЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ GRAND-HOTELY»

В.А. Кокорев. Гравюра В.Ф. Тимма. 1856 г.

Вид Кремля из ворот Кокоревского подворья. Фото нач. XX века. Слева: Реклама подворья из справочника «Вся Москва», 1900 г.

Гостинично-деловых комплексов, которые сегодня активно строятся в Москве, есть знаменитый исторический предшественник. «Кокоревское подворье» отличал европейский уровень комфорта, которому сегодня так стремятся соответствовать его современные аналоги, но при этом архитектура ансамбля была выдержана в национальных русских традициях, чего нынче не наблюдается. Совместить два в одном способен только такой заказчик, как Василий Александрович Кокорев, которого одни современники считали либералом и западником, другие же – славянофилом и консерватором.

Откупщицкий царь

Василий Александрович Кокорев – купец, предприниматель и общественный деятель – был личностью неординарной. Дальновидность, энергия и деловая хватка позволили выходцу из небогатой купеческой старообрядческой семьи с окраины Костромской губернии буквально за десять лет составить многомиллионное состояние. Сказочное богатство свое он приобрел, занимаясь винными откупами, реформированными по предложенной им же правительству схеме. К началу 1860-х годов его доходы составляли, по разным оценкам, от семи до восьми миллионов рублей – состояние по тем временам действительно грандиозное. Савва Иванович Мамонтов в своих воспоминаниях называл его «откупщицким царем».

Заработав миллионы, Василий Александрович мог позволить себе братья за масштабные и подчас рискованные проекты. Он стал одним из первых российских нефтепромышленников, построив в Сураханах под Баку первый в стране нефтеперерабатывающий завод. Кокорев активно занимался налаживанием транспортной системы России – принимал участие в создании Волго-Донской, Московско-Курской, Уральской железных дорог; при его содействии было учреждено Русское общество пароходства и торговли, а также Волжско-Каспийское пароходство «Кавказ и Меркурий». Москва тоже обязана ему созданием первого общественного транспорта: именно Кокорев стал инициатором проведения конки, связавшей центр города с тремя вокзалами на Каланчевской площади. Василий Александрович проявил себя и как блестящий финансист: он стоял у истоков создания российских акционерных

обществ, Волжско-Уральского банка и первого московского коммерческого банка – Купеческого.

Энергичный и творческий человек, В.А. Кокорев в начале 1862 года открыл первую в Москве публичную картинную галерею: в его живописную коллекцию входило 500 произведений преимущественно кисти русских мастеров – Ивана Константиновича Айвазовского, Владимира Лукича Боровиковского, Дмитрия Григорьевича Левицкого. При галерее имелся лекционный зал, где можно было услышать выступления Ивана Сергеевича Тургенева и Федора Михайловича Достоевского. Оказывая покровительство художникам, Кокорев открыл в окрестностях Вышнего Волочка Владимиро-Марьинский приют, первоначально предназначенный для малоимущих студентов Академии художеств. Молодым художникам предоставлялся дом со столовой и библиотекой, отлично оборудованные мастерские. Впоследствии этот дом творчества был назван «Академической дачей» – она существует до сих пор...

Блестящий оратор и публицист, Василий Александрович призывал «прекратить поиски экономических основ за пределами Отечества, засорять насильными пересадками на родную почву». Он был близок к славянофилам Ивану Сергеевичу Аксакову и Михаилу Петровичу Погодину. «Не только в истории московского купечества, но и в русской истории вообще он останется яркой фигурой человека, который хорошо знал нужды России и ее народный характер, угадывал ее потребности и подчас находил нужное решение», – писал о Кокореве знаток Москвы купеческой П.А. Бурьшкин. Однако среди консерваторов Кокорев слыл либералом и западником. Московский гене-

рал-губернатор А.А. Закревский докладывал в Петербург, что «в Москве завелось осиное гнездо... Гнездо это есть откупщик Кокорев»...

Философские искания и мировоззрение Василия Александровича Кокорева отразились в одном из самых удачных его проектов. Он выстроил напротив Кремля крупнейшую в Европе гостиницу, гранд-отель в «русском стиле».

«Весьма полезное и отличающееся красивою архитектурою»

В конце 1850-х годов В.А. Кокорев приобрел в Заречье несколько земельных участков. На этой обширной территории напротив Кремля, между Москвой-рекой и Водоотводным каналом, по проекту академика архитектуры Ивана Денисовича Черника был выстроен уникальный гостинично-складской комплекс – «Кокоревское подворье». Уникальность его заключалась в неведомой прежде в России многофункциональности – помимо номеров, в гостинице имелись рестораны и кафе, фешенебельные магазины, залы для ведения переговоров, читальня, почта и телеграф, меняльная лавка «с разменом процентных бумаг», помещения под склады и конторы. Биограф В.А. Кокорева писал: «Гостиница эта, стоившая с лишком 2 1/2 миллиона, была вместе с тем и товарным складом; она явилась ранее, чем начали возникать за границей так называемые Grand-Hotely».

Грандиозное строительство продолжалось четыре года, с 1860 по 1864 год, и затронуло не только территорию комплекса. Одновременно в 1862–1868 годах рядом с Ко-

коревским подворьем возводилась новая колокольня церкви Софии Премудрости Божией, ориентированная на масштаб новой застройки Софийской набережной. Деньги на строительство колокольни – около 10 тыс. рублей – были пожертвованы В.А. Кокоревым за предоставленное ему право «устроить в домах его окна и трубы обращенными на церковную землю». Со стороны Болотной улицы, куда выходил главный фасад одного из гостиничных корпусов, на средства Василия Александровича был разбит «липово-вязовый бульвар», носивший позднее его имя и просуществовавший до 30-х годов XX века.

Санкт-петербургская «Иллюстрированная газета» так писала о новой постройке в Первопрестольной: «Москва в последнее время украсилась многими замечательными зданиями. К весьма полезным и отличающимся красивою архитектурою принадлежит дом известного Василия Александровича Кокорева. Это складочное подворье для товаров и хорошая гостиница для приезжающих. В подобном заведении Москва давно нуждалась. Одним словом, дом Кокорева устроен совершенно на европейскую ногу, за что, конечно, ему скажут искреннее спасибо все, посещающие Москву».

Кокоревский комплекс состоял из семи разновеликих строений. Шесть из них располагались по периметру участка, а седьмой – по центральной оси двора. Основу композиции подворья составляли два гостиничных корпуса, поставленных по красным линиям Софийской набережной и Болотной улицы. Здания гостиниц соединились возведенным вдоль восточной границы владения трехэтажным складским корпусом. С западной стороны

ансамбль подворья замыкали трапециевидный корпус с отапливаемыми складами в подвале, магазинами и дешевыми номерами на втором-третьем этажах и два примыкающих к нему двухэтажных «чугунно-железных» с подвалами строения. В центре располагался вытянутый двухэтажный корпус «кладовых для склада товаров». Для входа в склады использовалась галерея с лестницами в два этажа на чугунных колоннах.

Каждая часть комплекса имела свое название: западная – «Монахов двор», восточная – «Стрекалов двор», центральная – «Кокоревское подворье». В двух гостиничных корпусах для проезда имелись высокие, в два этажа, арочные проемы, с резными чугунными воротами. Рядом с комплексом на Москве-реке и на канале были устроены пристани для барж. Бывавший здесь Антон Павлович Чехов сравнивал огромное мрачноватое «Кокоревское подворье» с испанским Эскориалом...

Самые дешевые в Москве виды на Кремль

Четырехэтажный корпус, выходящий фасадом на Софийскую набережную, традиционно назывался «Главным домом». Архитектурное решение его фасада характерно для эклектики. Плоскость стен по горизонтали членилась междуэтажными карнизами, а по вертикали – лопатками, соответствующими расположению капитальных стен. Украшали фасад ажурные металлические галереи на чугунных столбах, расположенные на уровне второго этажа по обеим сторонам проездной арки. Перед аркой галерея достигала третьего этажа, образуя ажурный портал над парадным въездом на территорию подворья. Фасад здания завершал парапет с ажурной чугунной решеткой, перекликавшейся с ограждением галерей.

В «Главном доме» существовали две парадные лестницы «со ступенями из русского мрамора на чугунных тетивах и колоннах», и черная – «со ступенями из дикого камня на сводах». В сводчатых подвалах находились кухни с «очагами кухонными», технические помещения и отапливаемые кладовые. На первом этаже со стороны улицы располагались магазины, контора подворья и меблированные комнаты, окна которых выходили во двор. На втором этаже («бель этаж») – большой ресторан с чугунным балконом, выходящим на Софийскую набережную, и 13 дорогих номеров, из которых четыре («при балконе», стоимостью по 10 рублей) выходили окнами на галерею. Эти номера занимали в совокупности 18 комнат, причем некоторые из них были двухуровневыми – имели «антресоли». Третий этаж занимали еще 59 номеров с окнами на двор и на улицу, самой разной стоимости – от 12 до 1 рубля. Здесь находился самый дорогой и репрезентативный центральный номер с трехчастным окном и балконом. Остановившийся в гостинице П.И. Чайковский писал об открывавшейся с балкона живописной панораме: «Как у меня хорошо... Я отворяю балкон и беспрестанно выхожу любоваться видом на Кремль!»...

В газетах сообщалось, что «помещения в Кокоревском доме, расположенном на берегу Москвы-реки против

Вид из Кремля на «Кокоревское подворье». Фото 1900-е г.

Кремля, отличаются простором, удобством и, главное, дешевизной...». Убранство номеров составляли «полы паркетные и дощатые дубовые...», оконные рамы и двери дубовые с зеркальными стеклами; подоконные доски русского мрамора, откосы искусственного мрамора, ... приборы медные». В некоторых номерах были установлены камины. Для удобства постояльцев в номерах существовали «железные шкапы для хранения ценных вещей и денег; для провизии – каменные шкапы». Всего в гостинице было 350 номеров, она могла с комфортом разместить 700 гостей. Быт постояльцев был отлично устроен – около каждого входа в гостиницу несли постоянное дежурство швейцары (для них даже отвели небольшие жилые покои). На каждом этаже любого корпуса гостиницы располагались по два буфета, в которых дежурила прислуга. 250 складских помещений, в том числе отапливаемых, охранялись ответственной артелью. На подворье имелись 20 магазинов «для торговли разного рода».

При строительстве комплекса применялись новейшие технические достижения того времени: «подземные водопроводные трубы и колодцы», оборудованные резервуары для воды на чердаках, «водокачная машина» в подвале, что дало возможность провести воду и устроить в гостинице отапливаемые ватерклозеты и «две ванны». В подвалах также были устроены камеры духового отопления и вентиляции. В складских корпусах работали паровые машины, с помощью которых механические подъемники доставляли товары на верхние этажи (это новшество стало известно в России после Нью-Йоркской международной выставки 1853 года, а спустя десять лет оно уже нашло применение в гостинице Кокорева).

Внутреннее убранство гостиницы выполнялось в «русском стиле». Само возникновение столь популярного в дальнейшем «русского стиля» связывают с именем Василия Александровича Кокорева. «В момент своего богатства он играл роль мецената, – писал биограф В.А. Кокорева. – Ему, строго говоря, обязан возникновением так на-

зываемый «русский стиль»... Кокорев усердно поощрял труды по этой части артистов и архитекторов, соорудив по новым идеям разные дома, громадную гостиницу в Москве («Кокоревское подворье») и свои дачи в Ушаках». Тема «русского» присутствовала и в жилых интерьерах гостиницы, и в оформлении ресторана – он задумывался как трактир с русской кухней. Да и название новой, европейски комфортной гостиницы выбрано традиционное – подворье, а устраивал ее владелец для постоя купцов и хранения товаров.

Поэтому неудивительно, что «Кокоревское подворье» пользовалось популярностью прежде всего у представителей купеческого сословия: к их услугам были и уже упомянутые складские помещения, и «артельщики для торговых услуг», и почтовые службы, и банковское отделение. Здесь нередко заключались разного рода сделки, а в близлежащую Софийскую церковь предприниматели ходили молиться за успех своего дела.

Широкие связи В.А. Кокорева в мире искусства сделали его гостиницу популярной и среди представителей русской культуры. В подворье нередко останавливались композиторы П.И. Чайковский и А.С. Аренский, художники И.Н. Крамской, В.И. Паленов, И.Е. Репин, В.В. Верещагин. В 1867 году Илья Репин отмечал в письмах, что «пребывает здесь с удовольствием», а Замоскворечье называл «лучшим местом города».

Упадок и возрождение

Со временем финансовые дела Василия Александровича Кокорева ухудшились, его долги стали расти, и он вынужден был продать уникальную гостиницу. В 1867–1874 годах «Кокоревское подворье» принадлежало Министерству финансов. При следующем владельце, купце А.И. Попове, гостиница была заложена в Московском городском кредитном обществе, в чью собственность вскоре и перешла. В 1882 году подворье приобрела княгиня Алек-

сандра Иосифовна Голицына. При ней на уровне второго этажа была перекрыта проездная арка Главного дома. По проекту архитектора С.А. Елагина часть арки планировалось застеклить и превратить в трехчастное полуциркулярное окно, но работы не были завершены. При новой хозяйке гостиничный комплекс пришел в упадок. В начале XX века он принадлежал уже потомственному почетному гражданину Алексею Васильевичу Швецову и назывался «Кокоревское складочное подворье А.В. Швецова».

Прежний размах «Кокоревскому подворью» вернул его следующий владелец – князь Николай Викторович Гагарин. Он провел масштабную реконструкцию комплекса: в 1912–1913 годах под наблюдением архитектора Ф.Л. Контрима осуществлялся капитальный ремонт гостиничных корпусов по Софийской набережной и Болотной улице, в них устанавливались лифты, а в «Главном доме» была выстроена новая галерея на столбах, примыкающая со стороны двора к восточному крылу здания. С этого времени гостиница получила название «Софийское подворье». 28 октября 1912 года газета «Утро России» писала: «Москва обогатилась новым роскошным отелем на Софийской набережной. Бывшее «Кокоревское подворье» перешло к новому владельцу, который не пожалел средств на ремонт этого старинного здания. Номера заново отделаны, поставлены подъемные машины, отведены помещения под приемную – роскошно обставленную, читальную и столовую. Всех номеров – около 400. Для удобства живущих приглашены хорошие повара и за недорогую плату отпускаются прекрасные обеды. С 1 января откроется при гостинице ресторан. Великолепный вид на Кремль, чистота, образцовая прислуга, недорогая расценка комнат – вот особенности этой новой гостиницы. При таких редких для Москвы качествах гостиница должна иметь большой успех как у приезжающих, так и москвичей».

После 1917 года часть комплекса отошла военному ведомству. В главном корпусе располагалось общежитие военнослужащих и делегатов Московского военного округа. В 1934 году по проекту архитекторов Масленникова и Лейбова здание было надстроено тремя этажами. В корпусе по Болотной улице существовало жилищное товарищество и проживало 650 человек. Здание использовалось как жилое до 1960-х годов, позже там разместились административные помещения. В настоящее время на «Кокоревском подворье» ведутся масштабные реставрационные работы: фасаду «Главного дома» возвращают чугунное кружево галерей и портал проездной арки, открываются заложённые в результате перестройки окна. Надстройку 1930-х годов, ставшую за последние восемьдесят лет привычным элементом здания, реставраторы скорректируют, изменив пропорции окон и добавив декоративные элементы, характерные для исторических этажей.

Статья подготовлена по материалам Пояснительной записки к Проекту реставрации, предоставленной Проектным бюро «АрКо».

«БОЯРСКИЙ ДВОР»:

СОЗДАВАЯ ЕЕ, ФЕДОР ШЕХТЕЛЬ ИСПОЛЬЗОВАЛ МНОГОЕ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СТИЛЯ

ИЗ АРСЕНАЛА МОДЕРНА, НО НИЧЕГО НЕ ОСТАВИЛ В ЧИСТОМ ВИДЕ

«Боярский двор» за Китайгородской стеной. Фото 1900-х гг.

В 1901–1903 годах Федор Осипович Шехтель выстроил по заказу Московского страхового от огня общества большое репрезентативное здание на Старой площади, за Китайгородской стеной. Первые три этажа сооружения и подвалы занимали торговые помещения, конторы и склады, как, например, представительства Богородско-Глуховской мануфактуры Морозовых, четвертый и пятый – гостиница «Боярский двор».

«Огромные размеры этой постройки невольно обращают на себя внимание красивым общим видом...»
«Зодчий», 1903 год, №36

Холм-подиум, на котором высится «Боярский двор», простор Старой площади у его подножья, создают ощущение некой отстраненности, «выделенности» здания. Незримые границы присутствуют и на фасадах – благодаря крупным светотеням, образованным выступами балконов, карнизов и рисунком лепнины.

Шехтель наделил экстерьер декором, в котором каждый элемент тщательно продуман и прорисован.

Растительные мотивы, геометрические формы, заимствования из классики, адресация – Шехтель использовал многое, но ничего не оставил в чистом виде, он переплавил старые формы, дав им новое звучание.

Весь архитектурный декор сразу рассмотреть невозможно из-за обилия элементов и активной светотени. Но вот солнце немного передвинулось, осветив другой фрагмент стены, – и проявилась «пенная волна», которой оформлены нижние части эркеров; эдакий намек на формы Венского сецессиона. Трехоконный балкон – намек на неопластицизм испанского модерна. Создается впечат-

ление, что архитектор, возможно, стремился избежать чистоты стиля и рафинированной стройности всех форм, получить своего рода диссонанс, в итоге приводящий к цельности образа.

По главному фасаду, под верхним карнизом, размещены девять маскарон в виде женских головок, акцентирующих попарно те пластические членения, где присутствуют балконы. Маскароны разные, кроме того, все они «смотрят» вверх, а один, крайний, завершающий торец северного крыла, – вниз. Такая несимметричность, как и совмещение в одной системе здания рационализма и

Угловой объем здания.
Фото: М. Федина

романтизма, придает архитектуре «Боярского двора» особую остроту. Присутствие рационализма хорошо видно, в частности, в вертикальной разбивке простенков, покрытых керамической плиткой серо-зеленого цвета.

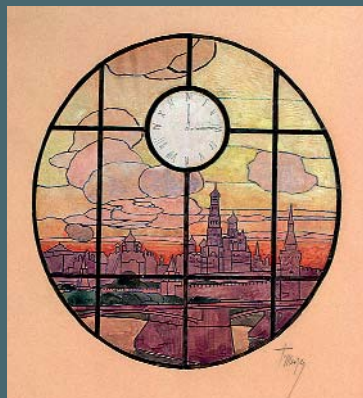
Главный фасад «Боярского двора» со вставками глазурированного серо-зеленого кирпича хорошо сочетается со скульптурной пластикой балконов и лепных оснований эркеров. Центральная композиционная часть с башенкой и фланкирующими ее эркерами акцентирует циркульный мягкий перелом здания, главный вход и несколько нивелирует протяженность фасада. Башенный объем на кровле плавно переходит по сторонам сначала в аттики, а затем в небольшие геометрические завершения каменного парапета скатной крыши над каждым простенком.

На фасадах, выходящих во двор, светло-зеленых вставок нет, стена песочного цвета раскрепована тонкими канавками на крупные неравномерные каменные элементы, поясами формирующие плоскость стены с крупными камнями над окнами. Дворовые фасады более сдержанны, но от этого не менее значительны.

Кроме центральной части активно обыгран угол-сочленение бокового и главного фасадов с крупным, но простым балконом. Балконная дверь оформлена так, как если бы это был главный вход. Его широкий портал словно целиком взят из римского папалатцо.

Трехчастная схема фасада, характерная для деловых зданий с этажами разного функционального назначения, на фасаде «Боярского двора» читается, но не имеет принципиальной важности, так как мастерски найденная цельность строения не дает ни одной части выйти на первый план.

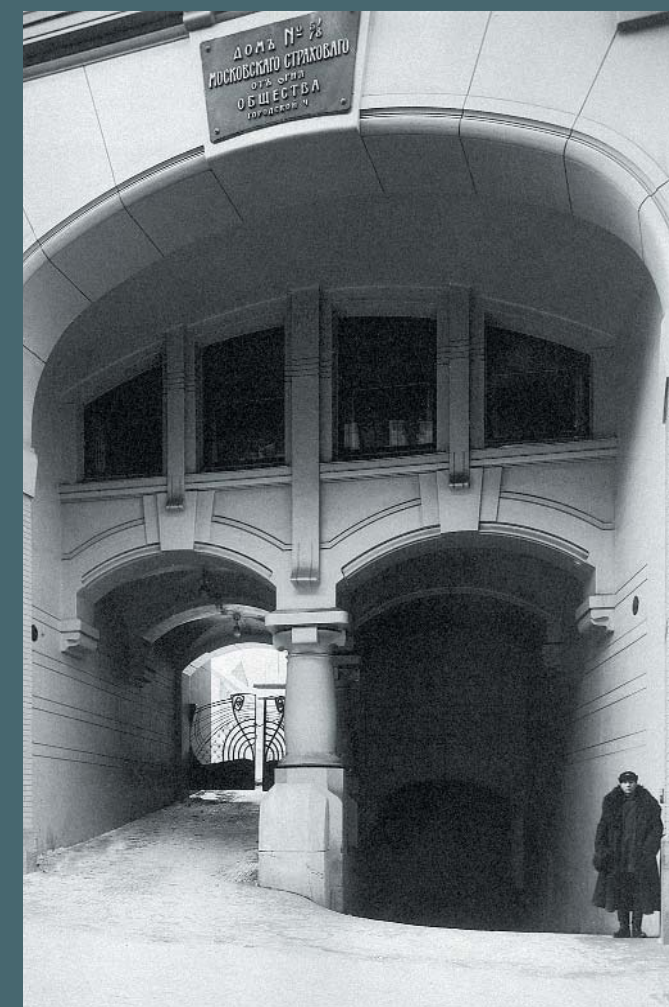
Эскиз витража «Московский кремль» работы Ф.О. Шехтеля

Главный вестибюль комплекса «Боярский двор». Фото 1900-х гг.

Вход в дворовой корпус. Фото 1900-х гг.

Проездные арки бокового фасада. Фото 1900-х гг.

«Под двумя верхними дворами, образующимися внутри здания, имеется еще третий нижний двор со въездом с Грузинского пер.; в нижний двор прямо въезжают подводы с товарами». «Новости дня», 1903, 24 сентября.

Потолок въездной арки южного крыла поразителен. Тонкие геометрические тяги-ребенки расходятся от центрального квадрата-украшения, расположенного в центре потолка к входу и выходу арочного коридора. Их подхватывают горизонтальные членения стен. За редким исключением можно наблюдать это явление – украшение арочного прохода первого этажа. Как правило, арочные проезды остаются не оформленными художественным декором. Ворота-ограда, закрывающие въезд в арку, были выполнены в стиле модерн и сохранились до наших дней.

По принципу «матрешка в матрешке» спроектирована проездная арка бокового фасада со стороны Никитникова (во времена Шехтеля он назывался

Грузинским) переулком. За единой фасадной плавной дугой открывается аркада с «замковыми» камнями, обгравливающая въезды во двор и подвальный этаж. Короткие небольшие колонны на крупных постаментах с округлыми базами, «зубастыми» капителями и скругленными окошками, акцентированные лопатками напоминают въезды в железнодорожное депо.

«Главный вестибюль дома обращает внимание своим простором, высотой, совершенно необычными размерами; он весь облицован коричневыми глазурованными плитками и украшен цветным стеклом, изображающим Кремль при заходе солнца. Лестницы сделаны из эстляндского мрамора; масса бронзы; оригинальная электрическая арматура и бра, рисунками которых вообще славится Шехтель».

«Новости дня», 1903 год, 24 сентября

Шехтель абсолютно точно воплотил продиктованные заказчиками

проекта функции здания и интересно обыграл их. Первый этаж с полукруглыми крупными окнами, имеющий по фасадам двойную высоту, в интерьере представлял собой двухсветное пространство. Длинная узкая галерея-зал проходила вдоль этих окон, а за ней вглубь помещения на тонких колонках поднималась антресоли, куда вела небольшая винтовая деревянная лестница. Высокий потолок оформляли геометричные и арочные несущие балки, с нижней кромки галереи-антресоли свешивались задуманные архитектором светильники-«капельки» на металлических тросах. Над галереей шли светильники другой формы, отделанные металлическими поясками, отсылающие к ардеко. Ограждение балюстрады антресоли – настоящий модерн, оно тонкое и элегантное. Таким образом, было спроектировано здание в здании: на верхнем уровне – административные помещения с деревянными шкапами вдоль всей задней стены;

на нижнем – торговые со стойками-витринами между колон антресоли и торговым залом для посетителей. От этой задумки архитектора сегодня уже ничего не осталось. Один двухсветный этаж превратили в два, подогнав перекрытия к окнам.

«Из московских гостиниц лучшими считаются... «Боярский двор» на Старой площади». «Иллюстрированный путеводитель по Москве на 1915 год», издание Б.Л. Добровольского.

На этажи можно было попасть из вестибюля в лифте или подняться по лестнице. Лифт в металлических нитках-направляющих ажурного «стакана» выглядел почти невесомым. Нижняя часть стен выложена темной глазурованной мелкой плиткой в разбежку, а верхняя – отделана светлыми крупными плитами мрамора. Верхняя точка главной, входной, арки оканчивалась орнаментальной свернутой гипсовой розеткой с монограммой «МСО» – Московское

страховое от огня общество. От нее отходил широкий фриз-карниз, обхватывая по периметру все помещение. Шехтель использовал в «Боярском дворе» тот же прием, что и в особняке Рябушинского, – украсил лестницу раскидистой люстрой-«деревом», «вырастающим» из светлого постамента-тумбы. Напротив входа над промежуточной площадкой – огромное круглое окно с витражом.

На каждом гостиничном этаже размещалось до 60 номеров, нарезанных по всей длине здания, влево и вправо от главной лестницы. Планировка этажа была демократична, универсальна и проста. Поэтому так легко в дальнейшем осуществилась функциональная переориентация помещений. Мелкий кратный модуль номеров и коридоры-коммуникации позволили потом разместить офисные помещения, причем с возможностью объединения нескольких ячеек в одно пространство, так как перегородки даже у самого небольшого номера

ориентировались точно в створ простенка или импоста на фасаде. Более того, небольшая ширина корпуса, равномерно рассредоточенные лестничные блоки и незначительное количество внутренних опор (в южном крыле их четыре, а в северном – шесть) допускали возможность создания полностью свободного пространства этажа.

После революции «Боярский двор» перестал функционировать как гостиница. В настоящее время здесь размещаются подразделения Администрации Президента страны.

Федор Шехтель попытался «собрать» в здании «Боярского двора» все лучшие составляющие стиля модерн – как в летописи, как в архитектурной энциклопедии в камне. Модерн здесь – стиль-призрак: вот он только что был, и вот его уже нет. Но он – «Синяя птица», которую хочет подержать в руках любой архитектор.

Реклама Страхового товарищества «Саламандра»

Слева: фрагмент фасада отеля «Савой». Современное фото.
Внизу: «Савой» и здание ресторана «Альпийская роза». Архивное фото

Текст: Анна Белова

Гостеприимство по-«САВОЙ»ски

ВОТ УЖЕ БОЛЬШЕ СТА ЛЕТ ОКАЗЫВАЕТ ОДИН ИЗ ТРЕХ СТАРЕЙШИХ ОТЕЛЕЙ СТОЛИЦЫ

Неоклассическое здание отеля «Савой», построенного незадолго до революции, пережило и ее, и годы советской власти – во многом благодаря тому, что оказалось в ведении «Интуриста».

«Саламандра» у «Альпийской розы»

С конца XIX века в московском гостиничном деле наметилась тенденция – приобретающие вес в финансово-деловом мире страховые общества начинают скупать расположенные в

центре города дома и особняки, чтобы обустроить в них меблированные комнаты, гостиницы и так далее. Например, Страховому обществу «Россия» принадлежали меблированные комнаты «Империаль» и «Кавказ»; Страховое домовладельческое общество владело меблированными комнатами

Панорама Пушечной улицы с д. № 6 – отель «Савой»; д. 4, стр. 2 – Дом учителя (ресторан «Альпийская роза»); д. 4, стр. 1 – Творческий союз цирковых деятелей России (гостиница «Альпийская роза»)

«Родина»; С.-Петербургское страховое общество было собственником гостиницы «Метрополь», Российское общество страхования капиталов и расходов в конце построило здание гостиницы «Петергоф».

В 1909 году Страховое общество «Саламандра», старейший российский страховщик от огня, с большой для себя выгодой приобрело у княгини Ольги Александровны Туркестановой за 247 тысяч 250 рублей здание на углу

Софийки (современная Пушечная) и Рождественки. «...Правление, воспользовавшись удобным случаем, приобрело угловое место в одной из лучших частей Москвы вблизи от ныне находящейся в нанимаемом помещении конторы Товарищества. Это давнее намерение правления, вызванное необходимостью иметь собственный, хотя и небольшой дом для конторы, обслуживающей кроме самой Москвы еще 8 губерний, до сих пор не

могло быть осуществлено за неимением в центре Москвы сравнительно недорогих имуществ», – докладывало правление Общества своим пайщикам.

Одно из старейших российских страхований от огня обществ было учреждено в 1846 году в Санкт-Петербурге. Со временем так называемыми страховыми досками с изображением саламандры и девиза Общества: «Горю и не стораю» – были отмечены

очень многие московские дома. А по соседству с новым приобретением «Саламандры», на Софийке, в доходных владениях все той же княгини Туркестановой, размещались гостиница и ресторан «Альпийская роза». Ресторан «Альпенрозе» с «вечерним баром» открылся еще в 1870-х. Неподалеку располагался Немецкий клуб, поэтому завсегдатаями заведения, где подавали выписанное из знаменитого Кульмбаха пиво, были московские

Ресторан отеля «Савой».
Архивное фото плафона ресторана

немцы. Вечером, после спектаклей, как правило, заходили артисты Большого и Малого театров. Публика среднего достатка и учащаяся молодежь любили встречать здесь Новый год. В 1898 году название «Альпенрозе» превратилось в более удобную для произношения русской публикой «Альпийскую розу». В 1901–1902 годах Анатолий Александрович Остроградский, малоизвестный сейчас архитектор московского модерна,

занимался перестройкой здания. К 1910 году владельцем «Альпийских» гостиницы и ресторана становится Александр Александрович Михайлов, московский купец первой гильдии. «Для содержания принадлежащей А.А. Михайлову гостиницы «Альпийская роза» с рестораном в г. Москве, а равно для устройства и содержания гостиниц, ресторанов, кофеен и тому подобных предприятий трактирного промысла, как в городе

Бар «Эрмитаж» в отеле. Современное фото

Москве и в Московском уезде, так и в других городах Империи, а также для торговли русскими и иностранными товарами, учреждается акционерное общество под названием «Акционерное общество гостиницы, ресторана и виноторговли «Альпийская роза» в Москве». (Выдержка из устава Общества).

Страховое общество «Саламандра» хотело устроить в своем новом здании гостиницу с кафе. Есть версия, что акционерное общество «Альпийская роза» стало арендатором этих заведений. И что название нового отеля – «Савой» – придумано именно в «Альпийской розе» по аналогии с Савойскими Альпами. Хотя думается, что гостиница была названа в честь роскошного лондонского «Савоя».

Скидка для участников Всероссийского съезда зодчих

Так или иначе, в 1911 году архитектор Виктор Андреевич Величкин приступает к перестройке – в нео-

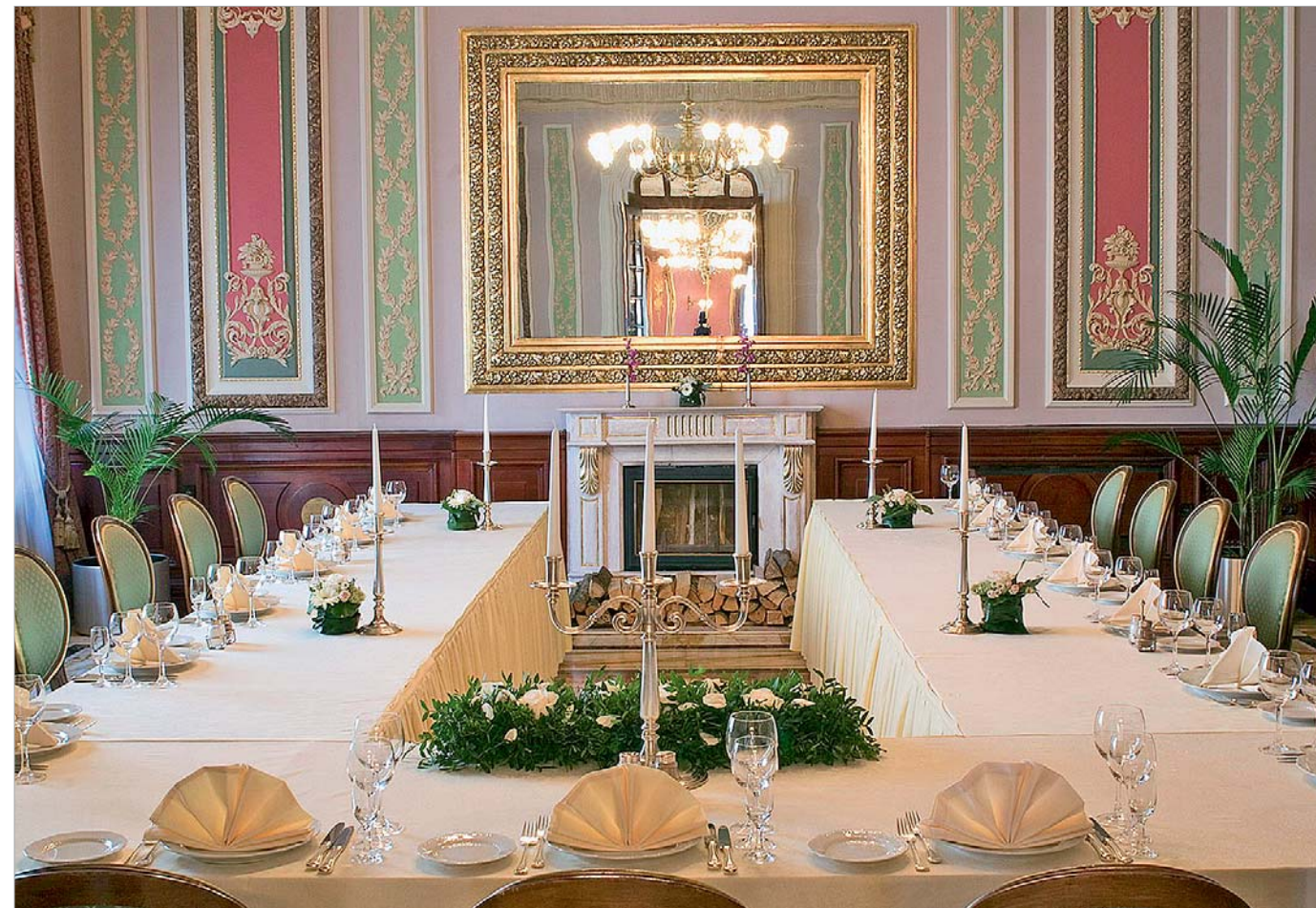
классическом духе – здания «Саламандры». Угловой объем был оформлен полуротондой с ионическими колоннами, на уровне второго этажа завершающейся балконом. Гранит для облицовки фасадов поставляла фирма Матвея Иоганновича (Ивановича) Сарари. (Финская фамилия владельца фирмы позволяет предположить, что гранит тот поставлял с родины).

В гостиничном кафе царила роскошь. Его интерьер создавал «архитектор-художник» Павел Павлович Висневский, петербуржец, принимавший участие в восстановлении после пожара 1901 года гостиницы «Метрополь» и вскоре за этим переселившийся в Москву. В Первопрестольной Висневский открыл собственную строительную контору, где в проектно-строительном отделе работали братья Веснины.

Акцент в оформлении зала кафе был сделан на потолок, где зеркала неправильной формы сочетались с живописными вставками, выполненными известнейшим декоратором того времени Августом Августовичем

Томашки. Скульптурные работы выполняла не менее известная фирма «В.Л. Gladkov и В.А. Kozlov».

Висневский же (при участии Александра Александровича Веснина) перестроил и оформил интерьеры в ресторане «Альпийская роза», вторившем по красоте отделки кафе «Савоя». «Можно сказать, что перестроенное помещение может считаться по обширности и красоте своей отделки одним из лучших существующих до сих пор ресторанов. Чудная бледно-палевая с золотыми блесками окраска зала придает ему величественный и уютный вид. Интересны и красивы люстры и бра стиля Версальского дворца, исполненные фирмой А. Шнейдера. Это, кажется, первые люстры в ресторане, которые не носят характерного типа ресторанного освещения. Эти живописно развешанные хрустальные украшения невольно привлекают взор посетителей и заставляют радоваться за Москву, что с таким тонким европейским вкусом связаны не только эти люстры, а также и вся остальная арматура ресторана», – чита-

Банкетный зал отеля. Современное фото

ем у Гиляровского. Восхищение новым рестораном и привычка его посещать были у москвичей столь сильны, что в дальнейшем кафе «Савоя» часто станут называть «новым залом» «Альпийской розы».

Обновленный роскошный ресторан «Альпийская роза» открылся 13 февраля 1913 года. А 30 марта того же года в гостинице «Савой» – 130 номеров с телефонами, «несгораемыми шкафами», ваннами на каждые две комнаты – появились первые гости, тридцать пять иностранцев из Санкт-Петербурга и провинции. В июне этого же года в гостинице останавливалась княгиня Туркестанова.

Основной контингент клиентов «Савоя» составляли купцы, банкиры, предприниматели. В декабре 1913 года в Москве проходил V Всероссийский съезд зодчих, и гостиница предоставляла для ее участников скидку – десять процентов. Интересно, как в истории отеля оказалось запечатлено имя забытого ныне Георгия Крескентьевича Лукомского. Выпускник Императорской Академии худо-

жеств, искусствовед, автор статей в журналах «Старые годы», «Столица и усадьба», «Зодчий» и трудов по архитектуре русских городов, прибывший на съезд из Санкт-Петербурга, оставившись в «Савое».

В 1914 году в «Савое» был открыт зал синемаатографа. Периодически в нем выступали артисты кабаре «Богема» и гастролирующие артисты.

От Наркомата иностранных дел до «Интуриста»

Революция перевернула жизнь роскошных московских гостиниц. В «Национальной», переименованной в революционном духе в «Националь», в 1918 году разместились переехавшее в Москву Советское правительство. Ленин, Крупская, Дзержинский, Троцкий, Свердлов жили в номерах с уникальной художественной отделкой. Затем гостиница станет 1-м Домом Советов. «Метрополь», поврежденный артиллерийскими снарядами, которыми обстреливали засевший в гостинице отряд юнкеров, превратится

во 2-й Дом Советов. В «Лоскутной» весной 1918-го «вишневый бархат драпировок сразу пошел на самодельные знамена» для штаба, возглавляемого Ларисой Рейснер и матросом Железняком. Гостиница «Петергоф» отводится под 4-й Дом Советов. «Савой» отдали гостевому дому и общезнанию Народного комиссариата по иностранным делам, одного из первых комиссариатов, учрежденных новой, советской властью в 1917 году.

О состоянии «Савоя» в те годы остались свидетельства в воспоминаниях, посвященных Айседоре Дункан. Танцовщица приехала в Москву 24 июля 1921 года. В «частично даже разрушенном» номере, в который она вместе с двумя спутницами поселилась, была кровать без простыней и подушек, единственный стул, маленькая кушетка, мухи, клопы и крысы. В «обеденном зале», за стоящим в центре комнаты большим столом, сидело с дюжину чумазных, немых мужчин». Они «были в шляпах и пальто и, громко глотая, хлебали из железных мисок темный, грязновато-

го вида суп, заедая его огромными ломтями черного хлеба»...

Ресторан «Альпийская роза» после революции заняли разные советские учреждения. Так, в 1920-е в нем размещались Московский губернаторский профсоюз текстильщиков и Московский продовольственный комитет.

В 1924 году возобновилось прерванное в революцию издание справочника «Вся Москва». НЭП, сменивший политику военного коммунизма, уже прочно вступил в свои права, и в разделе «Гостиницы» можно увидеть 55 наименований заведений, среди которых – и «Савой». Правда, «Националь», «Метрополь» и «Петергоф» попрежнему остались за Домами Советов.

С 1927-го «Савой», как и многие другие «государственные» гостиницы (а были еще «кооперативные» и частные), подчиняется Управлению Московскими гостиницами при Моссовете. Гостей в нем развлекает модный джаз-банд «Московские мальчишки». Любопытно, что все в той же «Всей Москве» 1928 года отмечен разряд гостиниц – первый, второй, третий. А «Савой» значит как отель «вне разряда».

В 1930 году «Савой» вместе с «Националем» и «Метрополем» переходит под эгиду Всесоюзного акционерного общества «Отель», которое в 1933-м объединилось с государственным акционерным обществом по иностранному туризму в СССР «Интурист». В «интуристовских» гостиницах и ресторанах начали приводить в должный порядок интерьеры и оборудование. В «Савое» работает не только ресторан, но и бар, и парикмахерская.

23 июня 1935 года писатель Ромен Роллан приезжает в СССР, чтобы познакомиться с советской действительностью. В Москве его селят в «Савой». В гостинице также подолгу живет французский писатель-коммунист Анри Барбюс, большой друг Страны Советов. Здесь он работает над своими произведениями, отсюда в августе 1935 года его увезут в кремлевскую больницу, где он скончается от воспаления легких.

«Нам дали комнату на втором этаже «Савоя»

В 1947 году американский прозаик Джон Стейнбек вместе с фоторепор-

тером Робертом Капа совершил поездку по городам СССР. В написанном после «Русском дневнике» немало места уделено и «Савою», описанному с изрядной долей юмора.

«Савой» так же, как и «Метрополь», предназначен для иностранцев. Люди, живущие в «Метрополе», считают, что «Савой» лучше, что там лучше еда и обслуживание. С другой стороны, те, кто живет в «Савое», уверены, что еда и обслуживание лучше в «Метрополе». Это длится уже годами.

Нам дали комнату на втором этаже «Савоя». Мы поднялись по мраморной лестнице, уставленной статуями; больше всего нам нравился бюст Грациэллы, знаменитой красавицы, которая приехала с Наполеоном. На ней были платье в стиле ампир и большая шляпа, но скульптор, вероятно, ошибся и высек имя не Грациэллы, а Кразиэллы. Для нас она стала CrazyElla. На лестнице, на самом верху, стояло огромное чучело русского медведя в угрожающей позе. Но какой-то робкий посетитель оборвал когти на передних лапах, поэтому медведь напал без когтей. В полутьме верхнего зала от него постоянно шарахались новые клиенты «Савоя».

У нас была большая комната. Позже мы узнали, что этот номер был предметом зависти для людей, которые жили в других номерах «Савоя». Потолок – двадцать футов высотой. Стены покрашены в скорбный темно-зеленый цвет. В комнате был альков для кроватей с задергивающейся занавеской. Украшением комнаты были гарнитур, состоящий из дивана, зеркала, шкафа мореного дуба, и большая картина до самого потолка. Эта картина внедрилась со временем в наши сны. Если ее вообще можно описать, то, наверное, так: в нижней и центральной части картины был нарисован акробат, лежащий на животике с согнутыми колесом ногами. Две одинаковые кошки выскальзывают у акробата из-под рук. У него на спине лежат два зеленых крокодила, и у них на голове явно ненормальная обезьяна в царской короне и с крыльями летучей мыши. Эта обезьяна, у которой длинные мускулистые руки, че-

рез отверстия в крыльях держит за рога двух козлов с рыбьими хвостами. У этих козлов – нагрудники, которые оканчиваются рогом, протыкающим двух агрессивных рыб. Мы не поняли этой картины. Мы не поняли – ни о чем она, ни почему ее повесили в нашем гостиничном номере. Но мы стали думать о ней. И, конечно же, ночью нам стали сниться кошмары.

Три больших двойных окна выходили на улицу... Наша ванная, а мы прославились по всей Москве, обладая собственной ванной, имела ряд особенностей. Войти в нее было не так-то просто – нельзя было открыть дверь и зайти, потому что на пути двери стояла ванна. Кому нужно было в ванную, делал шаг внутрь, заходил за раковину, закрывал дверь и только потом имел возможность двигаться по ванной комнате. Ванна неустойчиво стояла на ножках, и, если, сидя в ней, сделать неловкое движение, она подпрыгивала, и вода лилась на пол. Ванна была старой, может, даже до-революционной, эмаль на дне содрана, и поверхность стала, как наждак...

Когда мы зарегистрировались в гостинице «Савой», нам выдали талоны на питание, по три на день – на завтрак, на обед и ужин. Пользуясь этими талонами, мы вполне нормально питались в гостиничном ресторане.

В 1958 году «Савой» был переименован в «Берлин» – в честь столицы дружественной Советскому Союзу ГДР. К слову, до революции, на Рождественке, практически по соседству, в доме 12, существовал отель «Берлин», который содержали немцы. В 1987–1989 годах в «Савое» – «Берлине» прошла реставрация, после которой ему вернули не только исторические фасады и интерьеры, но и имя. В 2004 гостиницу еще раз закрыли на реконструкцию, чтобы модернизировать в соответствии с международными стандартами. Сегодня старинный «Савой», расположенный по адресу: улица Рождественка, дом 3/6 – пятизвездочный отель Savoy.

Гостиница «Метрополь» – одно из самых известных зданий Москвы. Для большинства москвичей она – архитектурное воплощение стиля модерн, символ респектабельности, успеха, благополучия, стабильности. Между тем ее бурная история – скорее драма, чтобы не сказать трагедия. Свидетельство тому – керамические (майоликовые) надписи на фасадах.

МАГИЧЕСКАЯ ДВОЙКА:

ДВЕ МАЙОЛИКОВЫЕ НАДПИСИ НА ФАСАДАХ, ДВА ХУДОЖНИКА, ДВЕ

ПРИНЦЕССЫ ГРЁЗЫ», ДВА ГЕНИЯ – ТВОРЧЕСКИЙ И КОММЕРЧЕСКИЙ

АКТ ПЕРВЫЙ: ШЕДЕВР ЗА ДОЛГИ

Опять старая истина, когда выстроишь дом, то замечаешь, что научился кое-чему.

Фридрих Ницше

Первоначально здание опоясывала такая майоликовая надпись, от которой сейчас сохранился лишь фрагмент. У полной цитаты есть важное для нашей истории продолжение: «...научился кое-чему, что непременно следовало знать, прежде чем начинать постройку».

Так «что непременно следовало знать («...владельцу – промышленнику и меценату Савве Мамонтову и научила ли «кое-чему» драматическая история строительства его детища?»

Стройка затевалась необычная. В 1890-е годы, выкупив построенную в начале 1830-х по проекту Осипа Бове гостиницу с банями у купца Чельшева (построенную по проекту Осипа Бове), Мамонтов задумал нечто необычное. Проект предусматривал создание гостиницы не только с ресторанами, но и театром, галереями, помещениями для занятий спортом.

В 1899 году началось строительство (по проекту архит. Вильяма Валькота), закончить которое Мамонтов не смог. В том же году его арестовали, обвинив в крупных растратах казенных денег. Обстоятельства дела уже не так важны: известно, что Савва Мамонтов, проведя полгода в тюрьме, был полностью оправдан. Но и полностью разорен: за долги ушел в том числе строящийся «Метрополь».

Газеты захлебывались от негодования, но вскоре стали проскальзывать нотки сочувствия. «Биржевые ведомости» 14 февраля 1902 года сообщали: «Итак, делу Мамонтова наступил конец – факт, которому ввиду существенного влияния, оказанного этим делом на нашу торгово-промышленную жизнь, нельзя не порадоваться. Вместе с тем, однако, не наводит ли известие из Москвы на грустные мысли, не бросается ли в глаза странное несоответствие спокойного, основанного на взаимных уступках финала «мамонтовской эпопеи» с той шумихой, которая была поднята при ее возникновении?»

Мнение известных людей было определено в пользу обвиняемого. А.М. Горький писал А.П. Чехову осенью 1900 года: «Видал я Мамонтова – оригинальная фигура! Мне совсем не кажется, что он жулик по существу своему, а просто он слишком любит красивое и в любви своей – увлекся».

Безоговорочной была поддержка членов «мамонтовского кружка», которые уверяли Савву Ивановича: «Все мы в эти тяжелые дни твоей невзгоды хотим хоть чем-нибудь выразить тебе наше участие... Молим Бога, чтобы он помог тебе перенести дни скорби и испытаний и возвратиться скорей к новой жизни, к новой деятельности добра и блага. Обнимаем тебя крепко. Твои друзья: Виктор Васнецов, Василий Поленов, И. Репин, М. Антокольский, Н. Неврев, В. Суриков, Ап. Васнецов, Илья Остроухов, Валентин Серов, Н. Кузнецов, М. Врубель, А. Киселев, К. Коровин».

Постройка «Метрополя» переходит к С.-Петербургскому страховому обществу. К строительству привлекают архитектора Льва Кекушева, во многом меняющего проект Валькота. В 1901 году стройка вновь остановилась: пожар уничтожил интерьеры. Правда, стены уцелели, а интерьеры, в создании которых участвовали лучшие архитекторы (А.Э. Эрихсон, В.А. Веснин, И.В. Жолтовский, возможно, Ф.О. Шехтель) и художники (В.М. Васнецов, К.А. Коровин), были восстановлены.

Сразу после открытия в 1905 году «Метрополь» с его четырьмя сотнями номеров, не повторяющих друг друга, с уникальным даже для Москвы уровнем комфорта (горячая вода, холодильники) станет одним из самых модных мест города. Первопрестольная получит здание, громко заявляющее о изысканном художественном вкусе его обитателей и их принятии нового искусства.

АКТ ВТОРОЙ: СПАСИТЕЛЬНАЯ МАЙОЛИКА

*Твою действительность не может омрачить
Действительность с тоскливой серой прозой...
Эдмон Ростан, «La Princesse lointaine»*

Скандалная история лишь на время отлучила Савву Мамонтова от строительства «Метрополя». Разоренный, хотя и оправданный, он триумфально выступил на

Всемирной выставке 1900 года в Париже, где весь русский отдел, и особенно изделия абрамцевских столярной и гончарной мастерских, созданных Саввой Мамонтовым, вызвали огромный интерес. Этот успех обеспечило участие К.А. Коровина, А.Я. Головина, М.А. Врубеля.

Мамонтов «поставил» на майолику, на продолжение работы созданной им абрамцевской мастерской, на соратников и сохранивших верность друзей – и не проиграл. Он вернулся к строительству «Метрополя», но в ином качестве – как подрядчик, получивший заказы на майоликовые декоры здания.

Впервые керамические изделия абрамцевских мастерских были оценены на Всероссийской промышленно-художественной выставке 1896 года в Нижнем Новгороде. Далее были знаменитые художественные выставки Московского Товарищества художников, выставки, организованные С.П. Дягилевым («Русских и финляндских художников», 1898; «Мира искусства», 1899), и, наконец, Всемирная выставка в Париже в 1900 году.

Майоликовые панно украсили «Метрополь» (1900–1902), сделав здание неповторимым и запоминающимся. В самом центре – ключевая майоликовая композиция, исполненная по картине Михаила Врубеля, написанной на сюжет «La Princesse lointaine» (драмы в стихах Эдмона Ростана в русском переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник, названной «Принцесса Грёза»). По общему мнению, это самое известное панно Москвы.

Вверху: живописное панно «Принцесса Грёза», написанное для Всероссийской промышленной выставки в Нижнем Новгороде. Михаил Врубель. 1896 г.
Ниж: керамическое панно (майолика) «Купание наяд», выполненное по эскизам А.Я. Головина

Вверху: керамическое панно (майолика) «Принцесса Грёза», выполненное по эскизам Михаила Врубеля
Ниж: керамическое панно (майолика) «Клеопатра», выполненное по эскизам А.Я. Головина

Предыстория его появления на стенах «Метрополя» не была простой. Два декоративных панно, «Принцесса Грёза» и «Микула Селянинович», сюжеты для которых выбрал сам Врубель, были заказаны С.И. Мамонтовым для украшения павильона на Всероссийской выставке

1896 года в Нижнем Новгороде. Вопрос решался на высшем уровне, его согласовывали с министром финансов С.Ю. Витте. Сын Мамонтова – Всеволод Саввич вспоминал: «В 1896 году была устроена в Нижнем Новгороде Всероссийская художественно-промышленная выставка.

К организации этой огромной выставки был привлечен мой отец. По его желанию Общество Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, во главе которого работал отец, устроило особый павильон, названный «Крайний Север».

Увидев в Художественном отделе выставки два свободных больших места, которые бросались в глаза посетителям как какие-то пустыри, отец решил воспользоваться этими пустырями. Для этого он уговорил Врубеля написать два огромных панно на сюжет по выбору

Слева: керамическое панно (майолика) «Поклонение божеству», выполненное по эскизам А.Я. Головина
 Ниже: керамическое панно (майолика) «Поклонение старине», выполненное по эскизам А.Я. Головина
 Справа: керамическое панно (майолика) «Полдень», выполненное по эскизам А.Я. Головина

последнего. Врубель увлекся и серьезно принялся за работу. Пользуясь большим сараем при гончарной мастерской отца, он создал нужные панно. Писал он их, разостлав холст на полу сарая. Работал Врубель не покладая рук, и ко дню открытия выставки оба панно – «Принцесса Грёза» и «Микула Селянинович» – были на местах».

Правда, работы Врубеля не одобрила Императорская академия художеств, и практически в пик ей Савва Иванович приобрел оба панно, думая экспонировать их в особом павильоне. Он просит о помощи художников В.Д. Поленова и К.А. Коровина, которые уже работали под наблюдением Врубеля. По этому поводу Поленов писал Н.В. Поленовой из Нижнего Новгорода 4 июня 1896 года: «Савва и Константин (Коровин – С.И. Баранова) упростили меня взять на себя окончание врубелевских панно. Они так талантливы и интересны, что я не мог устоять».

Получив ответ Поленова, Мамонтов тотчас отписал: «Ты не знаешь, дорогой Василий Дмитриевич, как благодатно подействовало на меня твое письмо, написанное мне перед отъездом из Нижнего! Ты воскрес для меня, в тебе сказался большой художник с той шириной и тем святым огнем, которые делают людей счастливыми и ставят их неизмеримо выше ординара. Стары мы становимся, то там, то здесь болит, но мы не должны забывать, что вся мелочность жизни, пересуды, дрязги и всякие личные счеты ничтожны перед святым искусством и что ему надо служить до конца дней с восторгом и радостью». Тут же последовала и ответная телеграмма Врубеля: «Польщен мнением Василия Дмитриевича о работе и тронут его великодушными предложениями, согласен».

Для огромных по размеру панно («Принцесса Грёза» – 94 кв. м, вес – 300 кг!) на выставке построили особый деревянный павильон с надписью «Панно Врубеля» на крыше.

Скорее всего, после показа панно на Нижегородской выставке у С.И. Мамонтова и родилась идея переноса живописного оригинала на фасад аттика гостиницы в керамике.

Изготовление керамических сюжетных панно для фасадов шло с конца 1900 года, но уже не в Абрамцево. К этому времени, как вспоминает В.М. Васнецов, Мамонтов «... в силу обстоятельств ... занялся главным образом керамикой, которая его и ранее привлекала. Керамическую мастерскую из Абрамцева, где она была ранее, он перевел в Москву, на Бутырки, и назвал «Абрамцево». И здесь с ним работали такие могучие таланты, как Врубель, Серов, Коровин, Аполлинарий Васнецов, Головин и другие. Врубель дал особенно много изумительно красивых полив. Их радужные переливы цвета и блески дают большую радость художественному глазу. Сам Савва Иванович не был в тесном специальном смысле художник, певец, или актер, или скульптор, хотя лепил много, и

очень удачно, и интересно, а была в нем какая-то электрическая струя, зажигающая энергию окружающих. Бог дал ему особый талант возбуждать творчество других».

Начали с «Принцессы Грёзы». Как предполагает известный исследователь архитектуры Москвы эпохи модерна М.В. Нащокина, «ее перевод в керамику, скорее всего, осуществлял молодой художник С. Чехогин». Кстати, он же изготовил надпись с текстом из Ницше, появившуюся на здании после пожара.

Из 25 украшающих ныне здание керамических сюжетных панно семь больших («Жажда», «Поклонение божеству», «Поклонение природе», «Жизнь», «Полдень», «Поклонение старине», «Орфей играет») выполнены по эскизам А.Я. Головина, угадавшего «абрамцевский» почерк и следовавший ему в исполнении. Последнее панно, как считает М.В. Нащокина, пострадало при пожаре 1901 года и было заменено композицией «Поклонение природе»,

автор которой пока неизвестен. По эскизам Головина были выполнены еще 16 малых панно. Единство основных панно и общей декорации поддерживали менее крупные, но многочисленные декоративные элементы.

Благодаря керамике «Метрополя» художественно-гонимый завод «Абрамцево» приобрел известность. Хотя эта первая работа по-прежнему остается наиболее значимой, среди абрамцевских адресов – многие доходные дома, храмы, богадельня. На Абрамцевском заводе изготовлен по рисункам В.М. Васнецова керамический фриз для нового фасада Третьяковской галереи, для отделки фасада Московского Художественного театра (арх. Ф.О. Шехтель, при участии И.А. Фомина). Плюс великолепный декор здания Ярославского вокзала (арх. Ф.О. Шехтель, 1902–1904).

Правда, все это не обогатило Мамонтова. Он продолжал жить в скромном доме у Бутырской заставы, принимая преданных друзей. Умер в 1918 году и был похоронен в любимом Абрамцево.

АКТ ТРЕТИЙ: БОИ ЗА «МЕТРОПОЛЬ»

Только диктатура пролетариата в состоянии освободить человечество от гнета капитала.

В. Ленин

Эта вторая майоликовая надпись – свидетельство событий новой эпохи. Она прекрасно сохранилась на фасаде,

выходящем в сторону Театральной площади (бывшая Революции). Ее появление неслучайно: «Метрополь» не утратил своего значения и репутации в революционное время; он отстоял их в боях – в прямом и переносном смысле.

25 октября (7 ноября) – 2 (15) ноября 1917 года отряды юнкеров заняли гостиницу и отстреливались от большевиков в течение шести дней. Лишь штурм с использованием артиллерии, которым руководил М.В. Фрунзе, заставил юнкеров покинуть здание.

Пострадавший в ходе боев «Метрополь» довольно быстро привели в порядок, и вскоре он стал одной из основных резиденций советской власти.

Известно, что подобной резиденцией была еще одна, стоявшая неподалеку гостиница, – «Националь». Так в Москве появились «Первый Дом Советов» («Националь») и «Второй Дом Советов» («Метрополь»). Его рестораны использовали для заседаний ВЦИК, в номерах жили Георгий Чичерин, Николай Бухарин, Владимир Антонов-Овсеенко и др.

В конце 1920-х годов «Метрополь» вновь стали использовать по назначению (простое перечисление имен знаменитых постояльцев займет не одну страницу). В 1986 году началась реставрация и реконструкция гостиницы, в ходе которой многим деталям декора здания вернули первоначальный облик. 5 декабря 1991 года гостиница открылась вновь.

ЭПИЛОГ: ДВЕ «ПРИНЦЕССЫ ГРЁЗЫ»

...Этакое колоссальное художественное чутье.

Исаак Левитан о Савве Морозове

Возникшей благодаря Мамонтову керамической версии «Принцессы Грёзы» уже более столетия любителю каждый москвич и столь же обязательно – любой путешественник. Это большая удача и для города, и для искусства XX века – ведь «оригинал», живописное панно с Нижегородской выставки, оказался сокрыт более чем на столетие.

После завершения выставки панно перевезли в Мамонтовскую оперу, и в 1917 году оно оказалось в Оперном театре С.И. Зимина. Оттуда, к счастью, оно попало в Большой театр, сотрудники которого в 1956 году, развернув огромный рулон (его пришлось вынести для этого на улицу), обнаружили подпись Врубеля.

Панно передали в Третьяковскую галерею, где его буквально возвратили к жизни путем сложнейшей, многолетней реставрации. Каждый может прийти теперь в Третьяковку, чтобы увидеть огромное полотно длиной 14 метров и высотой (самая высокая точка полукруга) 7,5 метра. Для его показа создан особый зал, рассчитанный под его размер, – зал, посвященный творчеству Михаила Врубеля.

Стоит повидать оба панно, сравнить живопись великого мастера и великолепную абрамцевскую керамику, чтобы убедиться в конгениальности двух шедевров, задумавшихся при том над сложными и драматическими судьбами искусства в России.

И, конечно, вспомнить о Савве Ивановиче Мамонтове, который, по словам И.И. Левитана, имел «такое изумительное умение собрать вокруг себя чуть ли не все, что было выдающегося в мире русского искусства. Вы не можете представить себе, какая масса людей теперь стоит на твердых ногах, и только благодаря своевременной и мудрой, именно мудрой, помощи Мамонтова».

Ежегодник 1909
Московского Архитектурного Общества.

Живопись плафона в кофейной гостиницы „Метрополь“ в Москве.
И. И. ШВИНСКИЙ, художн. Москва.

Текст:
Анна Белова

«ОТКРЫТА НОВАЯ ГРАНДИОЗНАЯ ГОСТИНИЦА...»

СООБЩАЛИ
РЕГУЛЯРНО
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ГАЗЕТЫ
И АРХИТЕКТУРНЫЕ
ЖУРНАЛЫ

Гостиничный бум в Москве конца XIX – начала XX столетий, конечно, не мог не найти отражения в прессе. Газеты исправно освещали ход строительства «первоклассных отелей», восхищаясь их «новейшим европейским комфортом» и количеством затраченных на него средств. Профессиональные архитектурные издания, оценивая работу приглашенных заказчиками-миллионерами зодчих, писали еще и о «красивом общем виде», «художественных пятнах фасадов», «очень оригинальной и безусловно художественной отделке», а также вникали во все тонкости инновационных технологий строительства.

«Шестимиллионный квартал»

Пожалуй, самой популярной в общественной и профессиональной прессе того времени была гостиница «Метрополь» – видимо, в силу грандиозности замысла. Лишь в общих чертах касаясь перипетий «занимательной исто-

рии этого здания» (по определению журнала «Зодчий»), выстроим хронологию постройки.

В начале 1898 года известный предприниматель Савва Иванович Мамонтов учредил московское акционерное «Северное домостроительное общество», которое должно было возводить и перестраивать дома под гостиницы,

Гостиница „МЕТРОПОЛЬ“
вЪ МОСКВѢ, Театральная пл.
НОМЕРА отъ 1 р. 25 к. до 25 р. въ сутки.
Всѣвозможная удобствѣ для г. г. прѣбывающихъ.

Фотографии из альбома «Московские виды:
на память от «Метрополя», 1905 г.

торговые помещения и квартиры. Компания заключила договор с С.-Петербургским обществом страхования, собственником крупных земельных участков в Москве, на аренду здания и территории старой популярной гостиницы Чельшева, построенной еще в 1830-х Осипом Бове. На этом месте Мамонтов задумал создать гостинично-развлекательный комплекс с ресторанами, выставочными залами, катком, зимним садом и театром для труппы своей «Частной оперы».

Газета «Курьер» писала 12 июня 1898 года: «По предполагаемому плану, театр поместится внутри здания. Главный подъезд будет с Театральной площади, сцена отойдет к Третьяковскому проезду. Вдоль Китайской стены будет сделана улица. Главный вестибюль театра будет отделан роскошно, это будет круглый зал (в диаметре 11 саж.), который прорежет все здание доверху на расстоянии 5 этажей и закончится красивой стеклянной крышей. Множество зал, фойе, кабинетов примыкает к вестибюлю и к коридорам театра. Отделанные с роскошью, залы предназначены под танцевальные вечера, выставки, маскарады и пр... Самый театр предполагается устроить размером, превосходящим немного театр Венской оперы. В нем будет 6 ярусов... Гостиница будет сделана по образцу американских, которые по комфорту превосходят европейские. Ресторан будет снабжен всевозможными усовершенствованиями».

Смета гостиницы пересматривалась несколько раз и в результате выросла с 1,5 до 7 млн рублей.

В 1899 году журнал «Архитектурные мотивы» поместил объявление о конкурсе «на составление проекта фасадов для перестройки первоклассной гостиницы в г. Москве, на углу Театральной площади и Театрального проезда, в местоположении, считающемся одним из лучших в Москве». Конкурс «задавался на 27 условиях». Приведем некоторые из них. «1. Все строение должно иметь по фасадам пять обыкновенных этажей, считая в том числе существующий антресольный этаж старого здания и один шестой «мансардный этаж». 8. В первом этаже помещены по обеим улицам магазины; в остальных, начиная с антресольного – номера гостиницы. 11. Выбор стиля предоставляется составителю проекта; но излишнее богатство и вычурность в обработке фасадов нежелательны. 17. Сроки подачи проектов – до 15 апреля». 19. Премий назначается 5... «В сентябре того же года «Зодчий» опубликовал эскизы архитекторов, получивших 1–4 премии. А в начале 1900-го «Архитектурные мотивы» дали рекламу «Издания В.С. Бернер» – «Конкурс на фасад гостиницы «Метрополь в Москве», представляющего собой «выпуск... состоящий из 16 роскошно исполненных фототипий 9 фасадов и 7 деталей». Авторы рекламы утверждали, что издание «не только может служить прекрасным настольным альбомом, но и пособием при компоновке крупных фасадов».

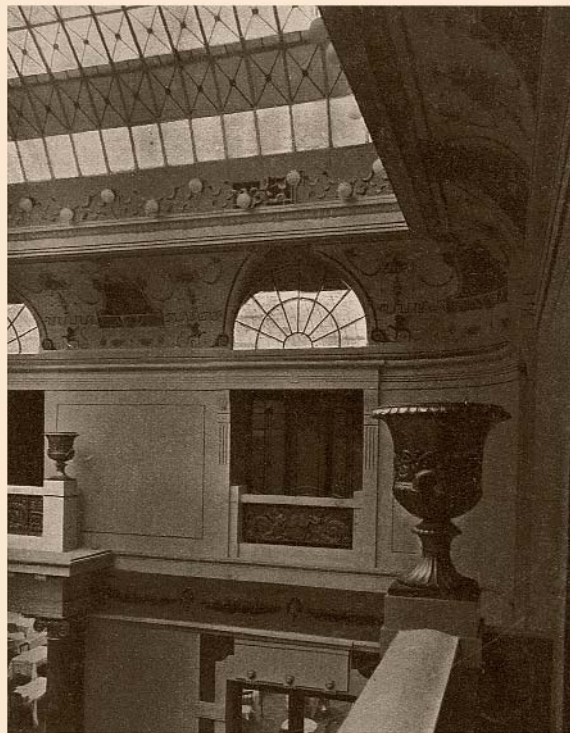
Однако параллельно, с сентября 1899 года, у Мамонтова начались проблемы с бизнесом, закончившиеся в июне 1900 года арестом по обвинению в финансовых злоупотреблениях. Предприниматель был разорен и вынужден отойти от строительства «Метрополя».

В ночь с 14 на 15 декабря в одном из ее завершенных корпусов, где было заселено 50 номеров из 102, произошел крупный пожар. По одной из версий, высказанной «Московским листком», произошло возгорание вытяжной

Р. Л. ЛАУБЪ, ХУДОЖНИКЪ.

СКУЛЬПТУРА „БР. АКЕРЮ“.

ДЕТАЛЬ ВНУТРЕННЕЙ ОТДЕЛКИ.

РЕСТОРАНЪ ГОСТИНИЦЫ „МЕТРОПОЛЬ“.

ГОСТИНИЦА „МЕТРОПОЛЬ“

Москва, Театральная площадь.

220 №№ отъ 1 р. 25 к. въ сутки
и дороже.

Первоклассная большая гостиница въ столицѣ, въ самомъ центрѣ города, противъ Императорскихъ театровъ, рядомъ съ Кремлемъ, Государственнымъ Банкомъ, присутственными мѣстами и Кузнецкимъ мостомъ. Всевозможныя удобства для прѣзжающихъ.

Отопленіе голландскими печами.

Примѣчаніе. Въ виду того, что извозчикамъ съ вокзаловъ за прѣзжающихъ на чай не дается, Правленіе гостиницы покорнѣйше проситъ на ихъ разговоры, касающіяся гостиницы, **вниманія не обращать.**

трубы, проведенной из «самоварной». Газета «Русское слово» 15 декабря 1901 года дала большой материал. «Внутренность здания, наполненная лесами, пылала. Балки разогрелись, лестницы рушились, бетонные своды с громом падали вниз, грозя смертью. Оказывается, что только кирпичные своды могут противостоять пожару, а модные бетонные – прекрасная пища для огня; рельсы, на которых держится бетон, раскаляются и сгибаются под тяжестью бетона. Тушить почти невозможно! Двадцатиградусный мороз леденит воду в рукавах, внутрь проникнуть нельзя – все рушится: внутри все – дерево, тонкие перегородки и ужасные вентиляционные трубы; к четвертому этажу и выше нельзя поднять выдвигающих лестниц: вода, попавшая в пазы лестницы, замерзла и не дает выдвигать колена...» Пожар длился почти двое суток. Тринадцать пожарных и два брандмейстера получили ожоги и ранения. «Зодчий» позже опубликует статью «По поводу пожара здания «Метрополь» в Москве», где катастрофа будет подробно рассмотрена с технической точки зрения. К счастью, почти невредимым осталось большинство деталей экстерьера здания, в том числе и фасадные майоликовые панно.

После пожара гостиница перешла под полный контроль «С.-Петербургского страхового общества», новые заказчики отказались от идеи строительства оперного театра, обустройства ледового катка.

«Московские ведомости» 26 января 1903 писали:

«Деятельность дирекции все еще строящейся громадной гостиницы «Метрополь» в настоящее время главным образом сосредоточена на сооружении гигантского, из стекла

и железа, купола, долженствующего прикрывать собой все внутреннее дворовое помещение гостиницы. Этот купол будет в значительной степени превышать само здание гостиницы. Делается это для того, чтобы купол давал как можно больше света для верхних этажей гостиницы, выходящих своими окнами во двор. То есть для пятого и шестого этажей. У четвертого же этажа будет сооружен второй стеклянный купол, но менее выпуклый, нежели первый – верхний.

Второй купол сооружается в силу таких соображений дирекции: все дворовое помещение гостиницы будет превращено в роскошный зимний сад, в котором будет, конечно, устроен ресторан. Помещения, выходящие окнами в этот сад первых четырех этажей, будут заняты исключительно торговыми помещениями, конторами, магазинами. Помещения же пятого и шестого этажей будут исключительно состоять для приезжих. Среди последних будет, конечно, попадаться немало любопытных, и вот чтобы скрыть от их любопытных взоров все то, что делается внизу, т.е. в зимнем саде, дирекция и решила соорудить второй купол, и при этом из стекла граненого и зубчатого.

Сооружение многомиллионного квартала мало-помалу приходит к концу. Так, в настоящее время уже точно определено, что, помимо многочисленных магазинов и всяких других торговых помещений, в гигантском квартале будет находиться 25 больших жилых квартир и 250 номеров различных величин для приезжих. По словам дирекции, по настоящее время израсходовано на сооружение гости-

Козырек над входом в «Национальную» появился в 1905 г.

ницы-квартала пять с лишком миллионов, причем эта цифра ко времени полного окончания сооружения должна достигнуть шести миллионов рублей».

В феврале этого же года «Зодчий» разместит заметку «Экскурсия студентов Института Гражданских инженеров в Москву», где в качестве достойной для ознакомления «архитектурной и инженерной достопримечательностью» первопрестольной будет фигурировать и еще недостроенный «Метрополь».

20 февраля 1905 года первая страница «Московских ведомостей» украсилась рекламой: «С 20 сего февраля открываются в доме С.-Петербургского Общества Страхований на Театральной площади, гостиница и ресторан «Метрополь». Завтраки, обеды, ужины. Известный парижский оркестр салонной музыки под управл. г. Жоржа». В этом же номере сообщалось:

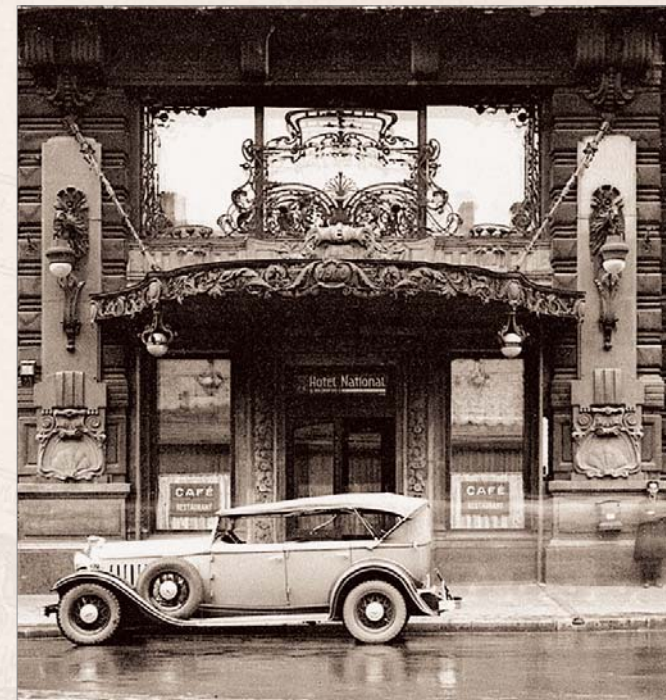
«19 февраля состоялось освящение и открытие гостиницы и ресторана «Метрополь» на Театральной площади.

По этому поводу в обширном зале ресторана было совершено молебствие пред особо чтимыми московскими святынями... По заявлению представителя Петербургского общества страхований, гостиница и ресторан сданы в аренду. Правление, открывая вновь устроенные гостиницу и ресторан, в знаменательный день 19 февраля, жертвует 2000 р. в пользу рабочих. В новой гостинице насчитывается свыше 200 номеров. Изящная обстановка гостиницы сделана в новом стиле. В том же стиле отделан обширный зал ресторана, освещающийся сверху чрез стеклянное покрытие».

В «Московском Архитектурном мире» (ежегоднике МАО) и Ежегоднике Общества архитекторов-художников (Санкт-Петербург) публиковались фрагменты интерьеров «Метрополя».

Под названием «Национальная»

В 1901 году «Варваринское акционерное общество», учрежденное московскими купцами-миллионерами Александром Ивановичем Шампиным, Александром Даниловичем Шлезингером и Семеном Васильевичем Лепешкиным, приступило к строительству на углу Тверской и Моховых улиц, на месте старого трактира «Балаклава», гостиницы «Национальная». В октябре 1902 года газета «Московский листок» писала: «Несмотря на массивность, каменная громада нового дома очень изящна и невольно останавливает внимание». Варваринское общество конкурс на проект гостиницы не объявляло, а сразу обратилось к архитектору Александру Васильевичу Иванову, зарекомендовавшему себя на тот момент постройкой зданий контор для «Товариществ» клана Морозовых, домом Страхового общества «Россия», гостиницы «Новомосковская» (современный «Балчуг Кемпински»). Надо сказать, что возведение «Национальной», шедшее практически одновременно с расположенным неподалеку «Метрополем», ажиотажем в профессиональной прессе не сопровождалось. Так, несмотря на оригинальное архитектурное

решение угловой части здания, украшающую фасад лепнину в духе французского модерна, майоликовые панно (выполненные, кстати, в той же Абрамцевской мастерской Мамонтова, что и панно «Метрополя»), великолепную парадную лестницу и т.д., в том же «Зодчем» фотографий здания не опубликовали. И работу Иванова, который до переезда в Москву в течение почти 20 лет успешно практиковал в Санкт-Петербурге, спроектировав более 60 зданий, не упомянули.

30 декабря 1902 года «Новости дня» сообщили: «Вчера в доме Варваринского домовладельческого общества на углу Тверской и Моховой открыта новая грандиозная гостиница под названием «Национальная». Сам дом, в котором помещается гостиница, обошелся в два миллиона руб., меблировка гостиницы – около 300 т.р. Низ этого грандиозного дома занят магазинами, второй этаж – частью магазинами, частью рестораном гостиницы, а затем четыре этажа – номерами. Причем самые изысканные расположены на третьем этаже. Во многих номерах расположены ванны комнаты и ватерклозеты. Имеется также лифт, и для удобства сообщений небывалая роскошь: все номера имеют телефонные аппараты». Среди 160 номеров доро-

Н. А. ЭЙХЕНВАЛЬДЪ, АРХИТЕКТОРЪ.

ДВОРЦОВЫЙ ДВОРЪ Д. А. ЭЙХЕНВАЛЬДА, ТВЕРСКОЕ УЛ.

ВЕСТИБУЛЬ ГОСТИНИЦЫ «ДВОРЦОВЫЙ ДВОРЪ» Д. А. ЭЙХЕНВАЛЬДА.

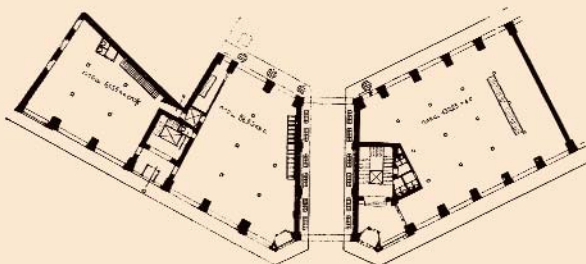
И. С. КУЗНЕЦОВЪ, ХУД.-АРХИТЕКТОРЪ.

ДЪЛОВОЙ ДВОРЪ.

ДЕТАЛЬ ФАСАДА.

ДЕТАЛЬ ПЛАНА.

И. С. КУЗНЕЦОВЪ, ХУД.-АРХИТЕКТОРЪ.

ПОРТАЛЬ ГОСТИНИЦЫ «ДЪЛОВОЙ ДВОРЪ».

И. С. КУЗНЕЦОВЪ, ХУД.-АРХИТЕКТОРЪ.

ПАРАДНАЯ ЛЪСТНИЦА ГОСТИНИЦЫ «ДЪЛОВОЙ ДВОРЪ».

гой гостиницы самыми роскошными были так называемые «Гостиня Людовика XVI» и «Гостиня Людовика XV». В 1905 году над парадным входом «Национальной» (позже «Националя») появился изящный кованый козырек с датой открытия гостиницы.

«Люкс-отель» от булочника Филиппова

В 1912 году на страницах «Московского архитектурно-го мира» появилась впервые (и единственный раз) реклама гостиницы. «Вновь открыта первоклассная гостиница «Люкс-отель»... Новейший европейский комфорт. Безусловно первоклассная кухня. Все удобства: лифты, ванны, электричество, телефоны, автомобили и т.п.» Рекламу сопровождали фотографии фасада (современный адрес: Тверская улица, дом 10) и вестибюля отеля.

Здание принадлежало династии булочников Филипповых. Последовательно появлявшиеся здесь пекарня, торговый дом с булочной, кофейня, гостиница требовали реконструкций, осуществлявшихся разными архитекторами. Так, архитектор Николай Александрович Эйхенвальд, неоднократно до этого сотрудничавший с Филипповыми, в 1911 году кардинально перестраивает гостиничный вестибюль в левой части здания.

Этот проект и опубликовали в архитектурном издании. Всего на четырех этажах «Люкса» было устроено 200 номеров, оформленных в стиле «французского Ренессанса». В 1934-м гостиница была надстроена тремя этажами, в 1953 года вновь заработала как отель – под названием «Центральная».

«Деловой двор» Китай-города

В 1914 году «Московский архитектурный» мир опубликовал иллюстрированную фотографиями статью «Новая Москва», посвященную «развитию московской торговой жизни». В ней, в частности, говорилось:

«Известный московский коммерсант Н.А. Второв воздвиг «Деловой двор» – целый торговый городок, образовавший новый центр оптовой торговли. Часть одного из корпусов «Делового двора» занята грандиозной первоклассной гостиницей на 350 номеров «Деловой двор», устроенной со всем современным комфортом, начиная с проведенной в каждую комнату горячей и холодной воды до городских телефонов в каждой комнате.»

Строитель «Делового двора» был художник-архитектор Ив. Серг. Кузнецов, по проекту и планам которого были выстроены все здания». Одна газетная реклама сооб-

И. С. КУЗНЕЦОВЪ, ХУД.-АРХИТЕКТОРЪ.

ФАСАДЪ И ВХОДЪ ВЪ ГОСТИНИЦУ «ДЪЛОВОГО ДВОРА».

щала: «Комфортабельные комнаты от 1.75 к. до 8 р. 50 к. с бельем и электрическим освещением... Отличная кухня и вина. Свои автомобили. Цены на все доступные». Вторая добавляла: «Лифты, роскошная обстановка, электрическое освещение... первоклассный ресторан, бильярд... Трамвайный узел, почта и телеграф при гостинице.»

Николай Александрович Второв, обладатель состояния в почти 60 млн золотых рублей, прозванный «русским Морганом», на возведение «Делового двора» (1911–1913) на Варваринской площади (современный адрес: Славянская площадь, дом 2) затратил полтора миллиона рублей. Помимо торговых помещений, складов и гостиницы в комплекс входили «барские квартиры», выставочные залы. Так, в феврале 1913 года в одном из них прошла выставка древнерусского искусства, устроенная Московским археологическим институтом. Пресса отмечала инновационность проекта: при строительстве широко применялись железобетонные конструкции.

Архитектор Иван Сергеевич Кузнецов выполнил декор ансамбля «Двора» в духе неоклассицизма. Так, объем входа в трехсекционное здание гостиницы оформлен неоклассической ротондой с коринфской колоннадой и куполом.

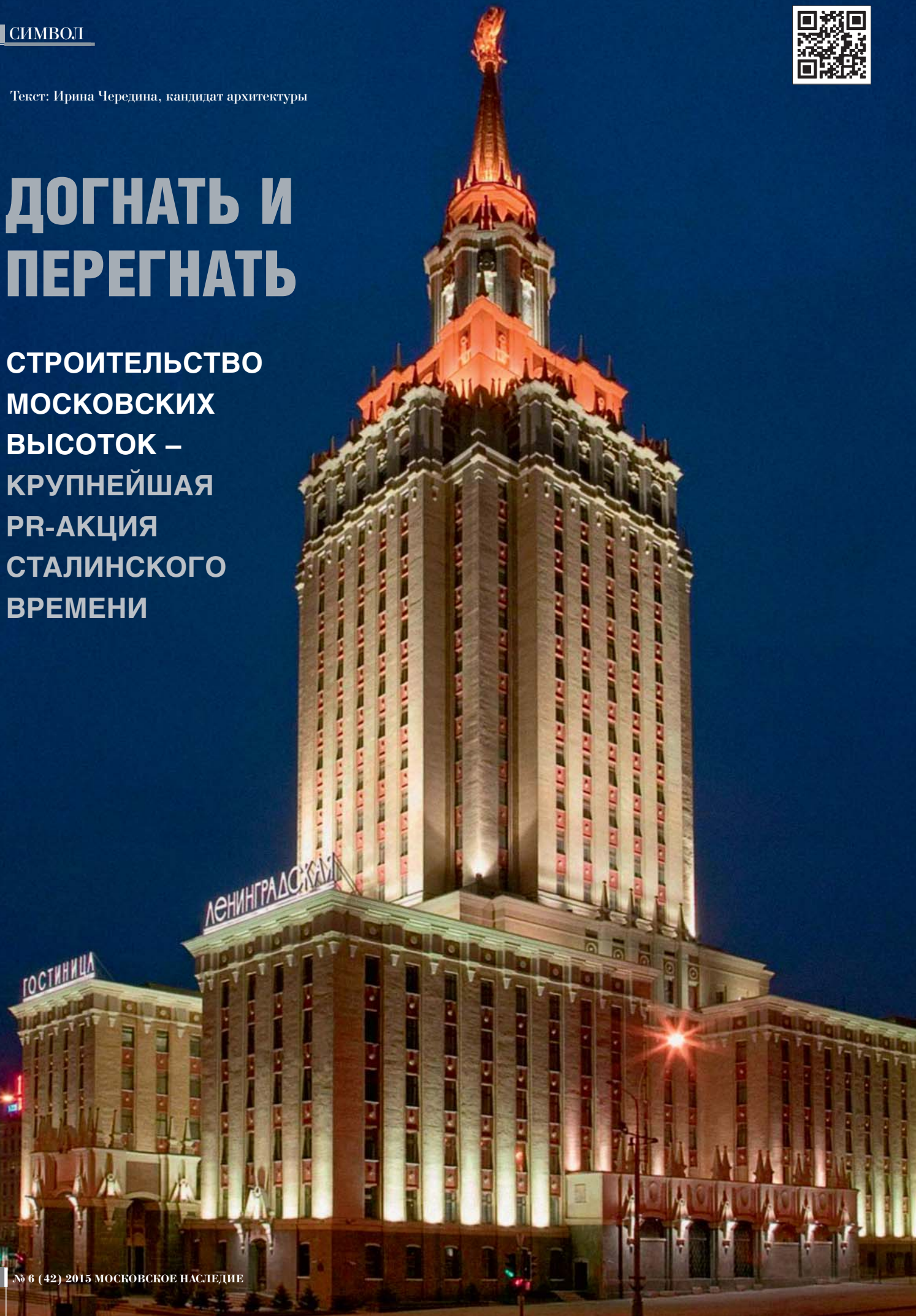
Гостиница «Деловой двор» перестала функционировать после 1917 года.

Текст: Ирина Череди́на, кандидат архитектуры

ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ

СТРОИТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКИХ
ВЫСОТОК –
КРУПНЕЙШАЯ
PR-АКЦИЯ
СТАЛИНСКОГО
ВРЕМЕНИ

«Праздник труда и урожая на хлебосольной Украине». Живописный плафон в центральном холле гостиницы «Украина». Худ. А. Гавриков, И. Вайнман, Ч. Ахмаров. 1957 г.

В постановлении Совмина СССР в 1947 году о строительстве высотных зданий в Москве перед зодчими была поставлена задача создания проектов зданий, которые по пропорциям, силуэтам и всей архитектурно-художественной композиции должны быть совершенно оригинальными, не имеющими аналогов в западной архитектуре. Особо подчеркивалось требование увязать высотки с исторически сложившейся архитектурой города. Гостиницы разместились в двух из семи построенных высоток: на Каланчевской (Комсомольской) площади – «Ленинградская» и в Дорогомилове – «Украина».

«Омываемые светом и воздухом»

Советские архитекторы, согласно полученным высоким установкам, при создании московских высоток стремились к оригинальности, но, так как родиной небоскребов были США, полностью избежать неповторимости облика этих зданий было очень сложно. Знатоки американской архитектуры отмечают схожесть в силуэтном решении, в ярусном построении объемов, в обработке фасадов неоклассическими деталями и элементами. Но отличие все же существует: московские высотки стоят свободно, «омываемые светом и воздухом»; их главное назначение – расстановка градостроительных акцентов, подчеркивание визуальных связей в пространстве города.

Архитекторы конца 1940-х годов запроектировали высотки в местах пересечений Садового кольца с радиальными магистралями и в пойме Москвы-реки, закрепив, таким образом, пространственную структуру столицы.

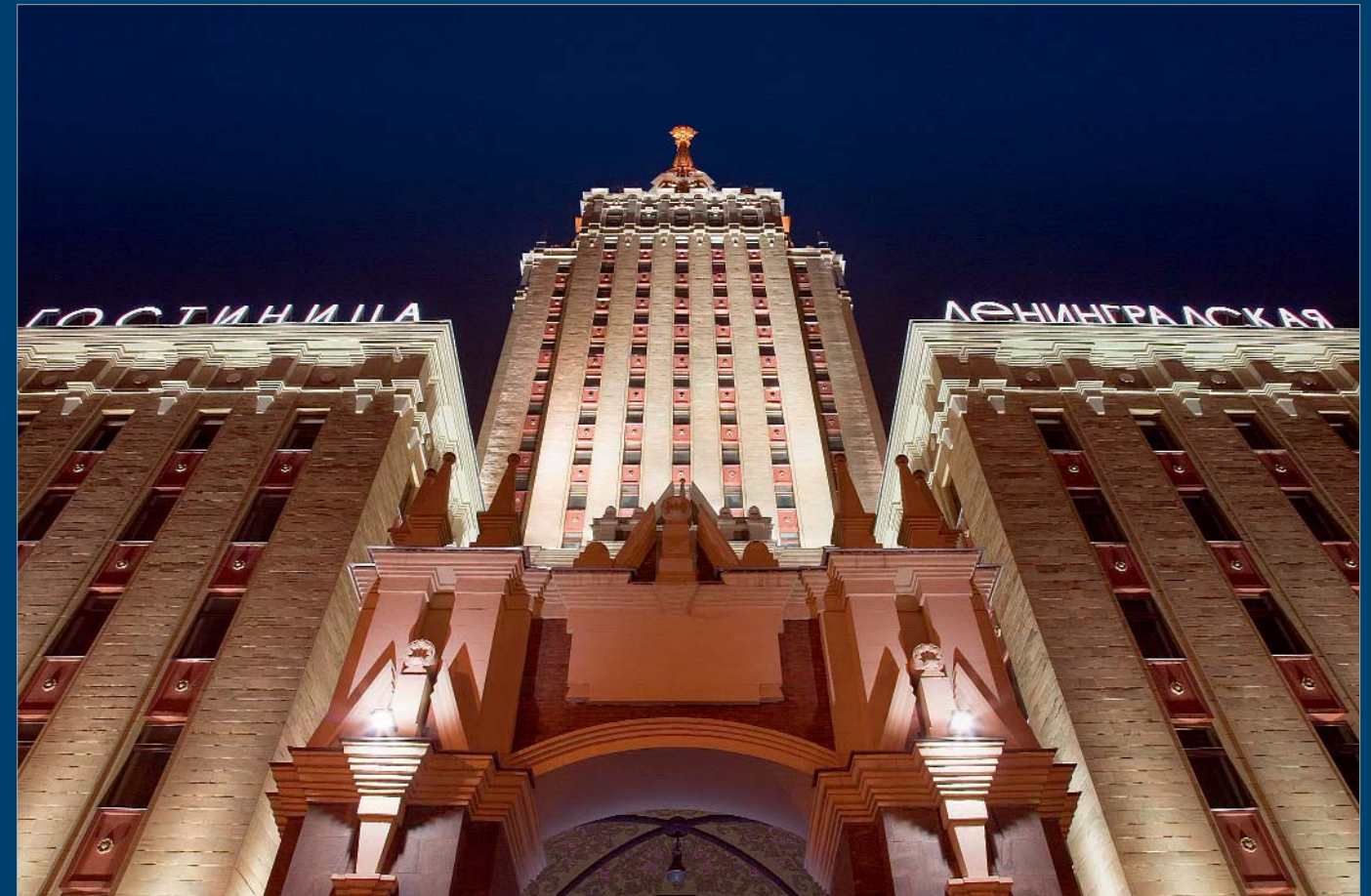
В период с 1947 по 1955 годы было запроектировано восемь и построено семь высотных зданий, которые объединял общий композиционный строй. В поддержку силуэта

Дворца и в развитие национальной традиции, эти объекты имели ярусное построение и шпильобразное завершение, которое должно было напоминать традиционную шатровую архитектуру русских храмов.

«Гигантский пароход, типа океанского»

В своей книге «Строительство высотных зданий в Москве» В.К. Олтаржевский останавливается на проблемах, которые надо решить в связи со строительством гостиниц. Имея большой опыт подобного строительства, зодчий рассказывает об особенностях проектирования таких учреждений: «Из всех зданий общественного характера гостиница представляет собой наиболее сложный комплекс по набору входящих в ее состав помещений и по разнообразию их функций. Высотную гостиницу можно сравнить с гигантским пароходом, типа океанского, где в компактной форме, с использованием каждого метра площади располагается сложнейший комплекс помещений бытового обслуживания».

Гостиница «Ленинградская». 1949–1954 гг. Арх. Л.М. Поляков, А.Б. Борецкий. Ул. Каланчевская, д. 21/40.

Ввиду специфичности данного типа здания следует прежде всего в общих чертах изложить его технологию. Гостиница включает в себя жилую секцию, серию ресторанов, кафе, банкетные залы, зал дневного пребывания, поэтажные комнаты отдыха и приема посетителей, выставочные помещения, бильярдные, парикмахерскую, прачечные, различного рода мастерские, помещения для сложнейшего технического оборудования и, наконец, кухню с ее многообразными подсобными помещениями и оборудованием.

Кроме того, в комплексе гостиницы предусматривается серия различных коммерческих предприятий, обслуживающих проживающих».

Архитектор подробно разбирает проблемы связей между помещениями, компоновку общественных, жилых и обслуживающих зон, указывает на особенности планировки тех или иных помещений. Разбирается и система технического обеспечения такого сложного организма, как гостиница. В.К. Олтаржевский дает описание оборудования номеров, комнат отдыха, планировочных приемов для экономии пространства и удобства проживающих, системы очистки помещений, оснащения кухни, прачечной и всех прочих необходимых служб.

«В строящихся гостиницах предусматриваются все виды новейшего технического оборудования, включая люминесцентное освещение, часофикацию, центральную пылесосную станцию, телевизионные установки, автоматизацию и сигнализацию».

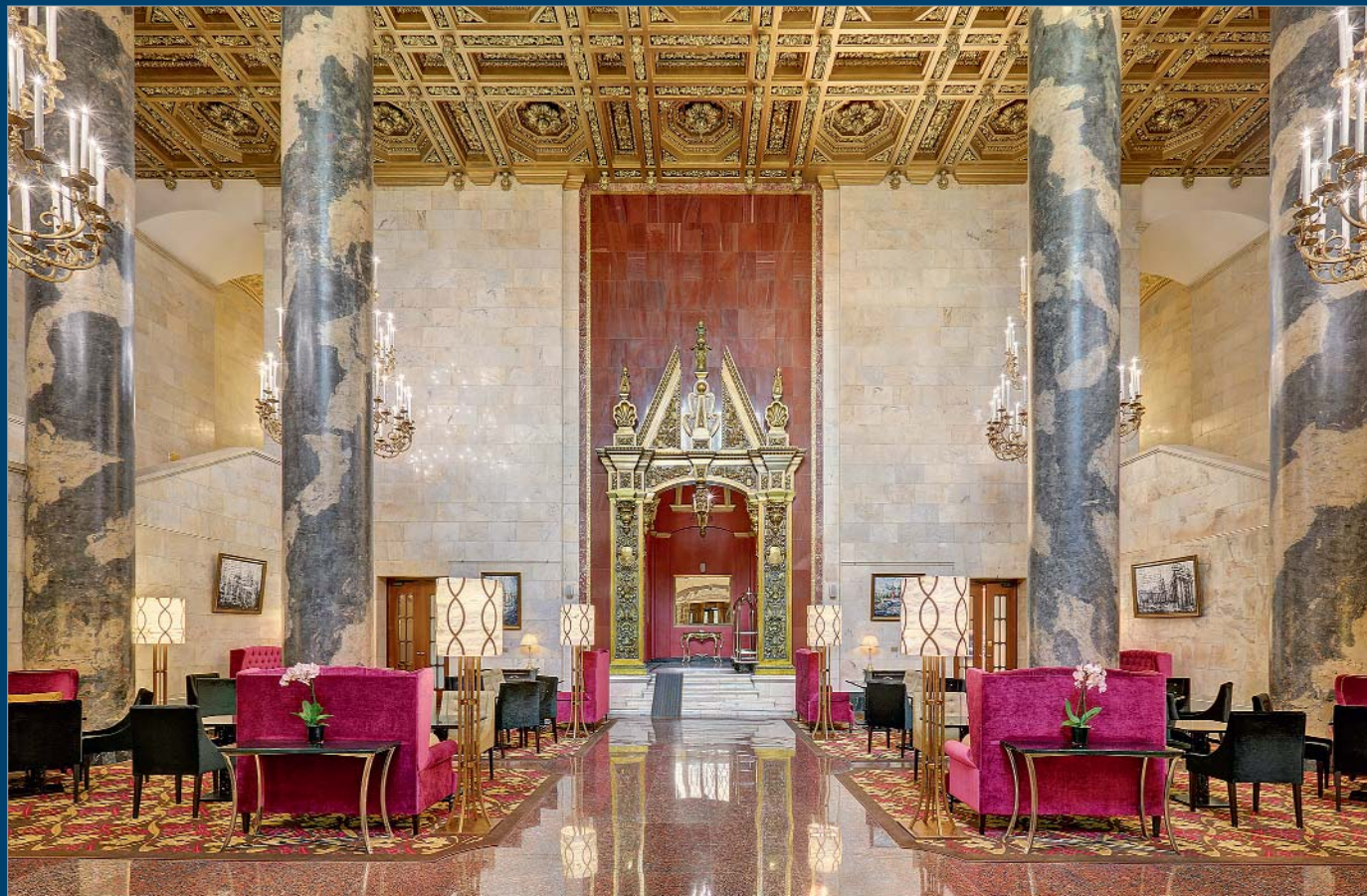
«Ленинградская»: на «площади древнейшего русского города»

В 1954 году открылась гостиница «Ленинградская» (архитекторы Л.М. Поляков и А.Б. Борецкий). Она была рассчитана на 346 номеров, которые могли вместить 513 гостей. Именно это 28-этажное здание со шпилем, расположенное рядом с Комсомольской площадью, видели все приезжающие в столицу. Площадь трех вокзалов как своеобразные ворота города принимала гостей Москвы. И поэтому задать тон восприятия столицы первого в мире социалистического государства должно было нечто действительно впечатляющее.

Перед авторами проекта гостиницы стояла сложная и ответственная задача. И эта задача была решена. Л.М. Поляков и А.Б. Борецкий создали здание, силуэт которого напоминает древнерусский одностолпный храм. Архитекторы продолжили традицию обращения к национальным истокам, как это сделал А.В. Щусев в здании соседствующего с отелем Казанского вокзала.

Автор книги «Строительство высотных зданий в Москве» В.К. Олтаржевский так оценивает этот проект: «В настоящее время одна сторона площади целиком занята уникальным сооружением блестящего зодчего нашего времени А.В. Щусева – зданием Казанского вокзала, представляющим собой талантливое воплощение прекрасных традиций русского зодчества. На противоположной стороне расположены Северный вокзал – живописное соору-

Гостиница «Ленинградская». Интерьер главного холла

Гостиница «Ленинградская». Интерьер ресторана

жение в духе «русского модерна» и Октябрьский вокзал – здание сухой казенной архитектуры. Здание гостиницы располагается на оси третьей стороны площади, и архитектура его должна развивать дальше традиции, заложенные уже А.В. Щусевым в архитектуру площади – площади древнейшего русского города». Гостиница «Ленинградская» уникальна по своему лаконичному силуэту и значительно отличается от остальных высоток, которые имеют 9-12-этажные объемы у основания, над которыми возвышается центральная высотная башня со шпилем.

Более всего поражали интерьеры гостиницы «Ленинградская». Входные вестибюли потрясли своей роскошью: огромное пространство, сияние полированного камня, лепнина, ордерные детали, широкие марши лестниц, просторные общественные зоны... Дворцовая пышность встречает посетителей повсюду. Кессонированные потолки, лепнина, зеркала, обрамленные пышным узором рам, роспись на потолках и стенах в залах ресторана и комнатах отдыха, мраморные лестницы вестибюля с сиденьями по обе стороны пантерами со щитами в мощных лапах, как в рыцарском замке, – все говорило о богатстве и роскоши. Детали интерьеров тщательно продуманы, очень тонко исполнены; в каждом помещении они создают особую атмосферу покоя, предлагая своим гостям добротный уют и комфорт.

Гостиница недавно была реконструирована, но и сегодня ее обновленные интерьеры сохраняют величие преж-

них времен. Жива даже необыкновенная бронзовая люстра, освещающая лестничные марши на много этажей. Именно она была подвергнута резкой критике в докладе Н.С. Хрущева, когда он начал борьбу с архитектурными излишествами, в которой пострадал архитектор Л.М. Поляков, лишенный Сталинской премии. Сегодня времена изменились, и эту люстру с гордостью показывают гостям «Ленинградской».

«Украина»: в самом «выгодном по своей живописности положении»

В 1957 году закончилось строительство еще одного высотного здания, которое стало гостиницей. Речь идет о гостинице «Украина» (архитекторы А.Г. Мордвинов, В.К. Олтаржевский и др.). Этому зданию также была отведена важная градостроительная роль. В.К. Олтаржевский писал: «Из всех строящихся высотных зданий гостиница на Дорогомиловской набережной занимает наиболее выгодное по своей живописности положение. Величественным мощным силуэтом стройное богатое пластикой здание гостиницы возвышается над берегом Москвы-реки на широко раскрытой площади. Площадь ограничена под прямым углом двумя магистралями, переходящими в мосты, перекинутые над зеркалом многоводной реки. Живописный озелененный ковер партера с фонтанами, лестницами и террасами спускается от лестницы к гранитной набереж-

ной реки, с которой монументальные лестницы ведут к площадке пристани речного флота».

Гостиница «Украина» должна была стать самой крупной не только в СССР, но и в Европе. К моменту своего открытия она действительно была таковой. Согласно справочнику того времени, в «Украине» было 1032 номера, рассчитанных на 1627 проживающих.

Здание «Украины» имеет центральный высотный, ступеньками сужающийся кверху объем из 26 отведенных под жилые и общественные нужды и трех технических этажей и завершается 73 метровым шпилем. На крыше гостиницы было оборудовано закрытое кафе, окруженное открытой террасой. Из кафе по лестнице можно было подняться на смотровую площадку, откуда открывалась красивая панорама столицы.

Интересен факт, что здание было не только гостиницей. В комплексе было размещено 250 квартир, расположенных в двух параллельно поставленных корпусах, примыкающих к основному объему здания. Именно эти корпуса создают развернутое в пространстве города основание, из которого вырастает высотная часть гостиницы.

Оборудование всех помещений гостиницы выполнено на самом высоком уровне. Вошедшего в главный вход посетителя потрясал своим великолепием двухсветный парадный вестибюль с расписанным плафоном над операционным залом, мощными колоннами и великолепием сверкающих полов. В обе стороны через не менее богато

оформленные аванзалы уходили помещения ресторана (в одну сторону), гостиной и библиотеки (в другую).

Широкие симметрично расположенные лестницы вели на второй уровень вестибюля, где посетителя также не оставляло ощущение грандиозности и дворцового величия. Там находились парадный холл и зимний сад с фонтаном.

Оформление номеров состояло в основном из лепнины, деревянных панелей, филенчатых дверей. Солидная и тяжелая мебель, бронзовые светильники дополняли сложившийся образ надежности и комфорта.

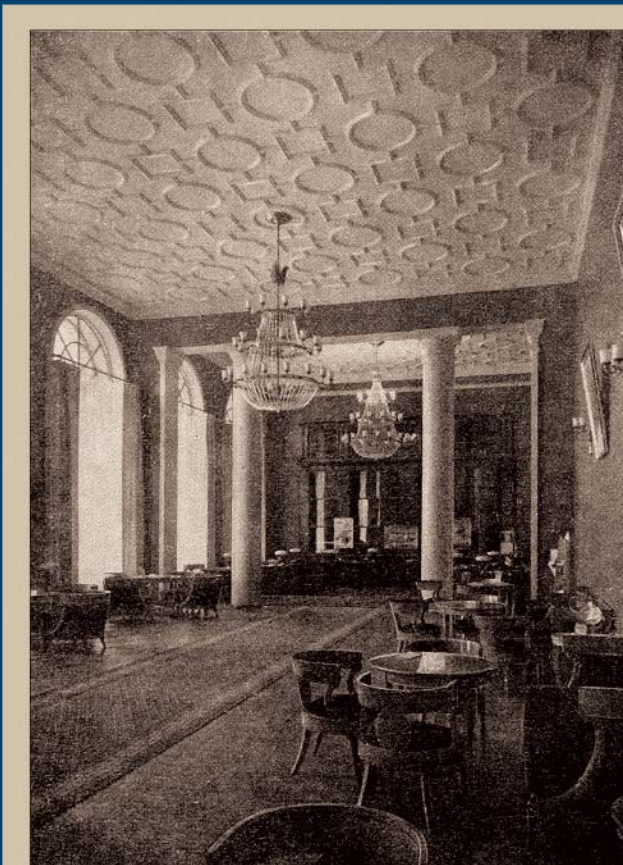
В таком виде гостиница просуществовала довольно долго. Но время брало свое, и наступил момент, когда ее дальнейшая эксплуатация без реконструкции стала просто опасной. Поэтому здание «Украины» прошло полное обновление. В 2010 году гостиница вновь открылась под маркой Рэдиссон Ройал.

«Монумент величия сталинской эпохи»

Перед архитекторами высоток стояла главная задача – создать здания-памятники, здания-монументы, поставленные народом, победившим фашизм. Построенные в виде вертикальных башенных композиций, изобилующие декоративными деталями, они несли прежде всего смысловую нагрузку. С момента окончания строительства они превратились в знаки, символы процветания и роста столицы.

Гостиница «Украина». 1953–1957 гг.
 Арх. А.Г. Мордвинов, В.К. Олтаржевский и др.
 Кутузовский пр-т, д. 21/1

Гостиная бюро обслуживания.

Интерьер гостиницы «Украина». Фото из журнала «Архитектура и строительство Москвы», № 2, 1951 г.

Идеологическая составляющая архитектурного решения московских гостиниц 1950-х годов хорошо читается в цитате из книги о высотном строительстве: «Здание современной советской архитектуры отражает национальные композиционные традиции русской архитектуры – живописный силуэт, ступенчатость и пластичность объемов. По богатству и характеру архитектурной композиции это не только образ гостиницы – это монумент величия сталинской эпохи».

Строительство высотных зданий было, пожалуй, последним значительным событием 1950-х годов. Закончился исторический отрезок времени, называемый теперь эпохой сталинизма, впереди маячили новые ориентиры и идеалы, в том числе типовое индустриальное строительство. Москва стремительно застраивалась и сейчас продолжает меняться, но здания гостиниц «Ленинградская» и «Украина», как и прежде, занимают ключевые позиции в городе. Одна стоит на Комсомольской площади, другая – в излучине Москвы-реки, и без них уже невозможно представить себе нашу столицу.

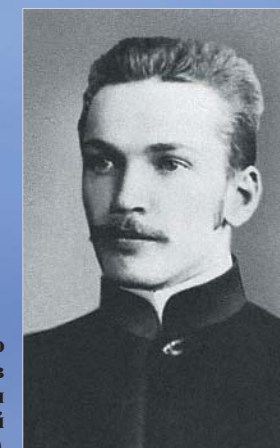

ВЫСОКИЙ ТАЛАНТ

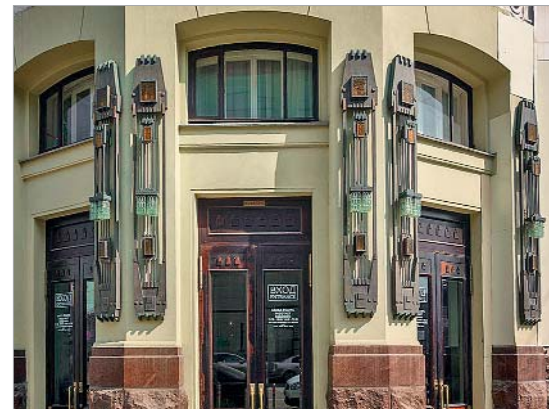
В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ
ФИГУРА ВЯЧЕСЛАВА КОНСТАНТИНОВИЧА
ОЛТАРЖЕВСКОГО – ОДНА ИЗ САМЫХ
ТАИНСТВЕННЫХ И ЗАГАДОЧНЫХ

Архитектор
Вячеслав
Константинович
Олтаржевский
(1880–1966 гг.)

Его работы известны в США и Европе, в России проекты этого зодчего успешно реализовывались еще до революции, в советское время мастер стоял у истоков самых крупных начинаний отечественной архитектуры. Но при этом Олтаржевский никогда не становился объектом особого внимания, которого он, без сомнения, заслуживал.

Здание Купеческого клуба (сейчас – театр «Ленком»): центральный фасад, фрагмент декора, фрагмент интерьера на фото 1911 г. 1907–1909 гг. Арх. И.А. Иванов-Шиц при участии В.К. Олтаржевского. Ул. Малая Дмитровка, д. 6

Комплекс зданий Северного страхового общества, фрагменты фасада. 1909–1911 гг. Арх. И.И. Рерберг, М.М. Перетяткович и В.К. Олтаржевский. Ул. Ильинка, д. 21–23.

Не сиротское образование

Вячеслав Олтаржевский родился в 1880 году в многодетной семье железнодорожного служащего. Осиротел, будучи всего пяти лет от роду, и воспитывался в приюте. Едва ли такое начало сулило успешное будущее. Однако судьба распорядилась иначе. Достоинством приюта было то, что его воспитанникам давали не только кров и содержание, но и профессию. Дети, определенные в московский Набилковский сиротский приют, получали образование в Набилковском коммерческом училище, которое считалось одним из лучших средних учебных заведений в Москве. Оба эти учреждения построили и содержали за свой счет богатые купцы-благотворители, в честь которых были названы приют и училище. Благодаря разумному попечительству и достаточным средствам, определенным на образование, воспитанники приюта наряду с общеобразовательной программой изучали различные ремесла, могли выучиться на бухгалтера, типографского рабочего и топографа.

Выбрав для себя изучение топографии, Вячеслав приобрел умение работать на местности, разбивать и вычерчивать планы, что стало первым шагом к профессии.

После окончания коммерческого училища Олтаржевский в 1901 году поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ). Очевидно, что не последнюю роль в этом выборе сыграл старший брат Вячеслава – Георгий, который уже был архитектором.

Среди молодежи МУЖВЗ пользовалось огромной популярностью, и учиться в нем было мечтой многих. Отбор

учеников производился чрезвычайно строго, принимали только самых талантливых. Состав учащихся был пестрым – сословных ограничений при приеме в училище не было, поэтому в нем училось довольно много талантливых бедняков из самых отдаленных уголков России. Ученики, вынужденные своим трудом зарабатывать себе на хлеб, учились особенно упорно, прилагая все силы для того, чтобы стать настоящими художниками. Благодаря этому общий настрой был деловым, в училище царил творческая атмосфера, умело поддерживаемая талантливыми педагогами, многие из которых являлись известными художниками, скульпторами и архитекторами. Особенно сильной здесь была школа художников-реалистов. С конца XIX века в училище преподавали В. Серов, В. и К. Коровины, А. Архипов, А. Степанов, В. Бакшеев, Л. Пастернак, К. Савицкий, Л. Левитан, скульпторы С. Иванов, В. Волнухин и другие.

Педагоги ставили перед собой задачу привить ученикам не только профессиональные навыки, сделав их умелыми ремесленниками, но и воспитать настоящих художников, граждан своего отечества. Учеников знакомили с историей мирового искусства, с русской художественной культурой.

Система обучения на архитектурном отделении основывалась на выполнении академических программ, изучении увражей. Ученики последовательно выполняли проекты в заданном историческом стиле (греческом, романском, в «стиле Растрелли» и т.д.). При выполнении дипломной работы также преследовалась цель изучения архитектурных стилей.

Венские уроки Отто Вагнера

В 1905 году политическая обстановка накалилась, революционные волнения начали вспыхивать в студенческой среде, и правительство приняло решение временно закрыть все учебные заведения в Москве. В том числе МУЖВЗ.

И тут судьба дала В. Олтаржевскому еще один неожиданный шанс. Каким-то чудом (может быть, помощь старшего брата?) студент, проходивший обучение параллельно с постоянным поиском заработка, чтобы прокормиться, получил возможность поехать в Вену, в мастерскую Отто Вагнера и пройти там годичную стажировку.

Работа под руководством Отто Вагнера, который был признанным авторитетом в архитектурном мире начала XX века, талантливым и ярким практиком, прекрасным педагогом и автором широко известной книги «Современная архитектура» оказала на Олтаржевского огромное влияние.

Основой современной архитектуры Вагнер считал прогресс техники, новые конструктивные возможности, но при этом мастер оставался приверженцем сохранения классицистических принципов формообразования. Эти черты проявились в работах Олтаржевского, когда он начал свою профессиональную деятельность.

После стажировки, будучи еще студентом, он активно работал в профессии. Это был не просто заработок, но ценный опыт, который он получал от своих учителей и наставников. Одним из таких наставников стал архитектор И.А. Иванов-Шиц: он взял студента Олтаржевского

для участия в проектировании и строительстве здания Купеческого клуба на Малой Дмитровке в Москве (ныне – здание театра «Ленком»). Совершенно очевидно, что работа наставника в неоклассической традиции была близка и понятна начинающему архитектору, и он сумел внести свой вклад в проект, так как все документы, подписанные его авторами, включали и фамилию Олтаржевского, что было бы невозможно, будь он просто техническим помощником.

Школа Ивана Рерберга

Интересно, что когда Олтаржевский вернулся из Вены и возобновил занятия в училище, одним из его педагогов и наставников стал И.И. Рерберг, по специальности военный инженер, проектировщик и строитель весьма значительных для Москвы начала XX века сооружений, в частности, Музея изящных искусств, универсального магазина «Мюр и Мерилиз». И.И. Рерберг заметил талантливого, трудолюбивого студента и стал приглашать Олтаржевского для участия в своих проектах.

Училище Вячеслав Константинович окончил в 1908 году, получив диплом с отличием. И уже в 1909 году реализовал свой первый самостоятельный проект – доходный дом в Даевом переулке. После этой работы последовало несколько крупных и важных для Москвы объектов. Олтаржевский принял участие в проектировании комплекса зданий Северного страхового общества (1909–1911), Голофтьевского пассажа (1910–1911), здания офицерского экономического общества (1911) и в создании Брянского (с 1934 года –

Ежгодник 1912—1913
Московский Архитектурный Осветитель.

Голофтьевский пассаж в Москве. И. И. РЕРБЕРГЪ, инженер. Москва.

Киевского) вокзала (1912–1914). Все эти проекты были реализованы совместно с И.И. Рербергом. Постоянство такого сотрудничества говорит о несомненной одаренности начинающего архитектора, близости его подхода к творчеству известного и широко востребованного мастера.

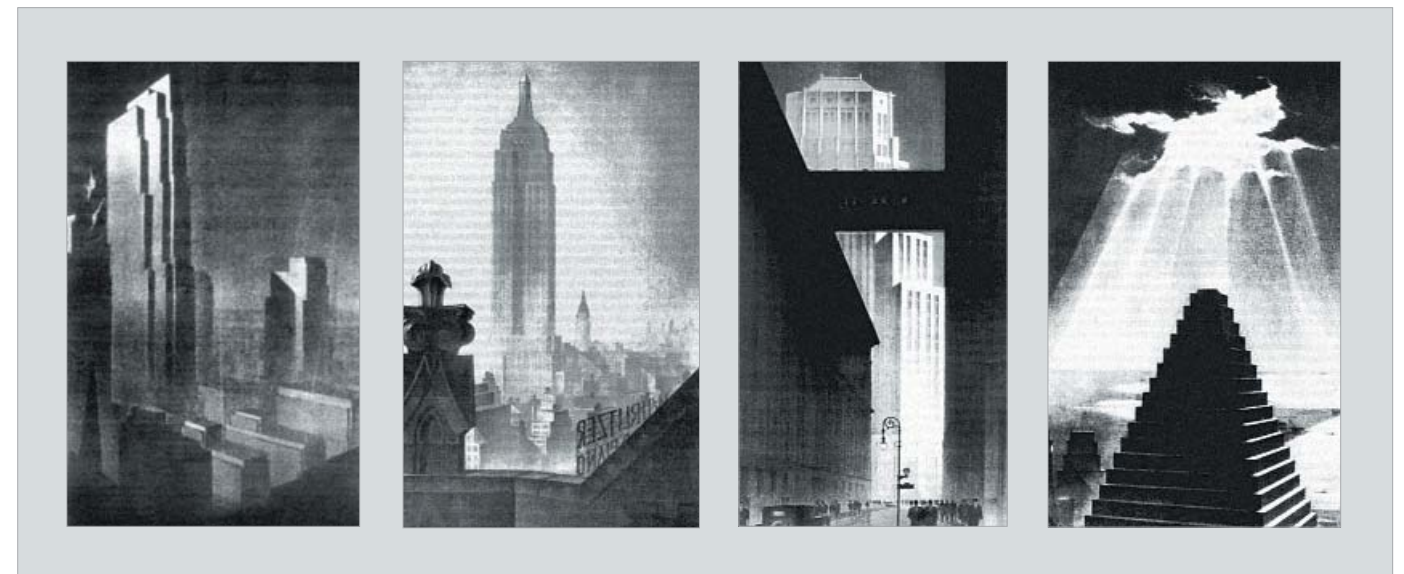
Во всех перечисленных работах хорошо чувствуется, что В.К. Олтаржевскому была близка и понятна сдержанная, четкая манера И.И. Рерберга. Везде просматривается продуманная и рациональная система использования участка, четкость и отточенность архитектурного облика, умело расставленные акценты. И все это – на основе использования нового для того времени стиля неоклассицизма, на который многие архитекторы первой трети XX века возлагали большие надежды как на дающий шанс преодолеть эклектизм.

Начало карьеры было успешным: значительные постройки, украсившие Москву, сотрудничал с большими мастерами. Олтаржевский работал, к примеру, с блестящим русским инженером В.Г. Шуховым, который рассчитывал большепролетные перекрытия для Голофтьевского пассажа и дебаркадера Брянского вокзала. В этих проектах сошлось все: мастерство, умение использовать самые последние технические изобретения, новые строительные материалы. И все это в стилистике неоклассицизма с его столь полюбившейся молодому архитектору сдержанной манерой, разумным порядком, глубиной проработки объемно-планировочных решений, уравновешенностью и монументальностью форм, деликатным вхождением в городскую среду.

Выставка-событие

Работа по проектированию и строительству вокзала продолжалась вплоть до 1914 года. Впереди было столько возможностей! Но началась Первая мировая война, и все изменилось. В.К. Олтаржевский был мобилизован в армию и определен в инженерные войска. С 1918 по 1921 год он продолжал служить военным инженером в Красной армии. Настоящий профессионал во всех своих занятиях находит пользу. Вполне вероятно, что и Олтаржевский, занимаясь военными проблемами, оттачивал свое умение работать на местности, рационально использовать имеющиеся ресурсы для расположения и сооружения объектов. Когда же наконец гражданская война закончилась и жизнь стала входить в новое русло, Олтаржевский полностью вернулся в профессию, в которой появились новые возможности и перспективы. В это время шла работа над планом реконструкции Москвы и над проектированием одного из первых крупных послереволюционных московских объектов – Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки.

Главный выставочный комитет решил привлечь лучшие силы отечественного зодчества и объявил конкурс на исполнение проекта ситуационного плана и зданий выставки. По его результатам за основу был принят проект И.В. Жолтовского, который дал интересный график движения по выставке, заполнил ее территорию крупными сооружениями, которые были выстроены по обе стороны грандиозного зеленого партера. Однако, когда подошло

«Город в городе», «Символ американских достижений», «Мост вздохов», «Высочайшая пирамида нового мира». Рисунки для книги В.К. Олтаржевского и Дж. Корбетта «Современный Вавилон» (Нью-Йорк, 1932 г.)

время строительства, И.В. Жолтовский уехал за границу, и главным архитектором выставки назначили А.В. Щусева.

Так как в жизни ничего не бывает случайным, то и умение разбивать план на местности очень скоро снова пригодилось Олтаржевскому. В 1921 году он возглавил архитектурный отдел Наркомзема, а вскоре был назначен заместителем главного архитектора Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки. Это был еще один подарок судьбы: Вячеслав Константинович оказался участником одного из первых мероприятий советской архитектуры вместе с самыми именитыми и известными зодчими.

Выставка планировалась как временная, но дала своим создателям огромный опыт по созданию крупных архитектурных ансамблей. Все павильоны на выставке были деревянными и почти все украшали росписи. Всесоюзная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка своим ансамблевым решением, полихромией павильонов, сочетанием новой и старой архитектуры, необычными национальными формами республиканских павильонов, зелеными посевами, на которых демонстрировались образцовые растения, стала для Москвы начала 1920-х годов грандиозным событием. Как и лично для Олтаржевского.

Его работа на выставке явно была замечена и отмечена, возможности архитектора оценены и взвешены. А далее последовало неожиданное решение. Вячеславу Константиновичу было предложено поехать на стажировку в США для изучения конструктивных и технологических особенностей высотного строительства. В жизни мастера начался новый период, наполнивший его профессиональную копилку совершенно уникальным опытом.

Американский мастер-класс

В 1924 году Олтаржевский отбыл в Нью-Йорк и незамедлительно приступил к работе. У него не было снобистских амбиций. Понимая, что тонкости уникального строительства можно изучить только изнутри, он начал свою рабо-

ту десятником на стройке, потом его повысили до прораба. А когда выяснилось, что в США не признают чужих дипломов, Вячеслав Константинович экстерном сдал все необходимые предметы и в 1928 году защитил диплом в Нью-Йоркском университете. Путь к проектированию был открыт, и мастер поступил на работу в одну из крупных строительных компаний, которая занималась проектированием и строительством небоскребов. Это было время уникального строительства знаменитых нью-йоркских небоскребов, и Олтаржевский стал участником этого процесса в эпоху его расцвета. Он познакомился и сотрудничал со всеми известными и отмеченными в истории мировой архитектуры зодчими, он был одним из них.

Вячеслав Константинович проектировал, строил, преподавал в Колумбийском университете, где получил звание профессора, вступил в профессиональную ассоциацию американских архитекторов, куда принимали только известных мастеров. Фактически он стал настоящим американцем, известным мастером, который много строил и даже открыл свое собственное проектное бюро, занимавшееся проектированием и возведением гостиниц. Одна из его гостиниц в Нью-Джерси, построенная в курортном месте под названием Королевские сосны, была столь комфортабельна, уютна и роскошна одновременно, что стала любимым местом отдыха американской знати.

В 1933 году была опубликована его книга «Современный Вавилон в карандашных рисунках В.К. Олтаржевского с предисловием Харви Вилей Корбетта» («Contemporary Babylon in pencil drawings by W.K. Oltarzewski with introduction by Harvey Wiley Corbett»). Фактически это был альбом с великолепными графическими изображениями Нью-Йорка 1930-х годов, в котором мастер подмечал интересные сочетания старой и новой архитектуры. Огромные массы новых небоскребов в его рисунках нависают над старым городом, придавая всему изображению совершенно новый смысл и прочтение. Каждый рисунок сопровождается указанием того места в городе, где он был сделан, и снабжен небольшим комментарием. Перед

зрителем предстает совершенно иной город, увиденный глазами автора книги. Олтаржевский пишет в предисловии к книге, что впервые увидел этот город с корабля, который привез его в Нью-Йорк, и первое впечатление навсегда запечатлело мистическое видение другого мира, который ему неожиданно открылся. Но небоскребы – это не только имидж. По словам мастера, это еще и демонстрация достижений техники и технологии строительства страны, которая их возводит.

А в это время в СССР происходили события, которые полностью изменили будущее В.К. Олтаржевского. С 1931 года началось конкурсное проектирование главного здания страны – Дворца Советов. Один за другим проходили этапы конкурса, и наконец в 1934 году Совет Дворца огласил решение утвердить проект Б.М. Иофана, В.А. Шуко и В.Г. Гельфрейха и принять его к исполнению. Гигантское здание начали строить, но технические проблемы росли как снежный ком. В спешном порядке была сформирована делегация архитекторов для ознакомления с практикой возведения небоскребов в Нью-Йорке. Очевидно, именно в это время вспомнили о В.К. Олтаржевском, который незамедлительно был отозван в Москву. Американский период мастера закончился.

Выставка-трагедия

Едва ли можно предположить, что Москва встретила В.К. Олтаржевского с распростертыми объятиями. За 12 лет его отсутствия очень многое изменилось. Постепенно опустился железный занавес, специальные организации пресекали свободное общение с западными коллегами, архитекторы, ставшие из свободных художников государственными служащими со всеми вытекающими из этого положения особенностями, искали новые пути развития архитектуры социалистического реализма, погружаясь в классическое наследие. Никто не стал привлекать Олтаржевского к строительству Дворца Советов. Вместо этого ему после победы в 1936 году в конкурсе на планировку Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВДНХ) было поручено строительство этой выставки в должности ее главного архитектора. Выставка стала для В.К. Олтаржевского любимым детищем и источником большой беды. Но начиналось все с творчества.

Выбор участка на севере Москвы, особенности равнинной местности, наличие прудов, собравшись воедино, привели к возникновению образа и планировочного решения будущей выставки. Многие авторы статей о ВСХВ Олтаржевского склонны сегодня придавать его планировке мистический характер. Однако созданный мастером план был не мистическим символом, а плодом труда профессионала, который максимально сумел использовать особенности местности и создать классический ансамбль с четким композиционным решением, продуманным до мелочей. Воображение Олтаржевского нарисовало прекрасный город будущего с широкими

аллеями, просторными площадями, скульптурой и зеленью, обрамлявшей небольшие павильоны. Именно небольшие, в основном – деревянные (как это было в 1923 году). Мастер не мог предположить, что требования к выставке изменятся. Первоначально съезд колхозников-ударников постановил сделать выставку временной: она должна была просуществовать 100 дней и открыться 1 августа 1937 года. Вот такую выставку и

строил главный архитектор. Но, как это часто случалось в то время на крупных стройках, условия менялись на ходу. Через некоторое время было решено, что выставка должна работать 5 лет, что естественно предполагало иной подход к капитальности строительства. Поэтому уже построенные павильоны были расценены как не отражающие растущее благосостояние народа, а значит, политически вредные. За эту «ошибку» мастера осуди-

ли за шпионаж и вредительство. Олтаржевского арестовали в 1938 году и выслали в Воркуту. Главным архитектором выставки назначили С.Е. Чернышева. Надо сказать, что он проявил профессиональную солидарность, максимально сохранив планировочные особенности выставки, предложенные опальным коллегой. Поэтому, несмотря даже на смену автора проекта, планировка ВСХВ остается работой В.К. Олтаржевского.

Гостиница «Украина». Фрагмент фасада. 1953–1957 гг. Арх. А.Г. Мордвинов, В.К. Олтаржевский. Кутузовский пр-т, д. 21/1

Ссылочная профессиональная переподготовка

Воркутинский период жизни Вячеслава Константиновича также был заполнен профессиональной деятельностью. Только объекты, которые он создавал, были небольшими и непрестижными, но не привыкший сидеть без дела мастер творил и в заключении, не переставая верить в то, что его талант и профессиональный опыт пригодятся для решения более сложных задач.

Легенда гласит, что В.К. Олтаржевский в Воркуте увидел фильм «Свинарка и пастух», который был снят на его любимой выставке. Это придало ему сил и мужества (поступок мог быть расценен неоднозначно) и написал письмо Сталину, в котором подробно проанализировал проект строящегося Дворца Советов. Как мастер, хорошо знакомый с высотным строительством, Олтаржевский, без сомнения, мог высказать много полезных мыслей по по-

воду главного здания страны. Ответа не было, но внезапно Олтаржевского освободили досрочно и вызвали в Москву. В его жизни вновь произошел счастливый поворот судьбы. Это был 1943 год.

Гостиница «Украина» и «Строительство высотных зданий в Москве»

Вернувшись в Москву, Вячеслав Константинович продолжал работать архитектором. Участвовал в конкурсах на памятники Победы, проектировал сооружения самого разного назначения. А после войны принял участие в проектировании и строительстве высотных зданий в Москве. В 1948 году совместно с А.Г. Мордвиновым В.К. Олтаржевский работал над проектом здания гостиницы «Украина». За эту работу бывший заключенный Олтаржевский был удостоен Сталинской премии. Поистине очередной неожиданный поворот судьбы.

Гостиница «Украина». Интерьер холла

Послевоенные проекты и работы мастера мало известны, но не в силу их плохого качества, а скорее, из-за того, что их автор как будто попал в тень – его просто перестали замечать. Примечательно, что все объекты, спроектированные и построенные В.К. Олтаржевским в конце 1950-х – начале 1960-х годов, достаточно далеки от Москвы (здание Латвийской академии наук в Риге, гостиницы в Тбилиси и Цхалтубо, санаторий в Мисхоре).

Пожалуй, самым ценным вкладом зодчего в историю послевоенной советской архитектуры, как ни удивительно, стала его книга. В 1953 году В.К. Олтаржевский опубликовал интереснейший труд под названием «Строительство высотных зданий в Москве», который был посвящен подробному описанию всех сталинских высоток с анализом их конструктивных и планировочных особенностей. Мастер подробно рассказал о процессе строительства каждого здания, о передовых технологиях, о специальной технике, использованной при возведении московских высо-

ток. Книга Олтаржевского – бесценный памятник своей эпохи, вклад зодчего в историю отечественной архитектуры, письменное свидетельство участника событий, который так и не смог полностью раскрыть все свои возможности и на деле применить огромные знания и опыт, которые накопил за свою жизнь.

Мастер скончался в Москве в 1966 году, будучи в весьма преклонном возрасте. Он прожил необыкновенную жизнь, полную взлетов и падений. Олтаржевский, кроме профессионального опыта и многочисленных талантов, обладал завидной силой духа: он всегда находил в себе силы жить и творить дальше.

Многое из жизни Вячеслава Константиновича Олтаржевского до сих пор остается для нас не до конца понятным, необыкновенные события его жизни завораживают, воспринимаются почти как мистические знаки, которые хочется расшифровать, чтобы раскрыть каждый секрет творчества зодчего.

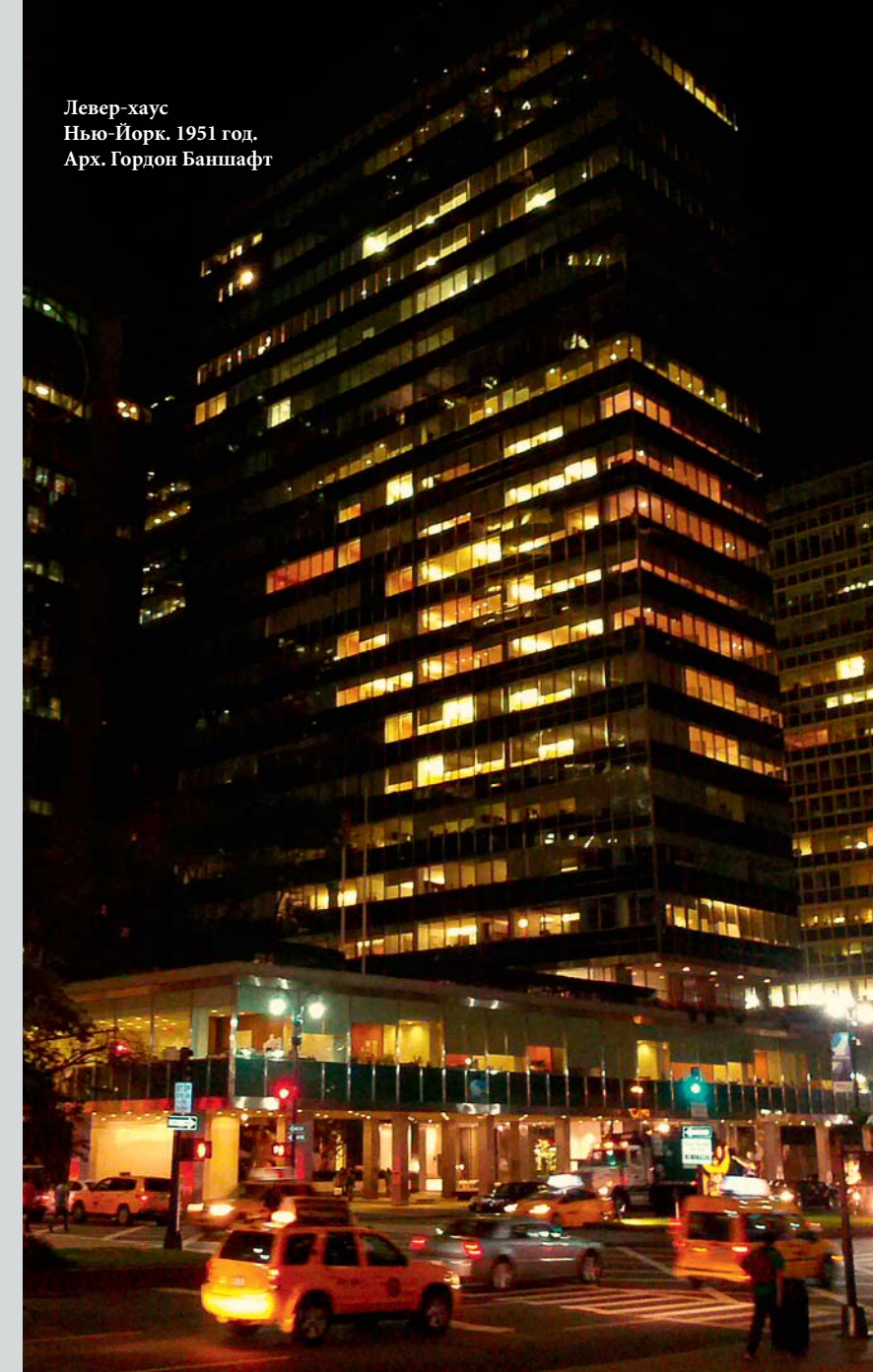

Текст: Сергей Суетин, архитектор

Гостиница «Интурист»
на ул. Горького, дом 3. 1969 год.
Арх. Ю.Н. Швердяев,
В.Л. Воскресенский и А.С. Болтинов.
Фото: В. Чердинцев, ИТАР-ТАСС

Леввер-хаус
Нью-Йорк. 1951 год.
Арх. Гордон Баншафт

33 ГОДА МОДЕРНИСТСКОГО ВЫЗОВА

ДЕРЗКОГО
ИЛИ
НЕУМЕСТНОГО?

Он вспоминает, как появился замысел, шла защита идеи перед заказчиком, вспоминает годы рутинной проектной работы с ее неразберихой и несогласованностью, затяжную битву с подрядчиком, который хотел все упростить и удешевить. Затем построенный дом начинал жить своей собственной жизнью, и автор придирчиво, но по-отечески наблюдал за его детством и взрослением, как за жизнью выросшего ребенка. Дом уже и дорог ему был, как ребенок, потерять которого нет ничего страшнее. Снос при жизни автора – редко кому из зодчих судьба готовит такое несчастье. Оно не миновало нескольких участников проектирования здания гостиницы «Интурист» на улице Горького, дом 3.

Гостиница «Интурист» в Москве.
Фото Виктора Великжанина. 1978 г. ИТАР-ТАСС

В 1969 году на месте старого здания гостиницы «Париж», снесенного еще в ходе реконструкции 1930-х, поднялся новый отель для «интуристов» – здание высотой 22 этажа, в котором разместились 353 стандартных номера, 70 номеров люкс и 13 апартаментов.

Простой объем здания подсказал его внутреннюю планировку – коридорную систему жилых этажей. Иностранцы оказались в привычных для них гостиничных номерах с панорамными окнами, из половины которых открывался вид на Кремль и Александровский сад. Все публичные пространства отеля также были устроены на западный манер, и только площади ресторанных кухонь не были меньше площади обеденных залов – это было жесткой нормой для советского общепита в те годы. С появлением такого отеля в самом сердце города международный гостиничный рейтинг Москвы вырос, и кому-то из иностранцев это помогло решиться на рискованное путешествие в неведомый СССР. Вместе с сетью валютных магазинов «Березка» отель считался символом советского «шика». Под стать такому содержанию оказалась его форма, о которой и пойдет речь.

В те годы о «средовом» подходе в проектировании много рассуждали теоретики градостроительства, а практикующие архитекторы подсознательно чувствовали, что этот подход надо соблюдать, как правило хорошего тона. В реальной же строительной практике новые здания редко проектировались с оглядкой на соседство и по своим объемам, и по сти-

листике. Да, в проектных мастерских мы всегда чертили «развертки» по улицам (это было неотъемлемой частью проекта), но если надо было построить что-то яркое, большое или высокое, то забота о сложившихся панорамах и о застройке «под карниз» легко отступала на второй план.

Примеров тому нет числа. Самый яркий – Калининский проспект (Новый Арбат) – прямая магистраль, высотки которой смело прошагали по исторической застройке. Новое здание гостиницы на улице Горького тоже успешно «рвало» городскую ткань, оно бесцеремонно вторглось в застройку центра, высоко взметнувшись над крышами. Более того, здание далеко отступило от непрерывной линии застройки в глубину квартала, освободив перед собой неожиданно просторную площадку. И все это – в двух шагах от Кремля, с высоких точек Тверской улицы закрывая его стены!

Это был вызов. Сказать, что здание не пришлось ко двору – ничего не сказать. Творческая интеллигенция роптала, профессиональная пресса

наказала новостройку дружным молчанием, а острые на язык москвичи вскоре окрестили «зубом» (как чуть ранее проспект Калинина «вставной челюстью»). Темная, почти черная прямоугольная пластина с небольшими включениями цвета «морской волны» блеснула на солнце днем и светилась яркими окнами по вечерам.

Незванный гость явился к нам как чистейший образец архитектуры «международного стиля», новой для консервативного центра Москвы.

Рассказывали, что Н.С. Хрущев, побывавший в 1959 году в Соединенных Штатах Америки, мог подсказать своим подчиненным идею строительства нового отеля и даже его общий принцип – из стали и стекла, а уж те, как могли, донесли ее до архитекторов. Возможно, так оно и было, если вспомнить разгромное постановление Хрущева о борьбе с излишества-

ми в архитектуре. А может быть, эта история – из разряда апокрифов.

Так или иначе, но у «Интуриста» был точный американский прототип – здание по имени Левер-хаус в Нью-Йорке, построенное двумя десятилетиями раньше. «Интурист» очень похож на Левер-хаус во всем, и тут нет ничего предосудительного: оригинал сам провоцировал архитекторов на повтор, он был так знаменит, что еще до «Интуриста» его точные копии появились сначала в Анкаре, а потом в Париже и Берлине. Подобное заимствование вовсе не было плагиатом, как нельзя считать плагиатом бесчисленные реплики афинского Парфенона в тысячах и тысячах греческих и римских храмов, в портиках театров и музеев, русских дворянских усадеб и советских обкомов. Левер-хаус был опубликован во всех архитектурных журналах, вошел во все учебники по истории архитектуры как хрестоматийный образец международного стиля, пришедшего тогда на смену стилистическим блужданиям предшественников.

Москва, улица Горького. Фото 1978 г.

Это была эстетика индустриального общества, в основе которой лежал функционализм.

Она не скрывала своего утилитарного предназначения и желания экономить на излишествах. Отказ от декоративистских тенденций, решительный разрыв с контекстом, отрицание среднего подхода в проектировании были ее программными принципами.

Чистые геометрические формы, легкие и гладкие поверхности, чаще всего сплошь стеклянные, – вот те изобразительные средства, которыми архитекторы стали добиваться нового эффекта – почти античной простоты и монументальности. До тех пор в своих стилистических поисках они так долго топтались на месте, что приход международного стиля стал для всех глотком свежего воздуха.

Но, освободившись от множества формалистических догм, от наносных сопутствующих обременений академических стилей, международный стиль сам принес с собой новую неправду. Абстрактные навесные фасады без начала и конца представляли

собой новую графическую иллюзию. Высота зданий теперь могла быть любой и случайной, и ничто не напоминало ни о прочном основании дома, ни о венчающих элементах его фасада. Нельзя было даже понять, сколько у здания этажей, или пересчитать эти этажи, поскольку междуэтажные перекрытия были скрыты такими же стеклами, как и окна.

Кстати, в здании «Интуриста» для декорирования перекрытий и простенков между окнами применили стемалит – по сути, окрашенное стекло, материал столь же дешевый, как и алюминиевые профили-раскладки стеклянных элементов его фасадов. Опять советское строительство сэкономило на материалах, повторив ошибку авангарда 1920-х годов, когда дешевые несовершенные материалы и технологии обрекли гениальные фасады на короткую жизнь.

Между тем металлические элементы фасадов Левер-хауса были выполнены из нержавеющей стали, а в соседнем с ним небоскребе Сигрэм-билдинг руки Миса ван дер-Роэ и вовсе были отлиты из бронзы, которая живет вечно.

И все же в «Интуристе» с его классической монументальностью наиболее полно выразились все программные принципы международного стиля, и ни в одном другом здании в нашей стране они не были превзойдены.

Гостиница жила и работала, здание вызывало противоречивые отзывы, никого не оставляя равнодушным, хотя с годами даже самые яркие критики смирились с его вызывающим характером.

Шло время, жизнь быстро менялась. В стране сменилась экономическая формация, в советском прошлом остались золотые дни «Интуриста» с его валютными барами, нелегальной торговлей и «интердевочками». В городе начали появляться гостиницы более высокого уровня. В последнее десятилетие XX века Москву охватил строительный бум с его безудержным соревнованием инвестиций. И вот уже мэр Ю.М. Лужков объявляет здание на Тверской, 3 «гнилым зубом», запуская тем самым процесс его ликвидации. 6 ноября 2001 года под-

Демонтажные работы на гостиничном комплексе «Интурист». 2002 г. Фото: А. Катков, И. Табаков, ИТАР-ТАСС

писывается решение о ликвидации ГУП Гостиничный комплекс «Интурист». Последний постоялец вышел из гостиницы ровно в полдень 7 января 2002 года, и уже на другой день ее начали готовить к сносу. 560 работников были уволены, имущество описано и продано по остаточной стоимости другим отелям и ресторанам. Демонтаж здания растянулся на целый год. Было разрезано и вывезено примерно семь тысяч элементов конструкций.

«Интурист» стал первой крупной гостиницей, снесенной как памятник ушедшей эпохе. Впрочем, по иронии судьбы это должно было называться «реконструкцией со сносом всех строений». Несколько пожилых участников проектирования отеля «застали» этот снос. Если даже отложить в сторону эмоциональное отношение к случившемуся, акция была неслыханной с точки зрения логики и необъяснимой из экономических соображений: сносили крепкий, пригодный к использованию дом, приносящий в бюджет города около миллиона долларов в год. Однако давление новых денег оказалось сильнее всякой логики. Процесс сноса заинтере-

совал фотографов, трагические фотографии разоряемого и разрезаемого здания стали предметом выставки, которая прошла в Московском доме фотографии зимой 2002–2003 года. А еще вспоминается газетный заголовок тех дней: «Вот она была, и нету».

Тут уместно еще раз вспомнить об американском двойнике снесенного московского отеля.

Знаменитый прототип не только не рухнул под грузом новых инвестиций, напротив, в 1982 году его внесли в реестр архитектурных памятников, а в 1998-м – провели в нем дорогостоящую реставрацию.

Жаль, что так бесславно ушел из Москвы ее незваный модернистский гость, который вел напряженный диалог с контекстом. Тридцать три года жизни «Интуриста» – миг в истории. Его место давно занято роскошным отелем «Ритц-Карлтон», который живет в равнодушном стилистическом согласии со своими соседями.

Жаль и по другой причине. Сейчас, когда Правительство Москвы усиленно развивает гостиничную сеть горо-

да, делая акцент на гостиницах уровня «три звезды», очень востребованным оказался бы «Интурист», это как раз и есть его сегодняшний уровень.

На этом и закончилась бы грустная история дома на Тверской, 3, если бы жизнь не сыграла здесь свою мистическую шутку. Сразу после новоселья «Ритц-Карлтон» захотел расширяться, но, кроме как ввысь, расширяться ему было некуда. А поскольку было известно, что любая надстройка нарушит все ограничения и запреты по высоте, то два новых этажа попытались сделать «легкими», незаметными и прозрачными, насколько смогли.

Но, как в сказке про голого короля, новые этажи слишком хорошо видны, а ирония судьбы заключается в том, что они как две капли воды похожи... на верхушку «Интуриста»! На главном фасаде особенно ясно видно, как сквозь плотное и вязкое постмодернистское тело «прорастает» тот самый, снесенный здесь когда-то стеклянный кристалл. Так, через годы, старый «Интурист» посылает нам свой привет.

КОФЕ ПОДАНО

КОМПЛИМЕНТ ОТ ЗАВЕДЕНИЯ: СВЕЖАЯ ПРЕССА И «УМНОЕ, ОСТРОСЛОВНОЕ» ОБЩЕСТВО

Славу московского гостеприимства поддерживали не только первоклассные гостиницы города, но и знаменитые рестораны и трактиры, считавшиеся достопримечательностями Первопрестольной, посетить которые приезжему человеку было делом таким же обязательным, как посмотреть Царь-колокол или сходить в Большой театр. Самое необычное среди этих заведений и часто упоминаемое в художественной литературе – популярная в 1830–1850-е годы среди творческой интеллигенции кофейня Печкина или Бажанова. Она же – «Литературная кофейня». Афанасий Фет, который бывал здесь еще студентом в период учебы в Московском университете, писал: «Кто знает, сколько кофейня Печкина разнесла по Руси истинной любви к науке и искусству». Алексей Писемский называл ее «главным прибежищем художественных сил Москвы» и «самым умным и острословным местом».

«Павел Мочалов в кругу почитателей». Худ. Н.В. Неврев

Приют комедиантов

Держателем кофейни был, правда, совсем не купец Иван Семенович Печкин (он владел соседним большим трактиром по прозвищу «Железный»), а московский купец-ресторатор Иван Артамонович Бажанов, задумавший создать под боком у Театральной площади что-то вроде приюта комедиантов. Чаения актерской братии ему были знакомы, ибо его дочь была замужем за знаменитым премьером Малого театра Павлом Мочаловым.

Сам Бажанов до 1812 года торговал в Москве серебряной посудой, но пожар столицы превратил его в нищего. Тогда и задумал он новое дело – открыть мало распространенную тогда в Москве кофейню. Москвичи больше любили чай, но почитатели кофе тогда тоже водились, причем они готовы были ехать на другой конец города, чтобы насладиться колониальным напитком. Вот и завел Иван Артамонович кофейню, и не где-нибудь, а в самом центре Белокаменной.

«Кофейная», как говаривали в те времена, находилась на втором этаже ныне не существующего дома, выходящего углом на Воскресенскую площадь (современная площадь Революции). Посетители поднимались в нее по крутой и узкой лестнице. Состояло заведение из четырех комнат разной величины, включая билльярдную с мягкими диванами, и соединялось специальным переходом с трактиром Печкина, откуда и доставлялись заказанные кушанья. Сама же кофейня славилась своими пирожными, печеньем и вареньем. Виссарион Белинский спрашивал Михаила Бакунина в письме от 16 августа 1837 года из Пятигорска: «Ты уже не лакомишься у Печкина вареньями и сладенькими водичками?»

Но все-таки в кофейню приходили не есть и закусывать, а разговаривать на различные темы за чашечкой приятного кофе или чая – о последней театральной премьере, о литературной новинке, а еще почитать свежую прессу, выписываемую хлебосольным хозяином – газету «Северная

пчела», журналы «Отечественные записки» и «Библиотека для чтения», приносимые официантами («половymi») вместе с кофе. Когда кончалось кофе, принимались за шашки и шахматы, говорили, обсуждали, изрекали... Это был своего рода интеллектуальный клуб московской творческой и научной интеллигенции.

Критик Алексей Галахов вспоминал: «Обычные посетители делились на утренних, дообеденных, и вечерних, послеобеденных. Я принадлежал к числу первых, потому что компания тогда была интереснее. Собирались артисты и преподаватели, из которых иные сотрудничали в журналах – петербургских или московских. Тех и других сблизил двоякий интерес: театральный и литературный. Если тогда было еще немало театралов из числа лиц, преданных литературе, то и меж артистов находились искренно интересовавшиеся литературой. Достаточно указать на Щепкина и Ленского. Часто можно было встретить ранним утром Мочалова».

Пров Саловский в роли Подхалюзина (слева) в пьесе Островского «Свои люди – сочтемся». Правее: портрет М.С. Щепкина. Худ. Н.В.Неврев

Павел Мочалов: легко ли быть талисманом

Павел Мочалов именно в этой кофейне и познакомился со своей будущей женой – мещанской дочкой Натальей Бажановой. Однако прожили молодые недолго, свежее испеченная жена не удовлетворяла духовных запросов лицедея. «Пленившись лицом, я не заглянул в душу человека. И скоро нашел, что ошибся я!» – жаловался Мочалов в письме Грановскому. Мещане Бажановы, пусть даже со своей личной кофейней, стали для актера сущим испытанием. Тест-оходный рядец был по своим взглядам ярким поклонником Домостроя. А Павел Степанович привык к другой жизни – любил и покутить, и выпить. Творческая натура актера требовала эмоциональных потрясений, постоянно обновления чувств. И в 1822 году Мочалов бросает жену, увлекшись коллегой по сцене – актрисой Пелагеей Петровой, дочерью инспектора Театрального училища. Он уходит к той единственной, которая способна понять его. В новом неофициальном браке актер даже бросает пить. В кофейне он не появляется.

А Иван Бажанов не дремал, задумав вернуть зятя в семью (и в кофейню) любыми способами. Ведь многие специально приходили посмотреть на Мочалова, пьющего кофе в Охотном ряду. Актер был чем-то вроде талисмана заведения, а теперь этот талис-

ман потерялся. В 1826 году на исходе лета в Москву на коронацию пожаловал Николай I. Бажанов, конечно, даже не рассчитывал на такую милость – быть принятым самим государем. Самое большее, на что он мог надеяться, – прием у Александра Бенкендорфа, начальника III отделения Е.И.В. канцелярии, на котором он и пожаловался на актрису Петрову, обольстившую его зятя, попросив вернуть его в семью.

Иван Бажанов сумел разжалобить не только царского сатрапа, но и царя. Когда Николаю доложили, что от законной жены у актера был еще и ребенок, император расчувствовался. Меры были приняты незамедлительно, Бенкендорф вызвал Петрову и приказал ей разойтись с Мочаловым. После насильного возвращения к жене он вновь стал бывать в кофейне (а куда денешься!). Здесь он устраивал импровизированные репетиции новых постановок, нередко декламировал монологи из спектаклей. Внимали этому друзья артиста, среди которых был и Виссарион Белинский. После одного такого вечера критик написал: «Благодаря Мочалову мы только теперь поняли, что в мире один драматический поэт – Шекспир, и что только его пьесы представляют великому актеру достойное его поприще, и что только в созданных им ролях великий актер может быть великим актером».

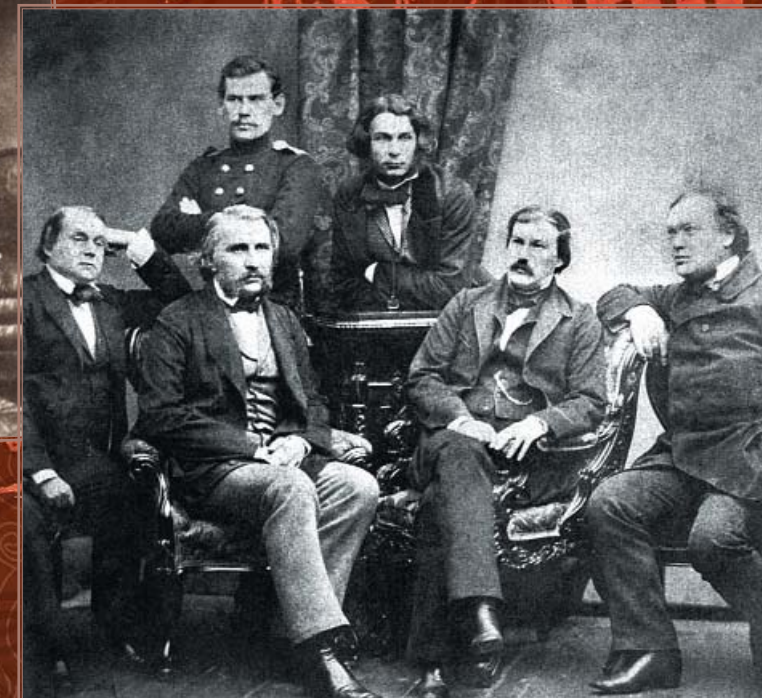
Пров Садовский – Александр Островский: актер нашел своего драматурга

В кофейне случались и другие встречи. Году в 1846-м здесь познакомился актер Малого театра Пров Садовский и мелкий чиновник московского суда Александр Островский. Садовский уже был довольно популярен у московской публики, он много и с успехом играл, а также слыл непревзойденным мастером устного рассказа. Благодарная аудитория всегда ожидала его в «Литературной кофейне», где он рассказывал свои знаменитые истории о Гамлете, о Наполеоне и о мужике под мухой. Его приходили послушать многие московские литераторы. Иван Тургенев отмечал: «У него много воображения и искреннего в игре, интонации и жестах, я почти никогда не встречал подобных по степени совершенства. Нет ничего приятнее, как видеть, что искусство становится природой».

За одним из таких рассказов Садовского и застал Островский. К тому моменту будущее «драматическое светило в русской литературе», как его называли критики, уже сочинило немало сцен из купеческого и мещанского быта. В проекте была первая комедия «Несостоятельный должник», впоследствии известная под названием «Свои люди – сочтемся!». Можно смело сказать, что в Охотном ряду актер

М.С. Щепкин (в центре) в роли Фамусова. Правее: Островский в кругу сотрудников журнала «Современник», 1856 год (сидят: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.В. Дружинин, стоят: Л.Н.Толстой, Д.В. Григорович)

и драматург нашли друг друга. Пров Михайлович стал первым актером Островского, открыв труппе Малого театра его творчество. Всего в первых двадцати восьми постановках пьес Островского Садовский сыграл двадцать девять ролей. А некоторые премьеры он играл в свой бенефис. В частности, пьеса «Бедность не порок» впервые была показана зрителям в январе 1869 года в Малом театре в бенефис Прова Михайловича, а «В чужом пиру похмелье» – в 1856 году и также в бенефис.

Познакомился Островский в кофейне и с еще одним интересным человеком – студентом Третьим Филипповым. Тот заявлялся всегда с гитарой, хорошо пел, поражая аудиторию глубоким знанием песенного народного творчества. Филиппов, вероятно, стал единственным завсегдатаем кофейни, у которого в дальнейшем сложится карьера не литератора или актера, а государственного деятеля: он займет высокую должность государственного контролера Российской империи, сенатора. Но музыка останется его вторым призванием. В своем министерстве Филиппов создаст хор из чиновников и сыграет решающую роль в судьбе Федора Шаляпина. Великий русский певец будет с благодарностью вспоминать о Третье Иване – «замечательном человеке» – на закате своей карьеры.

Среди завсегдатаев кофейни Островский заметил много чего выдавшего по городам и весям актера Ивана Горбунова, выступавшего с сольными устными номерами. Горбунову подражали, у него даже были двойники. Манерой исполнения он походил на Ираклия Андроникова. Островскому он послужил одним из прототипов героев пьесы «Лес». Кроме актерского таланта Горбунов обладал и литературными способностями: «Знаменитая кофейная Печкина продолжала еще существовать. Я в ней бывал. Постоянными посетителями ее были профессор Рудь, А.И. Дюбюк, П.М. Садовский и многие другие. Темою разговоров и споров была, разумеется, война. Пров Михайлович, патриот до мозга костей, спорил до слез.

– Побьют нас! – сказал Рамазанов (скульптор – А.В.).

Пров Михайлович вскочил, ударил кулаком по столу и с пафосом воскликнул:

– Побьют, но не одолеют.

– Золотыми литерами надо напечатать вашу фразу, – произнес торжественно П.А. Максин, – побьют, не одолеют. Превосходно сказано. Семен, дай мне рюмку водки и на закуску что-нибудь патриотическое, например, малосольный огурец.

– Извольте видеть, Иван Федорович, – сказал Пров Михайлович мне после, – как татары-то рассуждают!..

– Какие татары?

– А Рамазанов-то! Ведь он татарин, хоть и Санкт-петербургский, а все-таки татарин... Рамазан!..

Московские купцы, посещавшие кофейню, все группировались около Прова Михайловича и слушали его страстные речи...»

Иван Горбунов приходил в кофейню в 1854 году, в разгар Крымской войны, став свидетелем угасания ее значения как центра художественной жизни Москвы.

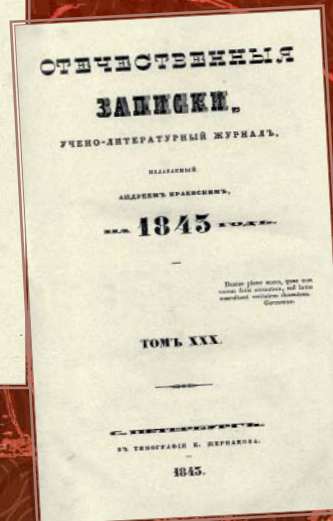
Сам Островский говорил о кофейне так: «Общество здесь делилось на две половины: одна половина постоянно говорила и сыпала остротами, а другая половина слушала и смеялась. Замечательно еще то, что в эту кофейню постоянно ходили одни и те же люди, остроты были постоянно одни и те же, и им постоянно смеялись».

Иван Тургенев: пятнадцатилетний завсегдатай

В 1840-е годы в кофейне часто можно было увидеть шахматные поединки между двумя общепризнанными гроссмейстерами, одним из которых был знаменитый профессор Дмитрий Матвеевич Перевошиков, выдающийся русский ученый, астроном и математик, преподававший в Московском университете с 1818 года, а с 1848 по 1851 годы исполнявший в

Вид императорского Петровского и Малого театра и его окрестностей в Москве. 1824-1825 гг. Р. Курятников по рисунку К. Брауна. Правее: Московский университет в 1830-е гг.

Иван Тургенев. 1838 год. Рисунок К.А. Горбунова. Праее: Обложки журналов, которые подавали в кофейне

нем должность ректора. Это был тот самый Перевоицков, что разбудил в Михаиле Лермонтове интерес к математике в период учебы поэта в благородном пансионе. Но с кем же сражался профессор за шахматной доской? Противником его был не менее подкованный в древней игре восточный человек по имени Кирюша, то ли выходец из Персии, то ли армянин. Кирюша обычно был одет в суконовый черный архалук с разрезанными рукавами. Он говорил по-русски с сильным акцентом, что, впрочем, не мешало ему обыгрывать Перевоицкова. В таких случаях он поднимал вверх руку (будто готовясь произнести тост) и провозглашал: «Тут без матэмастикэ не обойтись!» Нужно ли говорить, что шахматные турниры собирали в кофейне множество болельщиков.

Среди последних был и юный Иван Тургенев, в 1833 году пятнадцатилетним мальчиком поступивший на словесный факультет Московского университета. Он также ходил в кофейню поиграть в шахматы, увековечив позднее это свое занятие в повести «Несчастная»: «Я с ранних лет пристрастился к шахматам; о теории не имел понятия, а играл недурно...» А в рассказе «Петр Петрович Каратаев» мы и вовсе попадаем в особую атмосферу кофейни: «Спустя год после моей встречи с Каратаевым случилось мне заехать в Москву. Раз как-то, перед обедом, зашел я в кофейню, находящуюся за Охотным рядом, — оригинальную, московскую кофейню. В бильярдной, сквозь волны ды-

ма, мелькали раскрасневшиеся лица, усы, хохлы, старомодные венгерки и новейшие свитославки. Худые старички в скромных сюртуках читали русские газеты. Прислуга резво мелькала с подносами, мягко ступая по зеленому коврикам. Купцы с мучительным напряжением пили чай».

А не раз упомянутый современниками профессор биологии Карл Рудольф писал у Печкина свою знаменитую диссертацию «О геморрое», после успешной защиты которой получил степень доктора медицины. Рудольф — основоположник отечественной экологии, создавший российскую научную школу зоологов, ярким представителем которой был знаменитый путешественник и ученый Николай Северцов. Последний вспоминал, что порою студенты Московского университета, «собравшись на лекцию Рудольф, не находили его в аудитории и, посоветовавшись друг с другом, шли отыскивать профессора в кофейной Печкина, где находили Карла Францевича за кружкой пива и с трубкой. Рудольф объявлял, что так как аудитория в сборе, то нечего идти в университет, и начинал свою очередную лекцию-беседу, всегда живую и талантливую».

Александр Герцен, Николай Кетчер: фейерверки оригинальных воззрений

Александр Герцен, как вспоминал очевидец, всякий раз в кофейне собирал около себя кружок и «начинал

обыкновенно расточать целые фейерверки своих оригинальных, по тогдашнему времени, воззрений на науку и политику, сопровождая все это пикантными захлестками». Чаще всего он появлялся здесь с друзьями — Николаем Огаревым и Николаем Кетчером, и тогда они присаживались за отдельный столик. Им было о чем поспорить за чашечкой ароматного напитка — да хотя бы о Шекспире, все пьесы которого перевел на русский язык Кетчер. Не все коллеги приняли его интерпретацию, а Сергей Соболевский даже откликнулся эпиграммой:

*Вот и он, любитель тира
И знаток шампанских вин, —
Перепёр он нам Шекспира
На язык родных осин.*

Критик Галахов писал: «Если справедливы слова Фамусова, что «на всех московских есть особый отпечаток», то об Кетчере (Николае Христофоровиче) следует сказать, что из всех жителей древней столицы он выдавался по преимуществу, был архимосквичем, разумеется, не в том смысле, какой придавал этому слову Фамусов. Только в Москве жилось Кетчеру прилично, только здесь он чувствовал себя как дома...»

Легенды о архимосквиче Кетчере подпитывались его гастрономическими пристрастиями, реализуемыми в кофейне. Если другие пили кофе, то он в летний день лакомился мороженым. Половые уже знали, что принести ему после — кусок ветчины. Александр Герцен объяснял это так: «Чему же вы, господа, удивляетесь? Разве вы

не видите, что Николай Христофорович — отличный хозяин: он сначала набьет свой погреб льдом, а потом начинает класть в него съестное».

В четвертой части своего романа «Былое и думы» Герцен увековечил Кетчера и любимую ими кофейню: «Мне приходится говорить о Кетчере опять, и на этот раз гораздо подробнее. Возвратившись из ссылки, я застал его по-прежнему в Москве. Он, впрочем, до того сросся и сжился с Москвой, что я не могу себе представить Москву без него или его в каком-нибудь другом городе. Как-то он попробовал перебраться в Петербург, но не выдержал шести месяцев, бросил свое место и снова явился на берега Неглинной, в кофейной Бажанова проповедовать вольный образ мыслей офицерам, играющим на бильярде, поучать актеров драматическому искусству, переводить Шекспира и любить до притеснения прежних друзей своих. Правда, теперь у него был и новый крут, то есть крут Белинского, Бакунина; но хотя он их и поучал денно и ночью, но душою и сердцем все же держался нас».

Александр Бантышев: Боже, храни талант

Специально приходил поиграть на бильярд в кофейне солист Большого театра Александр Бантышев, которого называли «московским соловьем». Катал он шары превосходно, часто играл на деньги, много выигрывал, а затем угощал всех присутствующих счастливых за свой счет и шампан-

ским, и хорошей закуской. После удачной бильярдной партии, бывало, он брал в руки гитару, и тогда все, находящиеся в кофейне, замолкали. И начинался импровизированный концерт, особой популярностью пользовались «На заре ты ее не буди» Варламова (композитор сочинил этот романс по заказу самого певца) и «Соловей» Алябьева. Бантышев неоднократно бисировал. За пределами кофейни репертуар Бантышева был более серьезным. Он стал одним из первых исполнителей гимна «Боже, царя храни!» Львова.

Бантышев — настоящий русский самородок, самоучка. Нот не знал, всю жизнь разучивал оперные партии на слух. Нигде не учился, служил писцом в Опекуновском совете, пока композитор Александр Верстовский не посоветовал ему сменить профессию. Но отпускать Бантышева из писцов начальство не хотело, а он настаивал. И тогда его уволили с отрицательной характеристикой. В своего рода трудовой книжке того времени — аттестате — было написано, что Бантышев поведения «неблагонадежного». Лишь вмешательство генерал-губернатора Москвы князя Дмитрия Голицына спасло дело. В 1827 году в Большом театре появился новый солист, быстро завоевавший признание у публики.

Алексей Писемский: где пили кофе «Масоны»

Значительный вклад оставила кофейня в творчестве Алексея Писем-

ского, сделавшего ее местом действия своего романа «Масоны». Писемский еще студентом бывал здесь чуть ли не ежедневно со своими приятелями по университету. Из романа мы узнаем и о том, кто еще бывал в кофейне, кроме, собственно, литераторов и актеров. Это и «отставный доктор, выгнанный из службы за то, что обыграл на бильярде два кавалерийских полка», и чиновник, который надеется здесь «придать себе более светское воспитание», и франтоватый господин, камер-юнкер, про которого государь Николай I сказал князю Д. Голицыну: «Как тебе не совестно завертывать таких червяков, как в какие-нибудь коконы, в камер-юнкерский мундир!»

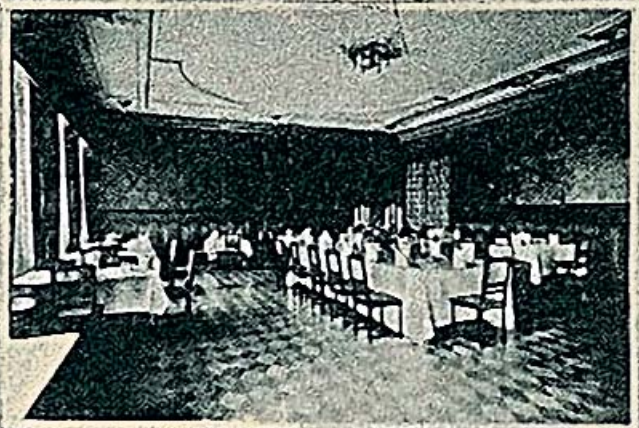
Вся эта публика посещала кофейню в надежде хотя каким-нибудь боком приткнуться к культурному обществу, был даже свой частный пристав, состоявший на дружеской ноге с актерами и этой дружбой дороживший. Ну а если есть пристав, то как же обойтись без его подопечных. Карточные шулера также сидели тут, как и ростовщики, присматривавшие среди посетителей кофейни будущих жертв. Иными словами, гоголевский Хлестаков вполне мог бы похвастаться перед внимавшей ему аудиторией, что вот, мол, в «Литературную кофейню» хожу, и если уж не с Пушкиным на дружеской ноге, то со всем Малым театром точно. И ему бы поверили.

К концу 1850-х годов кипучая деятельность «Литературной кофейни» сошла на нет. Потух очаг культуры и просвещения.

Лоскутная гостиница.

Москва.

Hôtel Loskoutnaia
Moscou.Текст:
Александра Шапиро

«ЛОСКУТНОЙ ГОСТИНИЦЫ СТАРОЕ ЗДАНИЕ»

СОХРАНИЛОСЬ ЛИШЬ В МЕМУАРАХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

На теперь уже не существующем участке Тверской улицы от здания Исторического музея до отеля «Националь» находилась гостиница «Лоскутная», которую Достоевский, Бунин, Гиляровский называли самой лучшей и комфортной в Москве. Ее название, атмосфера и уклад почти полвека служили символом традиций первопрестольного гостеприимства – по-барски широкого, степенного.

Колорит московской старины

«Против ворот Охотного ряда, от Тверской, тянется узкий Лоскутный переулок, переходящий в Обжорный, который кривулил к Манежу и к Моховой...» – читаем у Гиляровского. Оба переулочка назывались по «специализации» рядов знаменитого старинного Охотного торгового двора: например, в Лоскутном продавали остатки сукна, драпа, меха. С середины XIX века в связи с застройкой Лоскутный переулок начал раздваиваться, получая разные названия: Большой Лоскутный, Малый Лоскутный, Тупой Лоскутный, Лоскутный тупик.

В 1858 году Иван Федорович Мамонтов, известный купец и предприниматель, отец Саввы Мамонтова, купил большое владение по «лоскутным и железным рядам» с несколькими домами. В одном из них располагался «Лоскутный трактир», несмотря на «неаристократическое» месторасположение пользовавшийся популярностью у богатых представителей дворянско-купеческой Москвы. Славился трактир также и своей билльярдной.

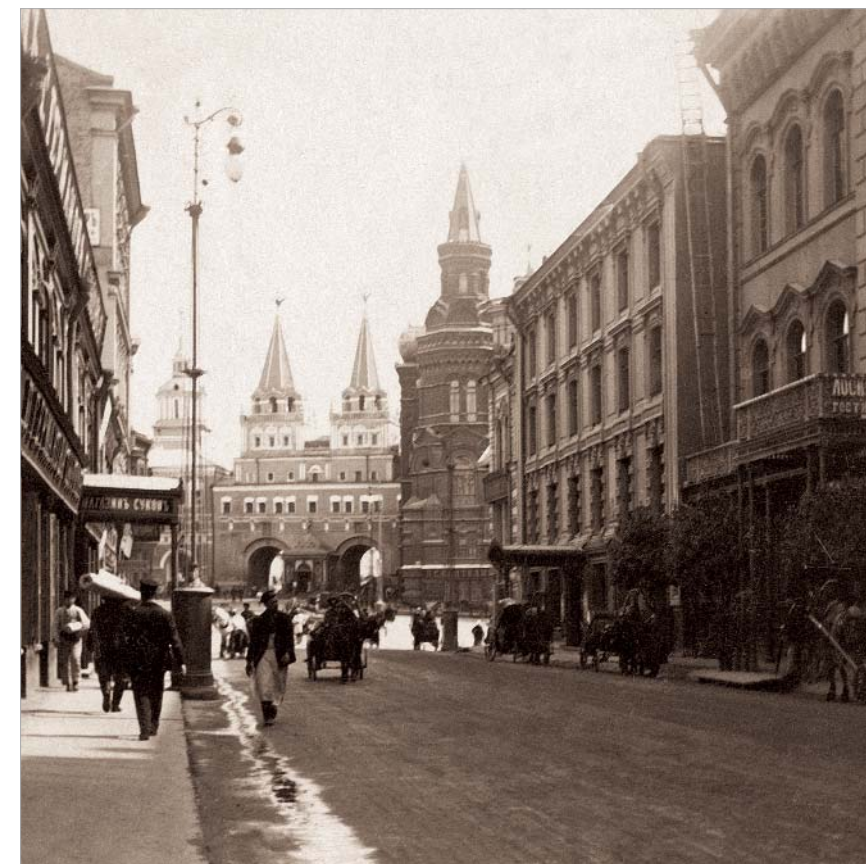
Со временем в здании «Лоскутного» трактира по адресу Тверская, дом 5 (сейчас на этом месте вход в ТК «Охотный ряд») устраивается гостиница.

Точную дату постройки назвать трудно. По крайней мере, в «Путеводителе по Москве и ее окрестностям» 1872 года, в разделе «Гостиницы», уже можно прочесть: «Мамонтова (Лоскутная). На Тверской, д. Мамонтова. Обед – недурен. Вина хорошие: от Депре и Бауера. Цена обедам: 1р., из 4-х блюд 1 р. 50 к. Цена №№ в сутки: от 1 р. до 15». Между тем по воспоминаниям, на фронтоне угла гостиницы была надпись: «1877»...

Согласно изложенной в мемуарной литературе легенде владельцы хотели дать гостинице пышное, «европейское» название, нечто вроде «Националь» или «Селект». Но историк Кос-

М.Е. Попов, 1880-е гг.
Фото из книги «Суконщики Поповы»

Здание «Лоскутной» (справа) 1910-х гг.

томаров уговорил сделать гостиницу «Лоскутной», чтобы сохранить в названии старый московский топоним. Однако думаем, что Костомаров здесь назван ошибочно. Скорее всего, это был Михаил Петрович Погодин, историк, публицист, издатель и коллекционер, друживший с Иваном Федоровичем Мамонтовым и пользовавшийся большим авторитетом в московской купеческой среде.

Принято считать, что автором проекта «Лоскутной» стал архитектор Александр Степанович Каминский, много работавший для купеческой элиты. Новый корпус, примыкавший к старому темно-серому оштукатуренному зданию, был выстроен в «русском стиле», из «какого-то особенного» красного кирпича, украшен «рисунчатými изразцами». Вдоль темно-серого фасада шел балкон с ажурными чугунными решетками, средняя, выступающая его часть служила козырьком над парадным входом в гостиницу. Летом на балкон выставляли кадки с фигурно обрезанными лавровыми деревьями.

Гостиницу – три этажа, 150 номеров – оформили с размахом. Лестни-

цы были выполнены из каслинского литья. Обтянутая темно-красным шерстяным бархатом мебель из ясеня – от известного фабриканта Шмита, поставщика Двора Его Императорского Величества, выполнившего гарнитуры для Большого Кремлевского дворца. Стены в дорожных номерах отделаны дорогими же обоями.

«Велось дело чисто по-барски»

«В 1880 году Мамонтовы гостиницу продали. Иван Федорович Мамонтов скончался еще в 1869-м, так что некоторые мемуарные источники связывают факт продажи «Лоскутной» с Кириллом Николаевичем Мамонтовым, разорившимся племянником Ивана Федоровича.

Покупателем выступил коммерции советник Максим Ефимович Попов, владелец Ивановской суконной фабрики под Воскресенском (современный город Истра), личность в торгово-промышленном мире весьма известная и уважаемая. Так, он был церковным старостой Успенского собора Московского Кремля – на долж-

ность эту избирали только именитых купцов.

Став хозяином «Лоскутной», Попов закрыл знаменитую билльярдную «Лоскутного» трактира, разместив в ее помещении оптовое отделение своей суконной торговли.

Гостиница поддерживала возможно высокий для того времени уровень комфорта, считаясь хорошо и даже богато обустроенной. В одной из первых в Москве в ней появился телефон. Даже один номер на все заведение считался роскошью, за которую владельцы платили 250 рублей в год. Для встречи и проводов гостей на вокзале держали два омнибуса, рассчитанные на шесть-восемь человек. По традиции с омнибусом выезжал кондуктор, в чьи обязанности входило выкрикивать у прибывшего поезда название гостиницы. В 1887 году «Лоскутная» в числе первых поставила на свои омнибусы (на тот момент уже четырехместные, с парой лошадей) резиновые шины.

«Ресторанного дела» при гостинице владельцы не развивали. Столовая в «Лоскутной» была небольшой, но по обложению налогами считавшейся

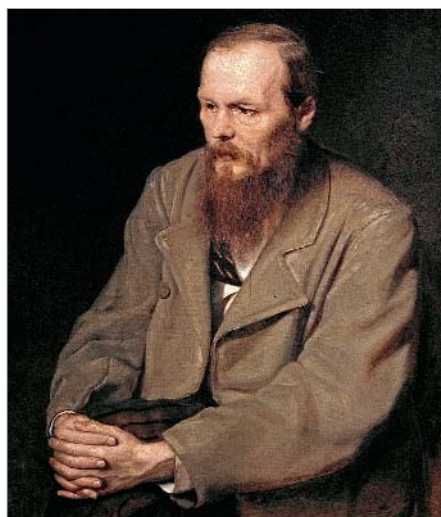
С.А. и Н.А. Поповы, 1915 г.
Фото из книги «Суконщики Поповы»

рестораном первого разряда. Поваров здесь держали отличных, готовили из «первоклассной провизии», подавали хорошие французские вина. Именно из «Лоскутной», а не из прославленного трактира Тестова ко двору московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича заказывали заливных поросят.

О стиле управления и атмосфере гостиницы можно узнать из воспоминаний одного из внуков Максима Ефимовича. «Велось дело чисто побарски в хорошем значении этого слова. Большинство гостиниц находилось в Москве в руках арендаторов, всячески старавшихся извлечь из ведения дела побольше дохода, что многим и удавалось. В «Лоскутной» хозяева не находились постоянно на деле – их заменяли солидно поставленные и хорошо оплачиваемые управляющий, его помощник, конторщик, паспортист, приказчик по дому, заведующий буфетом и его помощник. Вот это-то «барское» ведение дела, отсутствие поползновений высосать как можно больше от постояльца, «сделать счет», старание придать своему учреждению уют и покой создали совершенно особую репутацию какой-то «семейной» гостиницы».

Подобная политика имела успех. Появились постоянные клиенты, преимущественно из числа крупных коммерсантов, помещиков, предводителей губернских дворянств, приезжающих в первопрестольную по делам. «Часто наезжающим», как правило, предоставляли расположенные на первых двух этажах гостиницы дорогие номера с серебряными столовыми приборами от Фаберже. Обслуживающий персонал, уже хорошо знавший привычки завсегдатаев, старался всячески им угодить. Благодарные гости отвечали на такую заботу многолетней преданностью «Лоскутной», несмотря на то что в Москве открывались новые гостиницы с большим комфортом. «Случайную» же публику селили на дешевом третьем этаже, с льняным постельным бельем и сервировкой из «альпаки-серебра» фабрики Артура Круппа.

Ф.М. Достоевский. Худ. В.Г. Перов

Н.А. Римский-Корсаков. Худ. И.Е. Репин

Многие москвичи из числа друзей и хороших знакомых владельцев езжали в «Лоскутную» отдохнуть и «поболтать». Например, известный адвокат Федор Никифорович Плевако, любил сидеть на установленном на площадке первого этажа «турецком» диване и наблюдать за жизнью гостиницы.

Любители «пожить»

«Причуд и капризов у русской путешествующей публики было много, особенно была характерна любовь поторговаться. За подачу самовара в номер контора ставила квартиранту в счет 20–25 копеек, и вот при оплате счета квартирант, почти исключительно купец, требовал, чтобы ему скинули половину самовара. Конечно, это по всей сумме счета составляло гроши, но постояльцу скидка приятна – ему оказали «почтение», его «уважили». (Из уже упоминавшихся выше мемуаров).

Некоторые гости любили «пожить», то есть побезобразничать. Одним из таких был нижегородский миллионер Митрофан Михайлович Рукавишников. Известная на всю Россию династия Рукавишниковых, купцов и заводчиков, приглашавших для строительства своих особняков и торговых домов Бойцова и Шехтеля, славилась еще и благотворительностью, меценатством. И Митрофан Михайлович был, пожалуй, наиболее щедрым. Однако, инвалид с детства, он, очевидно, болезненно переживая свою физическую неполноценность, вел себя, мягко говоря, экстравагантно. В Москве его даже перестали пускать в загородный ресторан «Стрельна» – традиционное место широких купеческих кутежей. В «Лоскутной» он жил подолгу в самом дорогом, состоящем из трех комнат номере. «Как-то выразил желание купить всю обстановку этого номера, ссылаясь на то, что очень к ней привык. Конечно, контора ему отказала, заявив, что мебелью гостиница не торгует». В конце концов после очередной скандальной выходки администрация потребовала у Рукавишникова немедленно выехать из

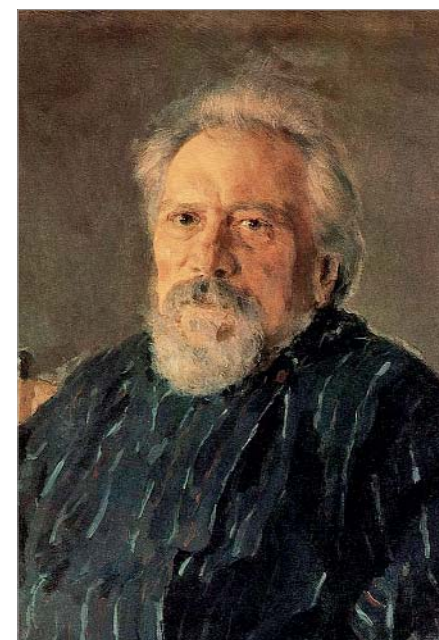
гостиницы и «навсегда забыть о ее существовании».

По словам владельцев, «много приходилось возиться с вносившим большой диссонанс в мирное течение жизни «Лоскутной» пьянствовавшим писателем Куприным»...

«Останавливались все писатели по традиции»

В «Лоскутной», на протяжении всего времени ее существования считавшейся самой дешевой из первоклассных комфортабельных гостиниц, гостило много русских литераторов.

Как правило, большую часть зимы здесь проводил Петр Дмитриевич Боборыкин. Несколько дней жил Федор Михайлович Достоевский, приехавший на празднования по случаю открытия памятника Пушкину. Приведем выдержку из его писем к жене. «Лавров сказал, что самая лучшая и комфортная гостиница в Москве – «Лоскутная» (на Тверской, сейчас близ площади, где Иверская Божия Матерь)... В «Лоскутной» все занято, но мне отыскали № в 3 р., очень порядочно меблированный, но окнами выходящий во двор и в стену, так что думаю, что завтра будет темно». Дальше история развивалась так. На следующее утро к Достоевскому явился управляющий гостиницей, «еще молодой человек, имеющий вид образованного господина, и нежным голосом предложил» ему перебраться в другой номер, «несравненно лучше» прежнего. О разнице в цене ничего сказано не было, и писатель, немного подивившись, «как такой хороший № ходит по той же цене», с охотой переехал. Затем Достоевский узнал, что «стоит» и «столуется» он в дорогом номере за счет Думы – как и все приглашенные на открытие памятника гости и родственники поэта. К слову, племянник Пушкина, Лев Николаевич Пушкин, давний знакомый Федора Михайловича, также жил в «Лоскутной». Щепетильный Достоевский не хотел принимать от Думы ни «квартиры», «ни содержания». Однако под давлением организаторов праздника и администрации

Н.С. Лесков.
Худ. В.А. Серов.

гостиницы, уверявших, что своим отказом он «оскорбит не только Думу, но весь город Москву», уступил. Но стал «нарочно ходить обедать в рестораны, чтоб по возможности убавить счет, который будет представлен гостиницей Думе». Владельцы гостиницы в память о Достоевском «особенно хорошо отделали» № 33, где жил писатель, и повесили в нем его большой портрет.

В апреле 1887-го Николай Семенович Лесков сообщит в письме Льву Николаевичу Толстому: «Я выезжаю в Москву завтра, 19-го апреля, и остановлюсь в Лоскутной гостинице».

Приезжавший в Белокаменную осенью 1893 года «по литературным делам» Иероним Иеронимович Ясинский напишет позже в мемуарах: «В Москве мне пришлось остановиться там, где останавливались все писатели по традиции, в «Лоскутной» гостинице, и номер мой пришелся как раз против номера, где остановился Чехов». В этот период пребывания в «Лоскутной» Чехов написал рассказ «Черный монах».

В 1905 году Андрей Белый познакомился здесь с первой женой Асей (Анной Алексеевной) Тургеневой, двоюродной внучатой племянницей Ивана Сергеевича Тургенева.

Частым гостем был Иван Алексеевич Бунин. В 1915-м, случайно встретив бывшего лакея из «Лоскутной», отметит, что тот «жалует о ней – привык в кругу литераторов жить». Сам писатель, создавая в эмиграции свои «Темные аллеи», упомянет гостиницу в новелле «Генрих».

Бытописатель Москвы Владимир Алексеевич Гиляровский, рассказывая в «Трущобных людях» об известнейшем невероятном авантюристе, бывшем корнете Савине, напишет: «...Явился в Москву прилично одетым, с ручным багажом и прямо, по старой привычке, отправился в одну из лучших гостиниц, Лоскутную, где занял хороший номер, спросил книгу для приезжающих и преважно расчеркнулся».

В автобиографической «Повести о жизни» Константина Георгиевича Паустовского описывается «большой

И.А. Бунин

П.В. Боборыкин. Портрет из журнала «Нива»

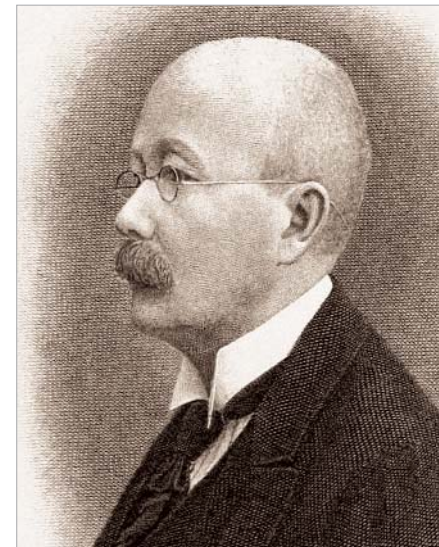

Фото 1920-х гг.: гостиница – второе здание справа.

Фото 1930-х гг.: «Лоскутная» (слева) рядом с новой гостиницей «Москва»

двойной номер» гостиницы, где «было темно от тяжелых занавесей и ковров».

Справедливости ради отметим, что среди гостей «Лоскутной» были и музыканты, и композиторы. Один из управляющих гостиницы, Сергей Петрович Белановский, большой любитель музыки, дружил и переписывался с Николаем Андреевичем Римским-Корсаковым. И в гостинице «ухаживал за ним прямо как за маленьким ребенком».

«Наследники Попова»

В 1896 году Максим Ефимович Попов скончался. После некоторых неприятных семейных перипетий с наследством владельцами «Лоскутной», после учреждения Товарищества «Лоскутной» гостиницы наследников А.М. Попова», стали два его внука, Сергей и Николай Александровичи Поповы. Молодые, едва за двадцать, братья не предполагали, что им придется управлять одной из крупных гостиниц Москвы. Именно мемуары Сергея Александровича, широко цитирующиеся в этой статье, сохранили до наших дней историю «Лоскутной».

Но как бы то ни было, с новым поколением «Лоскутная» изменилась к лучшему. Чтобы конкурировать с «Континенталем», «Метрополем», «Варваринским подворьем», «Боярским двором» и так далее, нужно было соответствовать требованиям времени.

Гостиницу подключили к канализации. По совету инженера-механика Роберта Эрнестовича Эрихсона, брата архитектора Адольфа Эрихсона, построили собственную «электрическую станцию». Новейшее оборудование выписывали из-за границы. Установили лифт от Берлинского машиностроительного завода «Карл Флор» – как во дворцах великих князей и в здании Государственного совета. Появилась телефонная подстанция, позволившая снабдить аппаратами все комнаты и организовать сообщение внутри гостиницы, например, между номерами и буфетом. Заменяли вышедшую из моды мебель.

Андрей Белый с женой Асей Тургеневой

Пожертвовав площадью нескольких номеров, расширили бывшую столовую и увеличили читальню. Видимо, именно для этих работ Поповы приглашали Федора Осиповича Шехтеля, приходившегося им дядей (мать братьев и жена архитектора были сестрами). Проектные чертежи утвердили в Городской управе в апреле 1901 года. За строительными работами наблюдал помощник Шехтеля – архитектор Александр Антонович Галецкий.

Для ресторана стали выписывать из Бордо бочки с ходовыми сортами вин. Сергей Александрович привез из Парижа лиможский сервиз на 100 персон, канделябры от «Кристофль».

При «Лоскутной» открылась парикмахерская, снискавшая популярность не только у гостей.

Правда, «прислугу», владеющую иностранными языками, так и не наняли. Поэтому за время существования «Лоскутной» гости из-за рубежа останавливались здесь всего два раза.

Социальной защищенности работников гостиницы и ресторана (всего около ста человек) надо отдать должное. Став владельцами, молодые Поповы ввели восьмичасовой рабочий день. Почти весь персонал жил при гостинице в отдельных комнатах, пользовался специально обустроенной кухней, столовой, комнатой отдыха, библиотекой. Медицинскую помощь при необходимости оказывал поселившийся в «Лоскутной» еще студентом доктор, услуги которого оплачивались администрацией. Сотрудники получали приличное жалование, позволявшее некоторым отдавать детей в гимназию и иметь собственную недвижимость.

Конец «Лоскутки»

После 1917 года национализированную гостиницу передали в ведение Комиссариата по морским делам и назвали «Красный флот». Затем ее превратили в общежитие ЦК РКП (б), обитатели которого фамильярно называли известный отель Москвы «Лоскуткой». В 1938 году из-за строительства метро и реконструкции Манежной площади снесу подверглись здания целого квартала. В том числе и «Лоскутная». Лоскутный переулок вошел в объем вновь созданной Манежной площади.

По счастью, революция и экспроприация гостиницы не стали для братьев Поповых крахом. Николай продолжил, а Сергей начал заниматься тем, чем вместе с еще одним купеческим сыном, Станиславским, увлеклись в юности, – театром. Бывший директор «Лоскутной», отдавшей ей двадцать лет жизни, Сергей Александрович Попов (1873–1942) станет театральным деятелем, научным сотрудником Бахрушинского музея, а Николай Александрович (1871–1949) – заслуженным режиссером, драматургом, историком театра, педагогом.

М

Н

Археологическая экскурсия

МОСКВА-РЕКА

С ГЛАВНЫМ АРХЕОЛОГОМ ГОРОДА ЛЕОНИДОМ КОНДРАШЕВЫМ ПО МОСКВЕ-РЕКЕ

Реки традиционно играли ключевую роль в заселении средней полосы России. С древности по речным артериям шла колонизация местности, а потом поддерживались торговые коммуникации. Река давала воду, пищу и прохладу. Не удивительно, что многие памятники археологии расположены около воды, и рассказ о древнем прошлом нашего города интересней всего выслушать с воды.

В плавание отправляемся от пристани около Киевского вокзала. Теперь такие водные экскурсии доступны круглогодично, а в зимних есть особая романтика и красота. Гиды на экскурсионных судах, как правило, опытные, но рассказывают в основном про памятники архитектуры и истории. Мы же сосредоточимся на объектах археологии.

Дрогомилово, Ростовские набережные, Новодевичий монастырь

Сразу по отправлении по обоим берегам мы видим плотно застроенные берега: справа – здание Киевского вокзала, промышленные территории, слева – жилая застройка. Ранее это были порожние, но очень значимые земли. Именно здесь в XIV веке проходила Большая Смоленская дорога. Недалеко от устья Сетуни дорога поворачивала от поймы на другой берег (здесь была устроена переправа). В район села Дрогомилово, на место современного Кутузовского проспекта, Смоленская дорога сместится только в XVI веке.

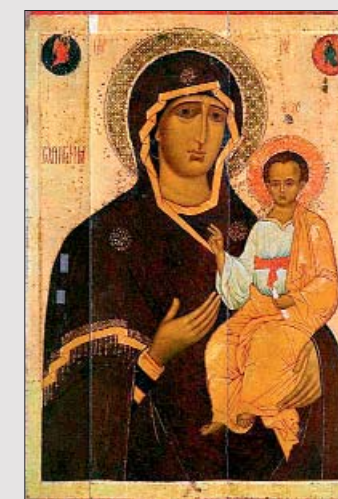
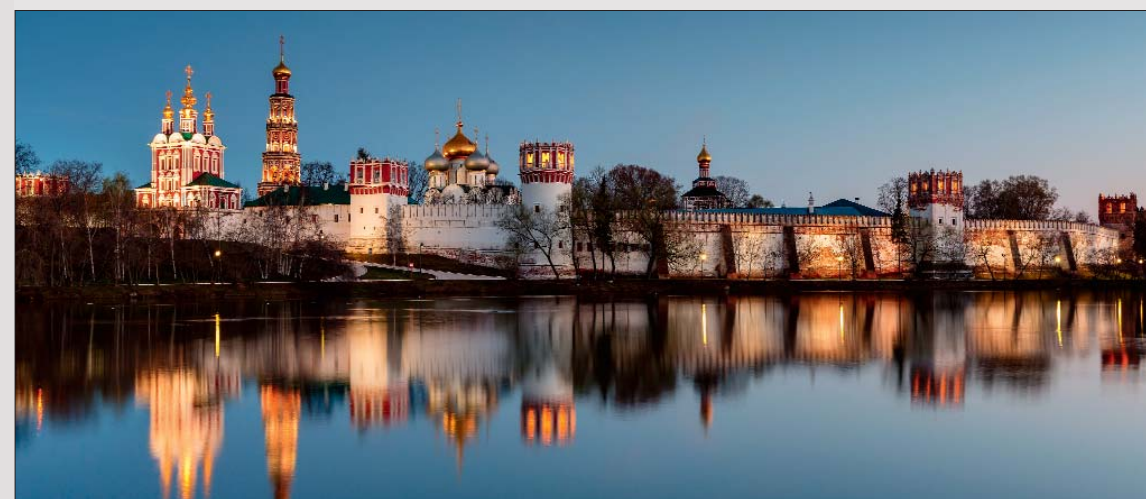
В 1524–1525 годах здесь на возвышенном месте был выстроен Новодевичий монастырь. Василий III дал обет поставить его еще в 1514 году, когда русские войска после нескольких безуспешных попыток и долгой осады взяли Смоленск. Но работы начались только после окончания длившейся почти десять лет войны и за-

ключения в 1522 году перемирия, по которому Смоленск остался за московским государем. Предание четко связывает основание монастыря с переправой на Смоленской дороге: именно здесь в 1456 году москвичи прощались с главной смоленской святыней – чудотворной иконой Богоматери Одигитрии, которая более полувека находилась в Москве. По просьбе смоленского епископа великий князь Василий Васильевич Темный вернул икону в Смоленск. Этому событию было придано большое значение: с чудотворной иконы сделали копию, которая должна была остаться в Москве. Затем оба образа, подлинник и «список», торжественно повезли по старой Смоленской дороге до переправы, возле которой позднее и встал Новодевичий монастырь. После молебна древнюю чудотворную Одигитрию «отпустили» в Смоленск, а «список» вернули в Кремль. Оттуда в 1525 году его также торжественно перенесли во вновь созданную обитель, посвятив ей соборный храм.

Монастырь первоначально предназначался для женщин самых знатных фамилий. В отличие от девичьих монастырей – Вознесенского в Кремле, Рождественского близ Неглинной и Алексеевского на Остожье, известных с XIV века, – его стали называть Новодевичьим (одно из наиболее ранних названий обители – «Богородице-Смоленский монастырь на Лугу», «что на Дорогомилове», позднее – «на Девичьем поле»).

К сожалению, на территории монастыря проводились только локальные археологические раскопки, которые в целом подтвердили достоверность основных дат строительных периодов. Тем интересней оказались раскопки исчезнувшего и ныне практически неизвестного храма Усекновения главы Иоанна Предтечи у Новодевичьего монастыря – одного из самых древних приходских в Москве.

В документах XVI–XIX веков церковь называлась храмом Иоанна Предтечи у Новодевичьего монастыря, на Кочках, в Царицынской слобо-

Новодевичий Богородице-Смоленский монастырь

Справа: Богоматерь Одигитрия Смоленская. Ярославль. 1564 г. Ярославский историко-архитектурный и художественный музей

де. Согласно летописным сведениям, основание этой церкви относится к правлению Василия III, к 1525 году, то есть к заложению Новодевичьего монастыря.

Храм располагался за чертой монастыря, у его восточного угла. Наиболее вероятно, что первоначально он был деревянным. В рукописи Александровского есть следующее объяснение строительству особого храма вблизи монастырских стен: «Нужда в приход-

ской церкви при женском монастыре объясняется тем, что свадеб и крестин совершать в иноческих обителях не принято, а тут священник был белый». При монастыре возникла слобода служителей (Царицынская слобода), приходским храмом которой и стала церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи.

Сведений о времени перестройки храма в камне не сохранилось. Дошедшие до наших дней немногочис-

ленные изображения памятника позволяют исследователям единодушно относить его к числу шатровых храмов XVI столетия.

Во время войны 1812 года в Новодевичьем монастыре был размещен на постой контингент французских солдат. Монастырь лично посещал Наполеон, который (возможно, из тактико-оборонительных соображений) отдал приказ взорвать его. Это распоряжение было исполнено в сентябре

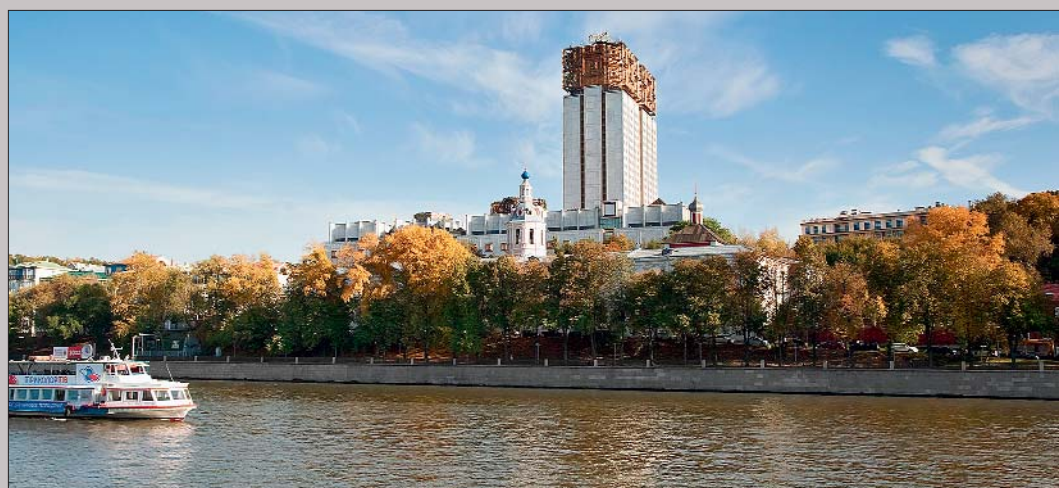

Новодевичий монастырь. Гравюра Петра Пикарта (приписывается также Иоанну фон Бликланду). Нач. XVIII в. Общий вид и фрагмент с церковью Усекновения Главы Иоанна Предтечи

1812 года. Точные обстоятельства сообщает настоятельница монастыря игуменья Мефодия: «25 числа приехал и сам Наполеон... Осматривал весь монастырь, ...потом отдал приказ... против Святых ворот устроить батарею... Также и приходскую церковь Иоанна Предтечи, побив стены, взорвать: все сие и было, по приказанию его, выполнено».

После завершения заграничного похода русской армии в 1814 году все годные для строительства материалы, оставшиеся на месте развалин церкви, были использованы купцом С.А. Малюковым для возведения нового храма Святых Отцов Седьмого Вселенского собора на новом месте: на участке примерно в 150 м к северо-западу от места разрушенной церкви.

Тем важнее и интереснее стало проведение разведывательных археологических работ с целью определения местоположения древнего храма: сохранность руин и даже их наличие оставались фактором абсолютно неизвестным. Во время работ была обнаружена часть траншей от фундаментов искомой церкви, достаточная для локализации ее исходного расположения на местности, а также часть церковного кладбища и незначительные участки палеогрунтов.

Мамоново городище

Далее на правом берегу, под зданием Президиума Академии наук, имеющего в народе «золотыми мозгами», там, где теперь проходит трасса Третьего транспортного кольца, расположены практически скрытые остатки уникального памятника археологии, относящегося к удивительной археологической Дьяковской культуре, современнице древневосточных и античных цивилизаций, – Мамоново городище. Дьяково городище, давшее название этой археологической культуре, находится в музее-заповеднике «Коломенское», ранее относившемся к дворцовому селу Дьяково.

Впервые Дьяково городище получило научную известность благодаря серии публикаций, подготовленных М.Н. Погодиным, в которых увидели свет материалы З.Я. Ходаковского (1838, 1844). Проведенные впослед-

Андреевская набережная
Ниже: Мамонова дача. Фото нач. 1930-х гг.

ствии корифеями российской и советской археологии раскопки, а также случайно найденные артефакты стали образцом для систематики древностей железного века на обширной территории Волго-Окского междуречья и сопредельных территорий,

Нескучный сад

а сама культура получила название «дьяковской».

Городище было расположено на высоте в 21 метр на коротком мысе между Москвой-рекой и небольшим оврагом, где ныне мы видим эстакаду Третьего транспортного кольца. Ранее удалось зафиксировать размеры площадки городища – 40 x 27 м. Но уже в начале XX века валы и рвы не фиксировались: очевидно, эти объекты фортификации были разрушены при устройстве парка Мамоновой дачи в XVIII веке.

В 1922 году на городище производились учебные раскопки для студентов под руководством В.А. Городцова, Б.С. Жукова и Б.А. Куфтина. Сохранился черновой набросок схематического плана местности городища, раскрашенный Куфтиным цветными карандашами. Среди случайных находок на городище стоит отметить костяной гарпун длиной 17,8 см с четырьмя слабо выступающими зубцами с одной стороны, обнаруженный О.Н. Бадером. Его аналоги археологи находили в древнейших городищах Верхнего Поволжья.

Нескучный сад

Расположенная далее территория Нескучного сада с точки зрения ран-

ней археологии представляет большой интерес. Значительная часть этой территории расположена на третьей надпойменной террасе Москвы-реки, имеющей местное историческое название – Ходынская или Боровая терраса. Она непосредственно примыкает к нижней ступени Теплостанской возвышенности, в древности покрытой донским и московскими ледниками. Ледники, надвигаясь с севера, «принесли» в составе моренных отложений окатанные обломки кристаллических пород из Финляндии и Карелии. По пути следования они захватывали и другие горные породы, в частности, желваки кремня.

Как выяснилось в ходе раскопок, сопровождающих строительство Третьего кольца, ранее река протекала где-то на месте современного Ленинского проспекта и уклон поверхности был в другую сторону. В то же время здесь на поверхности и сегодня сохранились следы древнейших оврагов и водотоков, по берегам которых любили расселяться древние люди.

Здесь уместно рассказать о некоей московской археологической загадке: следы пребывания древнейших первобытных людей, которым не менее 100 тысяч лет, были обнаружены южнее и севернее Москвы. Однако на территории самой столицы столь

древних стоянок или орудий найдено не было.

В 2008 году академик – секретарь отделения общественных наук РАН А.П. Деревянко, прогуливаясь около здания Президиума академии, обнаружил орудие, характерное для палеолита. Через год на этом месте был заложен небольшой раскоп. В работах принимали участие доктор наук из Института археологии и этнографии СО РАН. При зачистке был выявлен маломощный слой с включением кремнистых и кварцитовых галечек, среди которых оказались и расколотые рукой человека. Таким образом, ученые обнаружили культуросодержащий горизонт, о возрасте которого можно судить на основании геологических и геоморфологических наблюдений. Изучение верхней части третьей надпойменной террасы свидетельствует, что она сформировалась в холодное время – видимо, в финале московского оледенения при его таянии. Граница между московским и следующим мезинским горизонтами определена в 127 тысяч лет. К этому времени и относится культуросодержащий горизонт в Нескучном саду. Это несомненное свидетельство того, что берега реки в пределах современного мегаполиса были заселены человеком уже 120–130 тысяч лет тому назад.

Зачатьевский монастырь

На другом берегу Москвы-реки на территории древнего урочища Остожья стоит закрытый домами Зачатьевский монастырь. Обитель, предположительно, основана царем Феодором Иоанновичем в 1585 году. В конце XVIII – начале XIX века в монастыре отстроили новый собор в «готическом» стиле (школа М.Ф. Казакова). В 1930-х монастырь закрыли, собор снесли, поставив на его месте школу. От древностей монастыря, казалось, не осталось ничего. Однако при археологических исследованиях под руководством современного известного российского археолога Л.А. Беляева были обнаружены многочисленные артефакты, возраст которых датируется начиная со второй половины XIV века. Исследователи собрали интереснейший и значительный материал (раннемосковская глиняная посуда; серии монет, в т. ч. князя Дмитрия Донского; плитки от пола деревянной церкви XIV–XV веков; погребальные сосуды-елейницы и др.). В надписях древних надгробий названы монахини, скончавшиеся в 1530–1560-х годах. Плиты же без надписей и вообще относятся к XIV–XV векам. Подтвердилось и посвящение

1. Раскопки в Зачатьевском монастыре
 2. Фрагмент волосника (женский головной убор). Шитье. XVII в.
 3. Надгробие первой (?) игумении Зачатьевского монастыря Мариамны Елизаровой. 1596 г.
 Все фото: Институт археологии РАН

монастырского престола: одна из плит середины XVI столетия сообщала о смерти «попа Алексеевского». Были открыты также деревянные кельи с обшитыми деревом погребками-подпольями XIV–XVI веков, сгоревшие в пожаре. Но в подвалах

сохранилось содержимое на момент пожара: кувшины, кубышки и горшки. Древние руины монастыря сохранены в подклете воссозданной церкви, где устроен церковно-археологический музей.

Храм Христа Спасителя
 Ниже: кувфические монеты

Храм Христа Спасителя

В 1837–1838 годах при рытье фундамента для храма Христа Спасителя, где раньше было урочище Черторый, в глине на глубине более трех аршин найдено несколько кувфических монет. Две из них были атрибутированы академиком Френом: одна – тагирская, с именем владетеля, Мухам-

меда, и халифа Муста'ин-Биллаха, – бита в городе Мерве в 862 году, другая – аббасидская, халифа Му'тезз-Биллаха – в Довине в 251 в 866 году. Практически все исследователи считают, что этот клад – свидетельство активной торговли северной Европы и Востока. Однако не все полагают, что в это время уже существовал сформировавшийся город.

Кремлевская набережная

В 1922 году, проходя на заседание Комиссии по изучению старой Москвы по Ленинке к Большому Каменному мосту, известный художник-историк А.М. Васнецов обратил внимание

на груды белого камня и полуистлевших бревен в траншее для канализации. Это оказались фрагменты основания воротной Берсеневской башни Белого города: «Траншея на глубине аршин 5 (3,7 м) прорезала древнюю бревенчатую мостовую и две белокаменные стены». Эти же белокаменные кладки основания проездной Всехсвятской (Берсеневской) башни и примыкающих к ней стен укрепления Белого города были обнаружены в 1990 году при археологических наблюдениях за строительством коллектора подземных коммуникаций на стыке Кремлевской и Пречистенской набережной реки Москвы в створе улицы Ленинки. Это была одна из первых крупных охраняемых работ археологической службы Главного Управления охраны памятников города Москвы.

Улица Ленивка
и Пречистенская набережная

Находясь в непосредственной близости от Боровицких ворот Кремля и устья Неглинной, впадающей здесь в Москву-реку, башня контролировала перевоз, а позднее – Всехсвятский мост, ведущий в Замоскворечье. Эта башня (или Водяные ворота) изображена на всех известных исторических планах Москвы, начиная с «Петрова чертежа» конца XVI века. Судя по различным описаниям современников и рисункам, башня имела машикули для навесного боя и высокую, возможно, тесовую кровлю. Двойные проездные арки, ведущие от реки на Ленивый Торжок и Волхонку, запирались двустворчатыми воротами. На известной гравированной панораме Москвы П. Пикарта 1707 года «Вид с Каменным мостом из Замоскворечья» хорошо виден южный фасад башни уже без верха, с полуобвалившимися

зубцами парапета и двумя прямоугольными симметричными декоративными нишами на плоскости стены. Практически полностью стены Белого города были разобраны в 1780-х. Последними, в 1792 году, пали Арбатские ворота. Белый город окончательно стал объектом археологии.

Среди археологических объектов Москвы он, наверно, самый известный: практически все знают о существовании Белого города, но людей, осведомленных о реальной истории этого уникального фортификационного сооружения, найдется немного. Строительство грандиозной каменной стены с башнями началось в мае 1585 года. Белый, или Царев, город возводился до 1593 года под эгидой Приказа каменных дел, ведавшего всем каменным строительством в го-

сударстве в рамках программы крупного общественного строительства, инициированной царским фаворитом Борисом Годуновым.

Руководителем всех работ являлся московский зодчий «из русских людей» Федор Савельев Конь. О высоком профессиональном статусе Коня говорит величание его «церковным и палатным мастером». В царском наказе о заготовлении материалов для крепости Смоленска (еще одним крупнейшем фортификационном сооружении Руси, возведенном Ф. Конем почти одновременно с Белгородской стеной) зодчего уже именовали «государевым мастером».

Стена «Царева Белого каменного города», на месте которого сейчас располагается Бульварное кольцо, по данным Описной книги 1701 года, имела протяженность 44 631 сажень, или более 9,5 километра. Построенное из белого известняка и кирпича сооружение имело, если судить по разным планам XVII–XVIII веков, 27 или 28 башен – 17 глухих и 10 проезжих. Внутренние части башен и внешние плоскости стен были выложены из кирпича. Таким образом, название «Белый город» необязательно связано с цветом стен. Полное название «Царев Белый каменный город» может свидетельствовать о том, что стена ограждала «белые» слободы, то есть освобожденные от нало-

«Расцвет Кремля. Всехсвятский мост и Кремль в конце XVII века». Худ. А.М. Васнецов. 1922 г.

гов.

Восторженное описание стены оставил Антиохийский архидиакон Павел Алеппский, посетивший столицу Российского государства в середине XVII века: «Она больше городской стены Алеппо и изумительной постройки, ибо от земли до половины она сделана с откосом, а с половины до верху имеет выступ, и поэтому на нее не действуют пушки... Каждые ворота не прямые, как ворота Ан-Наср или Кин-Насрин в Алеппо, а устроены с изгибами и поворотами, затворяются в этом длинном проходе четырьмя дверями и непременно имеют решетчатую железную дверь...»

Одним из первых исследователей подлинных кладок Белого города стал уже упомянутый А.М. Васнецов. Для своих картин-реконструкций древнего облика Москвы он изучал не только архивы, старые карты, рукописи, но и проводил археологические наблюдения. Еще до революции художник бывал на заседаниях Археологического общества, входя в Комиссию по сохранению древних памятников. После 1917 года А.М. Васнецов возглавлял комиссию по изучению старой Москвы, активно участвуя в раскопках исторического центра города. Стена Белого города особо привлекала ученого. Известно несколько картин-реконструкций художника, изображающих стены и башни этой крепости.

«Северная угловая башня Белого города в XVII веке». Худ. А.М. Васнецов. 1924 г. Ниже: «У Мясницких ворот Белого города». Худ. А.М. Васнецов. 1926 г.

Гравированная панорама Москвы Петра Пикарта «Вид с Каменным мостом из Замоскворечья». 1707 г.

1. Печать с изображением Богоматери Оранты и архангела Михаила (1091–1096 гг.?)
 2. Большой Кремлевский клад, найденный в 1988 году
 3. Перстень из Большого Кремлевского клада
 4. Берестяные грамоты из раскопок в Московском Кремле

Кремль

Сердце Москвы – Кремль расположен в уникальном месте: из девяти известных на территории столицы коренных ландшафтов восемь практически сходятся в районе Боровицкого холма. Подобного тесного соседства не встречается больше на территории Русской равнины.

Такое разнообразие предоставляло весьма выгодные условия для хозяйствования, поэтому неудивительно, что археологи обнаружили на кремлевском холме могильник эпохи бронзы (Фатьяновская культура, конец II тыс. до н. э.) и городище раннего железного века (Дьяковская культура VIII–III в. до н. э.).

Время возникновения города до сих пор является предметом очень активной научной дискуссии. Одни ученые относят время возникновения города к XI веку, отмечая, что знаменитая встреча князей в 1147 году происходила в уже существовавшем поселении. Доводы этой стороны основываются на датировке некоторых обнаруженных артефактов XI столетия. Но главным аргументом является находка на уровне древней мостовой на глубине 5,3 метра печати диаметром 2 сантиметра и толщиной 3 миллиметра. На лицевой стороне изображена Богоматерь в позе Оранты, на обратной – погрудное изображение архангела Михаила с железом и зеркалом в руках.

По определению профессора В.Л. Янина, булла могла принадлежать киевской митрополии в период княжения Святополка Изяславовича и датируется 1091–1096 годами. Печать могла быть привешена к какой-то митрополичьей грамоте, вместе с которой и попала в Москву. Вероятное место хранения грамоты – первая московская церковь Рождества Иоанна Предтечи, стоявшая в центре детинца.

Однако противники столь ранней датировки считают, что грамота, скрепленная данной печатью, могла храниться в княжьем архиве сколь угодно долго, а артефакты имеют более позднюю датировку. И Москва как город образовывается не раньше середины XII века. Тем более что Тверская летопись говорит: в 1156 году «князь

великий Юрий Володимерич (Долгорукий) заложил град Москву, на усти же Неглинной, выше реки Яузы». Впрочем, и это сообщение иногда оспаривают, как внесенное в поздний летописный свод. Да и у историков эта запись вызывает сомнения: в 1156 году Юрий Долгорукий княжил в Киеве, и если, как предполагают исследователи, он основал Москву во время своего визита в Ростово-Суздальское княжество, то удивительно, что сей факт остался незамеченным летописцами. Существуют также предположения, что фортификационные сооружения возводились не Юрием Долгоруким, а его сыном Андреем.

В любом случае Москва, от которой ведет происхождение современная российская столица, была основана как пограничная княжеская крепость, заложенная в средней части верхней террасы Боровицкого холма, где археологические данные позволяют выделить детинец (собственно укрепление) и неукрепленный посад с христианским храмом и кладбищем. Освоена была и мысовая площадка, на которой под защитой детинца разместилось социально значимое население. Общая площадь первоначально освоенной территории составляла около 2, 5 гектара.

При строительстве Дворца Съездов в 1959–1960 годах археологи обнаружили остатки укреплений города. Дубовые бревна опирались на поперечины длиной 1,20–2,00 метра и диаметром 12–18 сантиметра, с выступающим кверху сучком. Такой обрубленный сучок образовывал своеобразный крюк, удерживавший нижнюю часть продольного бревна. На другом конце крюка поперечины были прорезано сквозное отверстие размером примерно 8x4 сантиметра. В эти отверстия забиты затесанные на четыре грани штыри длиной от 20 до 60 сантиметров. Поперечина – крюк с забитым в него штырем – должна была мешать опирающемуся на них бревну откатиться в сторону под давлением лежащего выше грунта. Остатки вала, правда, без деревянных конструкций, обнаружены и около Троицкой башни.

Интересно, что конструкция основания вала с использованием поперечин-крюков известна и по крепостям на территории Польши. А поскольку Юрий Долгорукий в это время был Киевским великим князем, версия привлечения мастеров фортификации с юго-запада очень вероятна.

Отметим также, что исследования археологов в Кремле позволили опро-

вергнуть или как минимум подвергнуть глубокому сомнению теорию поэтапного мысового роста территории древней Москвы, представленную практически во всех исследованиях по истории города на протяжении столетия, начиная с книги И.Е. Забелина. Развитие Москвы было намного сложнее: от малого города к мегаполису средневековья.

К XIII веку площадь освоения и застройки на верхней террасе Боровицкого холма увеличивается до 14 гектаров. Находка в 1990-е годы двух кладов ювелирных изделий выделяет участок размещения княжеской и боярской застройки – восточный район, рядом с юго-восточным въездом на холм со стороны Владимира, самый удобный с точки зрения размещения и обороны.

О древней кладке кремлевских стен до недавнего времени не было достаточно четкого представления. Историк С.П. Бартев писал, что цоколь, нижняя часть стен и «сердцевина» (как он выражался) верхней были белокаменными. Верхняя же часть стены имела наружную облицовку маломерным кирпичом, и многие думали, что эта облицовка древняя.

Небольшой зондаж, сделанный в 1959–1960 годах, позволил уточнить

конструкцию стен. Толщина стены составляла 453 сантиметра. На 85 сантиметров с внутренней стороны и на 80 с наружной шла кирпичная кладка. Сердцевина же стены (288 сантиметров) была забита белокаменным бутом и прорезана рядами кирпичной кладки. Появление артиллерии, а со стен Кремля «тюфяки», примитивные орудия, «заговорили» с конца XIV века, требовало новых конструкций оборонительных сооружений.

В трудах итальянского архитектора Палладио указывалось, что городские стены «...должны быть облицованы кирпичом с внутренней и внешней стороны, а внутри заполнены смесью из бута и глиняных черепков и, кроме того, через каждые три фута по всей высоте должны идти кирпичные слои». Очевидно, что миланские мастера, приглашенные возводить кремлевские стены, придерживались современных им правил фортификации.

Проведенные несколько лет назад археологические раскопки на подоле Кремля в целом подтвердили археологическую картину данной территории. Нельзя не упомянуть об очень важной находке – второй в Москве берестяной грамоты, содержащей список имущества.

Зарядье

Есть в Москве место, где мечтает поработать каждый археолог, – это Зарядье.

Первоначальное заселение его территории (в западной, наиболее древней части) может относиться к XII веку. Ну а вся территория была обжита к концу XV столетия. Близость к Кремлю и наличие двух важных улиц – современной Варварки и исчезнувшей под стилобатом гостиницы «Россия» Великой улицы – определило развитие Зарядья. Вдоль Варварки располагались церкви и подворья, многие из которых сохранились до наших дней. На Великой улице (проходила вдоль реки от стен Кремля до пристани, расположенной в восточной части Зарядья) стояли несколько церквей, известных с XV–XVI веков. Из всех церковных построек южной части Зарядья до наших дней сохранилась только церковь Зачатия Праведной Анны, что в Углу. В разветвленной сети переулков располагались многочисленные деревянные усадьбы.

Для защиты этой части московского посада в 1535–1538 годах возводится кирпичная на белокаменном основании стена Китай-города. Начиная с XVI века в Зарядье появляются каменные объекты – «в камень» перестраивались не только деревянные церкви, но и светские строения зажи-

Находки в Зарядье. Июль 2015 года

точных горожан. После пожара 1812 года – застройка только каменная, причем многие строения возводятся на фундаментах более ранних палат XVI–XVII веков. Во второй половине XIX столетия район, застроенный 3–5-этажными доходными домами, постепенно уступает относительно более удобной для проживания «верхней» части Китай-города, и здесь появляются первые трущобы.

В советское время Зарядье всегда привлекало внимание архитекторов

из-за своей близости к Кремлю. В 1920-х производится реставрация крепостной стены Китай-города – восстанавливаются верхние части башен, демонтируются многочисленные поздние пристройки. Но уже в 1930-х из-за решения возводить на территории Зарядья здание Наркомата тяжелой промышленности часть застройки (в центральной зоне Зарядья) уничтожается. Здание наркомата так и не было построено, но в 1947 году здесь начинается возведе-

ACTA DIURNA

КЛАДЕЗЬ ИНФОРМАЦИИ И КЛАД МОНЕТ

В ходе раскопок в Зарядье, на месте снесенной гостиницы «Россия», сделана уникальная находка – московская берестяная грамота, сообщает пресс-служба Института археологии РАН.

«Особо знаменательной, чрезвычайно редкой и важной для Москвы находкой стало письмо, написанное на листе, сделанном из коры березы, то есть берестяная грамота. Она, несомненно, даст нам много новой информации о жизни средневековой Москвы», – отметил руководитель раскопок Леонид Беляев, заведующий отделом археологии Московской Руси ИА РАН. По его словам, найденная грамота – первая за последние семь лет и четвертая по счету: «Это частное письмо, написанное, буква к букве, отчетливым книжным почерком XIV века, на специально подготовленной полосе бересты».

До сих пор за всю историю археологических исследований в Москве было найдено лишь три грамоты, причем только одна содержала развернутый текст.

Этой осенью ученые Института археологии РАН обнаружили в Зарядье древнейшую улицу Москвы – Великую. Она

проходила в районе Мокринского переулка и вела от Кремля к пристани. Улица относится к древнейшему этапу строительства города – XII–XIII векам.

Здесь, кроме уникальной берестяной грамоты и других артефактов, найден также один из крупнейших кладов: около 43 тысяч серебряных монет и медных копеек. Монеты находились в трех чернолощенных сосудах – крупной кубышке, фляге и кувшине. В кладе присутствуют монеты начиная с княжения Ивана Грозного (с 1533 г.) и до начала царствования Михаила Федоровича Романова (с 1613 г.). Наиболее поздние копейки Михаила Федоровича датируются 1614–1615 гг., и логично именно к этому времени отнести сокрытие клада. На тот момент, когда он был зарыт, клад представлял собой весьма значительное накопление – примерно 350–380 рублей, что соответствовало жалованью стрелецкого полковника за 12–15 лет. В целом же за такую сумму можно было в начале XVII века купить нескольких поместных сел или, например, построить боярскую резиденцию в центре Москвы (скажем, «Палаты бояр Романовых»).

ние одного из восьми высотных «сталинских» зданий. Для реализации этого проекта сносится почти вся сохранившаяся застройка, а также участок крепостной стены вдоль Москворецкой набережной. Высотка так и не была достроена, но на ее стилобатной части через десять лет началось возведение здания гостиницы «Россия».

Перед рытьем котлована под стилобат высотки в 1940 году были проведены первые на этой территории археологические раскопки, результаты которых были опубликованы только в 1946 году. С этого времени до 1964 года исследования продолжались под руководством М.Г. Рабиновича, Р.Л. Розенфельда, Д.А. Беленькой. В 1980-е в Зарядье работали С.З. Чер-

нов и А.Г. Векслер. В начале 2000-х археологические работы возобновились и продолжают до сих пор.

В процессе исследований выяснилось, что во влажном культурном слое района прекрасно сохраняются не только крупные деревянные сооружения – жилые постройки, колодцы, водоводы, но и мелкая органика – деревянные и берестяные изделия,

кожаная обувь, изделия из кости. Также получены представительные коллекции металлических, глиняных предметов – многочисленные фрагменты керамики, средневековые монеты, железные ножи, медные нагельные крестики, керамические поливные изразцы.

Важным результатом работ стало обнаружение в 2006 году на раскопах, расположенных в районе Москворецкой набережной, белокаменного основания Китайгородской стены. Фундамент выявлен на отрезке длиной бо-

лее 10 метров. Сохранившаяся под землей часть кладки имела высоту не менее 2 метров.

В 2015 году в восточной части Зарядья, в толще культурного слоя XVII века зафиксирована деревянная мостовая, обозначающая трассу известного по историческим планам Кривого переулка. Трассу переулка маркируют также многочисленные находки медных монет, разнообразных мелких предметов, обувных подковок, вероятно, потерянных жителями древнего Зарядья в Кривом переулке.

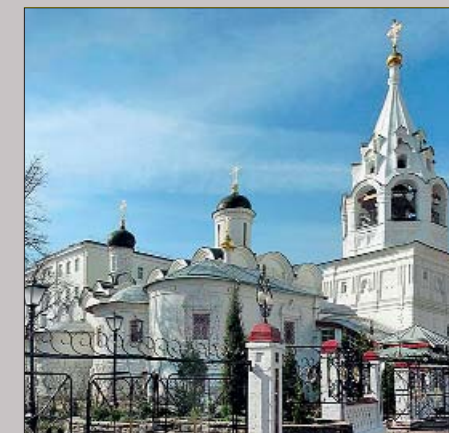
Швивая горка

Холм у устья Яузы, Швивая горка, давно привлекал внимание историков Москвы. Городище (умерший город) существовал здесь с древности. В губной грамоте (до 1486 года) упоминается городище за Яузой: «А будет душегубство за Яузою ино к нему Андрониев монастырь и городища». Забелин, вслед за Карамзиным и Ходаковским, относит это упоминание к холму в устье Яузы при впадении ее в Москву-реку. Сопоставляя указания губной

грамоты с текстом летописи о постройке первой крепости в Москве Юрием Долгоруким в 1156 году, М. Н. Тихомиров высказал мнение, что городище в устье Яузы – одно из древнейших московских поселений.

Мнения историков и археологов о нахождении древнего городища в устье Яузы подкрепляются обычно ссылками на одну из повестей о начале Москвы. Повесть эта, принадлежащая перу дьякона Холопьяго монастыря Каменевича-Рвовского, жившего в конце XVII века, приписывает основание

Храм Никиты Великомученика на Швивой горке

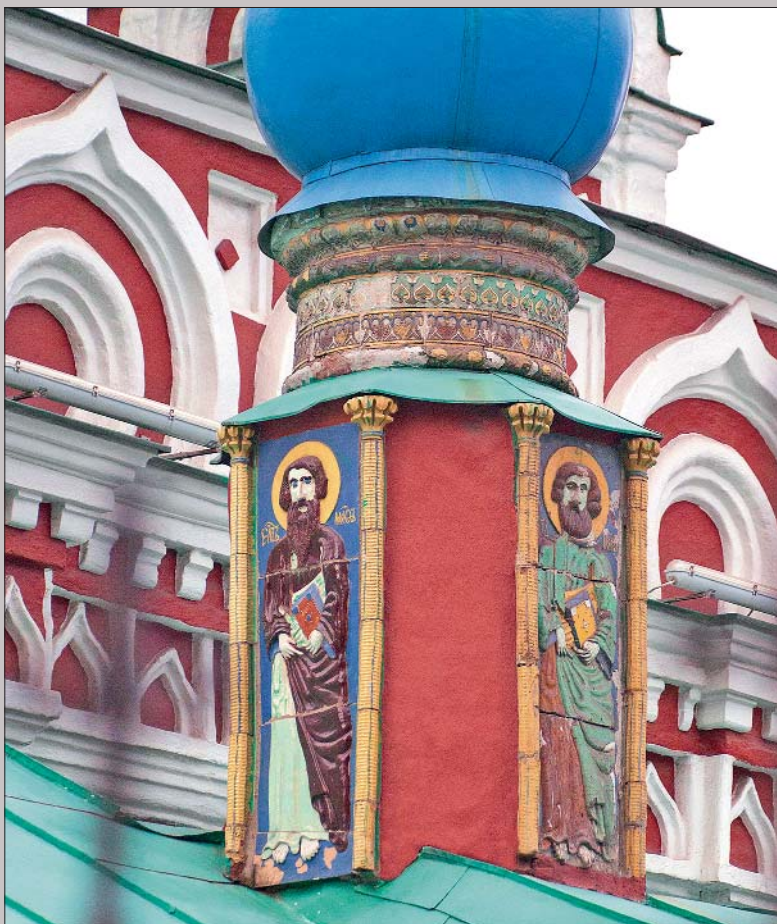

Москвы легендарному Мосоху, внуку Ноя, сыну Иафета. Историки обращают внимание на то обстоятельство, что Каменевич-Рвовский помещает городок, основанный Мосохом, не в устье Неглинной, где находился в его время Кремль, но в устье Яузы. «И созда же тогда Мосох князь градец себе малый над предвысоцей горе той над устий Явузы реки, на месте оном первопробытием своим именно, московском идеже и днесь стоит на горе оной церковь каменная святого и великого мученика Никиты бесов мучителя».

Находки в Гончарной слободе (2004 г.): красноглиняные игрушки «Коник» и «Медведь»
Справа: церковь Успения Пресвятой Богородицы в Гончарах. Фрагмент изразцового декора

Археологические исследования в устье Яузы производились в 1946–1947 годах при строительстве высотного здания. Здесь было обнаружено множество артефактов, но относящихся к гораздо более поздним горизонтам: эмалевая иконка, половина большой лощеной миски, ручка лощеного сосуда с клеймом, помадные синие банки и курительные глиняные трубки хорошей сохранности. Но находка шиферного пряслица и некоторых других древних предметов позволяет предположить существование в устье Яузы поселения еще в домонгольскую эпоху.

Однако не только возможность обнаружения самого раннего поселения привлекала внимание археологов к Швивой горке. Здесь была Гончарная слобода, центр гончарного производства. Поселение на вершине холма у Москвы-реки существовало по крайней мере с XV века. Основную часть его жителей составляли ремесленники, преимущественно гончары. Видимо, они выселялись тогда и несколько позже, в XVI веке, в эти окраинные районы Москвы. Первоначально же гончары жили на территории нынеш-

него Зарядья: там глины находились близко к поверхности. Но Москва расширялась, участки в центре становились все более престижными и дорогими. Представители знати воспользовались большой пожарной опасностью гончарного производства. Сохранился документ – жалоба царю на гончара, который жжет огонь в горнах во дворе и может спалить соседей, а соседи были все представители знатных фамилий. Так гончары оказались за Яузой. Правда, здесь, на новом месте, были нужные условия. Воды в реках Москве и Яузе вдоволь, песок брали тут же, из моренных отложений, глины тоже, видимо, было вначале достаточно. Однако позже выяснилось, что глины под Москвой гораздо более пластичные и делать изделия из них более выгодно. Анализ найденных в Гончарной слободе керамических изделий показал, что они из гжельских глин.

В одном из дворов здесь археологи нашли целых три горна, принадлежавших довольно крупной мастерской. Рядом у другого ремесленника был лишь один горн, но оригинальной

конструкции и больших размеров. Немного поодаль находилось, по-видимому, производственное помещение, где формовались и обрабатывались изделия. В нескольких метрах от горна открыли две ямы с бракованными изделиями. По днищам сосудов с клеймами одной конфигурации, но восьми различных размеров (с восемью гончарных кругов) можно было определить, что в мастерской работало не меньше 8–10 человек.

В Гончарной слободе в XVII веке жило немало выходцев из Белоруссии – «ценных дел мастеров», умеющих изготавливать полихромные изразцы со сложным орнаментом. Память об этом запечатлелась в убранстве церкви Успения в Гончарах – слободского храма.

Наша прогулка подошла к концу, а за пределами рассказа остались еще и Новоспасский монастырь, и Крутицкое подворье, и Симонов монастырь, и сенсационные данные о раннесредневековом селище у Данилова монастыря, и, конечно, Коломенское с Дьяковым городищем. Но об этом в следующий раз.

